GALACTICA MEDIA
Journal of Media Studies
Vol 8 No 2 (2026)

Platformization of Culture and Knowledge

www.galacticamedia.com

GALACTICA MEDIA
Journal of Media Studies
Том 8 № 2 (2026)

Платформизация культуры и знания

www.galacticamedia.com

ISSN: 2658-7734 18+

Galactica Media

Journal of Media Studies

Academic e-Journal

www.galacticamedia.com

Vol. 8, No 2

https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2

Platformization of Culture and Knowledge

2026

ISSN: 2658-7734 18+

Галактика медиа

журнал медиа исследований

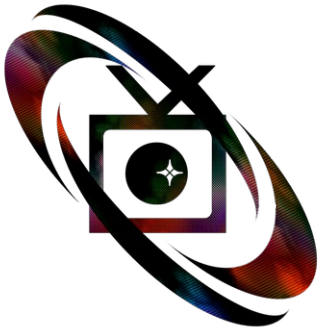
Научный электронный журнал

www.galacticamedia.com

Том 8, № 2

https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2

Платформизация культуры и знания

2026

Table of Content

NEW MEDIA AND HUMAN COMMUNICATION

15 **Kadambari, & Gunjan Sharma**
Storytelling and Visual Culture in the Digital Age: The Impact of YouTube on Short Filmmaking

40 **Alexander V. Markov, & Anna M. Sosnovskaya**
The Quadruple Interface and the Interiorization of Cultural Identity
(Using the Virtual Hermitage as an Example)

71 **Olga I. Lepilkina, Olga A. Ganzhara, & Sergey N. Bredikhin**
Auto-Stereotype about Russia in the Media for Foreign Audiences
(Based on the Material of the Telegram Channel "Gateway to Russia"

CINEMA STUDIES

90 **Elena V. Dianova**
Crimean Westerns/Osterns of the 1910s-1920s in the Context of Commemorative Practices

MEDIA LITERACY SKILLS

117 **Ben-Collins Emeka Ndinojuo, & Otikor Njanubok Samuel**
A Content Analysis of Mission and Vision Statements:
Mapping the Strategic Focus of Nigerian Universities

163 **Andrey O. Fedorov, Grigoriy V. Vakku, & Simona E. Lebedeva**
Neural Network Tools in the Arsenal of a University Teacher

MISCELLANEA

183 **Anna P. Romanova, & Maria M. Fedorova**
The Image of the Future in the Official and Scientific-Expert Discourses
of the Caspian Region Countries

215 **Sergei O. Buranok**
Manchukuo and the Japanese Colonial Model in the Assessments of the US Press in 1932

CRITICS & REVIEWS

235 **Dmitriy A. Belyaev**
Confucius as the "Bronze Bell" of the Screen: A Philosophical Media Image
between Ideology and Memory

246 **Sophia V. Yakimova**
An Invitation to Reflection about Horror: A Review of Genre Updates

Содержание

НОВЫЕ МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ

15 **Кадамбари, Шарма Г.**
Сторителлинг и визуальная культура в цифровую эпоху: влияние YouTube на создание короткометражных фильмов

40 **Марков А. В., Сосновская А. М.**
Четвероякий интерфейс и интериоризация культурной идентичности (на примере виртуального Эрмитажа)

71 **Лепилкина О. И., Ганжара О. А., Бредихин С. Н.**
Автостереотип о России в медиа для зарубежной аудитории (на материале телеграм-канала «Окно в Россию»)

ИССЛЕДОВАНИЯ КИНЕМАТОГРАФА

90 **Дианова Е. В.**
Крымские истерны / остерны 1910-1920-х годов в контексте коммеморативных практик

МЕДИЙНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

117 **Ндиноджуо Б.-К. Э., Самуэль О. Н.**
Контент-анализ заявлений о миссии и видении: картирование стратегических приоритетов нигерийских университетов

163 **Федоров А. О., Вакку Г. В., Лебедева С. Э.**
Нейросетевые инструменты в арсенале вузовского преподавателя

РАЗНОЕ

183 **Романова А. П., Федорова М. М.**
Образ будущего в официальных и научно-экспертных дискурсах стран Каспийского региона

215 **Буранок С. О.**
Маньчжоу-го и японская модель колониального порядка в оценках периодической печати США 1932 г.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

235 **Беляев Д. А.**
Конфуций как «Бронзовый колокол» экрана: философский медиаобраз между идеологией и памятью

246 **Якимова С. В.**
Приглашение к размышлению о хорроре: рецензия на обновления жанра

Dear friends, colleagues, readers, and authors!

Galactica Media: Journal of Media Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2019). The journal publishes scholastic articles, reviews, information resources, reports of expeditions, conferences and other scientific materials.

This project is a truly ambitious initiative that serves to disseminate scientific intellectual knowledge and information in the field of media and popular culture (history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.) in the modern world community.

It is not for nothing that we used the epithet ambitious, since from the very beginning of its inception and preparation, it really is such. The project was started in 2018 by a small group of enthusiasts, young scientists whose interests lie in the above-mentioned areas of research.

First of all, we have assembled a truly big international team to become the members of our editorial board, people from different parts of our "small global village" called planet Earth, as media culture theorist Herbert Marshall McLuhan put it. Our editors are leading scholars in the field of media and popular culture from Russia, USA, UK, Spain, Austria, Sweden, India, Sri Lanka, China, Malaysia, Ghana.

Therefore, we chose English (the international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as the working languages of the online journal.

Openness, and peer reviews by leading scholars are the fundamental principles of our project (Ethics). And the digital character of modern international communications made us choose the electronic version of the journal (without physical printing). Based on the above while choosing a platform we preferred an open and free engine called Open Journal Systems, which ideally allows to organize the entire publishing process.

This allowed us to automate each stage of publication through the user registration system.

The names and e-mail addresses entered on the website of this online journal will be used solely for the purposes indicated by the journal and will not be used for any other purposes or passed to other individuals or organizations.

Journal publishes articles on quarterly basis.

Our online edition is devoted to the topical issues in the field of studies of media and mass culture in the broadest coverage of: history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.

The title of the journal was chosen as a reference to the work of the famous theorist of media culture, Herbert Marshall McLuhan, who in his periodization of the invention and assimilation by mankind of mass communications (media) introduced the concept of "Galaxy" (Galaxy of Gutenberg, Galaxy Marconi, etc.).

Aim and Scope

To create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of studies of media and mass culture. We strive to ensure that our network publishing performs an important scientific function – communication and information, which allows not only to accumulate new achievements in this area, but also serves as the basis for new discoveries and insights.

Online edition maintains its principles – to ensure the intercultural dialogue and to reduce the conflict of civilizations. It adheres to the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial Board aims at removing language barriers while maintaining respect for the national culture of each nation, residing on the small planet Earth.

All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind review.

Which does not mean though that any article sent to the editor will be accepted for our online edition. Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

Best regards,
Editors

- Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019
- Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Galactica Media: Journal of Media Studies является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2019 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Данный проект является поистине амбициозной инициативой, служащей распространению научных интеллектуальных знаний и информации, посвящённых исследованиям в области медиа и массовой культуры (история, культурология, антропология, философия и т.д.) в современном мировом сообществе.

Мы не зря использовали эпитет амбициозный, так как с самого начала его зарождения и подготовки он действительно является таковым. Проект был задуман в 2018 году небольшой группой энтузиастов, молодых учёных, сферой интересов которых оказалась вышеуказанная область научных исследований.

Первым делом мы собрали по-настоящему огромную международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания и охватывает большинство континентов, как выразился теоретик медиакультуры Герберт Маршалл Маклюэн, нашей «маленькой глобальной деревни» под названием планета Земля. Сюда вошли ведущие учёные в сфере медиа и массовой культуры следующих стран: Россия, США, Великобритания, Испания, Австрия, Швеция, Индия, Шри-Ланка, Китай, Малайзия, Гана.

Поэтому в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Открытость и рецензируемость ведущими учёными всех поступающих для публикации материалов являются основополагающими научными принципами нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций заставил нас выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Исходя из вышеперечисленного в выборе платформы для реализации задуманного, мы остановились на открытом и бесплатном движке под названием Open Journal Systems, который позволяет идеально организовать весь издательский процесс.

Это дало нам возможность автоматизировать каждый этап на пути к опубликованию научных материалов через систему регистрации пользователей.

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим сетевым изданием, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований медиа и массовой культуры в самом широком их охвате: история, культурология, антропология, философия и т.д.

Название проекта было выбрано в качестве отсылки к творчеству известнейшего теоретика медиакультуры Герберта Маршалла Маклюэна, который в своей периодизации изобретения и усвоения человечеством средств массовой коммуникации (медиа) использовал понятие «Галактика» (Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони и т.д.).

Цель проекта

создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области исследований медиа и массовой культуры.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевого издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранение условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Все материалы, поступающие в редакцию проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем сетевом издании. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в сетевом издании БЕСПЛАТНО, но и гонорар авторам не выплачивается.

С уважением,
редакция журнала

- Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief	**Rastyam T. Aliev** PhD, HSE University, Russia
Associate Editors	**Olesya S. Yakushenkova** PhD, Associate Professor, Astrakhan State University, Russia **Serguey N. Yakushenkov** Dr. Habilitatus in History, Independent Researcher, Russia
Copy editors	**Emilia A. Taysina** Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Kazan State Energy University, Russia **Elina A. Sarakaeva** PhD, Hainan Professional College of Economics and Business in Haikou, China **Isabeau Vollhardt** B.A. Philosophy/English University of Washington, USA
Editorial Board	**Aleksandr V. Pavlov** Dr. Habilitatus, Associate Professor, Higher School of Economics, Russia **Alesja Serada** PhD, Assistant Professor, University of Nottingham Ningbo China, China **Amador Iranzo** PhD, Universitat Jaume I de Castelló, Spain **Christophe Duret** PhD Université de Sherbrooke, Canada **David Hesmondhalgh** PhD, Professor, University of Leeds, UK **Elena V. Khlyscheva** Dr. Habilitatus, professor, Astrakhan State University, Russia **Gautam Basu Thakur** PhD, Associate Professor, Boise State University, USA **Ibitayo Samuel Popoola** PhD, University of Lagos, Nigeria **Joan Copjec** PhD, Brown University, USA

Konstantin A. Ocheretyaniy
PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, Russia

Kwasu David Tembo
PhD, Independent Researcher, Zimbabwe

Madina Tlostanova
PhD, Professor, University of Linköping, Sweden

Maksim V. Kirchanov
Dr. Habilitatus, Associate Professor, Voronezh State University, Russia

Natalya B. Kirillova
Dr. Habilitatus, Professor, Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia

Neeraj Khattri
PhD, Associate Professor, Jaipur National University,
Jaipur Rajasthan, India

Nikolai B. Afanasov
PhD, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Qiao Li
Associate Professor, University of Wollongong in Malaysia, Malaysia

Robert Pfaller
Dr. philos., Professor, niversity of Art and Design Linz, Austria

Stephen Duncombe
PhD, Professor, Steinhardt School New York University, USA

Todd A. Comer
PhD, Professor, Defiance College, USA

Todd McGowan
PhD, Associate Professor, University of Vermont, USA

Theodora Dame Adjin-Tettey
PhD, Lecturer, University of Professional Studies, Accra, Ghana

Valeriy V. Savchuk
Dr. Habilitatus, Professor, St. Petersburg State University, Russia

Wasana Maithree Herath
PhD, Senior Lecturer, Uva Wellassa University, Sri Lanka

Редакция

Главный редактор	**Растям Туктарович Алиев** к. ист. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
Заместители главного редактора	**Олеся Сергеевна Якушенкова** к. филос. н., Астраханский государственный университет, Россия
	Сергей Николаевич Якушенков д. ист. н., профессор, независимый исследователь, Россия
Литературные редакторы	**Эмилия Анваровна Тайсина** д. филос. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет, Россия
	Элина Алиевна Саракаева к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай
	Изабо Воллхардт Бакалавр философии университет Вашингтона, Сиэтл Вашингтон, штат Вашингтон, США
Редакционная коллегия	**Александр Владимирович Павлов** д. филос. н., НИУ ВШЭ, Россия
	Алеша Серада PhD, Университет Ноттингема в Нинбо, Китай
	Амадор Иранцо PhD, Университет Хайме I, Испания
	Кристоф Дюре PhD, Университет Шербрука, Канада
	Дэвид Хесмондхалг PhD, профессор, Университет Лидса, Великобритания
	Елена Владиславовна Хлыщёва д. филос. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
	Гаутам Басу Тхакур PhD, профессор, Государственный университет Бойсе, США
	Ибитайо Самюэль Популa PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия
	Джоан Копьек PhD, профессор, Университет Брауна, США
	Константин Алексеевич Очеретяный к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
	Квасу Дэвид Тембо PhD, Независимый исследователь, Зимбабве

Мадина Тлостанова
д. филол. н., профессор, Университет Линчепинг, Швеция

Максим Валерьевич Кирчанов
д. ист. н., доцент, Воронежский государственный университет, Россия

Наталья Борисовна Кириллова
доктор культурологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Россия

Нирадж Хаттри
PhD, профессор, Джайпурский национальный университет, Индия

Николай Борисович Афанасов
к. филос. н., Институт философии РАН, Россия

Сяо Ли
PhD, профессор, Университет Вуллонгонга в Малайзии, Малайзия

Роберт Пфаллер
Dr. philos., профессор, Университет искусств и дизайна Линца, Австрия

Стивен Дункомб
PhD, профессор, Школа Стейнхардта Нью-Йоркского университета, США

Тодд А. Комер
PhD, профессор, Колледж Дефайнс, США

Тодд МакГован
PhD, профессор, Вермонтский университет, США

Теодора Даме Аджин-Тетти
PhD, лектор, Профессиональный университет в Аккре, Ghana

Валерий Владимирович Савчук
д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Васана Мейтри Герат
PhD, старший лектор Университет Ува Велласса, Шри-Ланка

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	57, Granovskiy St. apt. 2, Astrakhan, Russia 414038
Editor-in-Chief	Rastyam T. Aliev
Email	admin@galacticamedia.com
Support Contact	Olesya S. Yakushenkova
Email	galacticamedia@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2
Главный редактор	Алиев Растям Туктарович
Email	admin@galacticamedia.com
Представитель технической поддержки	Олеся Сергеевна Якушенкова
Email	galacticamedia@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.658

Storytelling and Visual Culture in the Digital Age: The Impact of YouTube on Short Filmmaking

Kadambari[1], **& Gunjan Sharma**[2]

Manipal University Jaipur. Jaipur, India

Received: 16 May 2025 | Revised: 17 October 2025 | Accepted: 25 October 2025

Abstract

As a leading digital platform, YouTube has democratized the filmmaking process, providing filmmakers with exceptional access to global audiences and innovative tools. This study explores current trends in short filmmaking on YouTube, including the use of digital technologies in film production, distribution, and audience engagement. This research paper examines the transformative impact of YouTube, a prominent social media platform, on short filmmaking, with a focus on digital storytelling and visual culture.

Through content analysis and an examination of case studies of popular YouTube short films, this study has found that YouTube has reshaped the art of short filmmaking. The study also underscores the significance of YouTube in fostering a vibrant and diverse short film community, ultimately contributing to the broader discourse on digital media and visual culture.

The findings highlight the benefits and challenges of using YouTube as a distribution platform, such as increased accessibility, cost-effectiveness, and the potential for viral success, alongside issues of content saturation and quality control.

Keywords

Digital Storytelling; Visual Culture; YouTube; Short Films; Digital Age; Short Filmmaking; Film Production; Audience Engagement; Film Community; Social Media

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

1 Email: kadambari1992[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0009-0000-2558-766X
2 Email: Journalism.gunjan[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0009-0008-0969-6055

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.658

Сторителлинг и визуальная культура в цифровую эпоху: влияние YouTube на создание короткометражных фильмов

Кадамбари[1], **Шарма Гунджан**[2]

Университет Манипал Джайпур. Джайпур, Индия

Рукопись получена: 16 мая 2025 | Пересмотрена: 17 октября 2025 | Принята: 25 октября 2025

Аннотация

Как ведущая цифровая платформа YouTube демократизировал процесс создания фильмов, предоставив кинематографистам беспрецедентный доступ к глобальной аудитории и инновационным инструментам. В этом исследовании рассматриваются современные тенденции в создании короткометражных фильмов на YouTube, включая использование цифровых технологий в производстве, распространении и взаимодействии с аудиторией. В данной работе анализируется трансформирующее влияние YouTube на создание короткометражных фильмов с особым вниманием к цифровому повествованию и визуальной культуре.

Анализ контента и изучение примеров популярных короткометражных фильмов на YouTube показали, что платформа изменила искусство создания продуктов этого кинематографического жанра. Исследование также подчеркивает значение YouTube в формировании динамичного и разнообразного сообщества авторов и зрителей короткометражного кино, что в конечном итоге способствует более широкому обсуждению цифровых медиа и визуальной культуры.

Результаты исследования подчеркивают преимущества и ограничения использования YouTube в качестве платформы для распространения, такие как повышенная доступность, экономическая эффективность и потенциал вирусного успеха, наряду с рисками насыщенности контента и контроля качества.

Ключевые слова

цифровой сторителлинг; визуальная культура; YouTube; короткометражные фильмы; цифровая эпоха; создание короткометражных фильмов; кинопроизводство; вовлечение аудитории; киносообщество; социальные сети

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: kadambari1992[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0009-0000-2558-766X
2 Email: Journalism.gunjan[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0009-0008-0969-6055

Introduction

YouTube has revolutionized global media consumption, with a reach of over 2.7 billion monthly active users and 500 hours of video uploaded every minute. It has emerged as the world's largest digital storytelling platform. In India alone, the platform has 500 million users. Among these users, 70% engage with regional-language content on a daily basis. This trend has disrupted Bollywood's traditional historical dominance (FICCI-EY, 2025). The democratization of filmmaking has enabled indie creators to compete with established studios and industry giants. This is evident in short films such as *The School Bag* and *Chutney*, which have garnered over 15 million and 25 million views, respectively, without any traditional studio backing. The rise of YouTube as a cultural and entrepreneurial force has reshaped short filmmaking by offering creators extraordinary access to global audiences. Unlike traditional gatekeeping ecosystems in media and the film industry, the platform empowers marginalized voices, regional filmmakers, feminist storytellers, and tribal animators, thereby bypassing institutional barriers. However, this democratization coexists with systemic imbalances. Beneath this apparent creative liberation lies a contradiction in the form of algorithmic bias and platform capitalism. Techniques designed to maximize engagement, such as algorithmic recommendation systems, often suppress socio-politically charged narratives while amplifying formulaic content. Meanwhile, YouTube's monetization policies leave vernacular creators at a disadvantage, with only 12% able to meet the platform's stringent Partner Program thresholds (KPMG, 2022). Such underlying forces position YouTube as a contested "Third Space," in which grassroots innovation competes with the homogenizing forces of platform capitalism. This not only compromises the creativity of storytelling but also privileges viral models over cultural authenticity (Vizcaíno-Verdú et al., 2021).

Problem Statement

While YouTube has indisputably expanded opportunities for independent filmmakers, its algorithmic authority reinforces a digital hierarchy. Tribal films like *Gond Tribe*[1] receive 30% fewer impressions than urban-centric content, while feminist reinterpretations like *Ahalya* face devaluation for challenging patriarchal norms. This conflict between democratization and sidelining raises critical questions: Does YouTube's attention economy naturally favour homogenized, algorithm-friendly material, or can it sustain diverse storytelling traditions?

Research Objectives & Questions

This study investigates YouTube's dual role as an enabler and constrainer of short film innovation in India. Specifically, it aims to:

1 See https://www.youtube.com/watch?v=nG1lCzCGWkA

- To Examine the Evolution of Creative Innovation: to understand how YouTube's algorithmic framework has enabled filmmakers to explore developments in storytelling, cinematography and production excellence throughout three pivotal eras (2007–2024).
- To Enhance Opportunities for Underrepresented Voices: Identify strategies to improve visibility, revenue generation, and representation for regional filmmakers, as well as feminist creators within YouTube's digital environment.
- To Promote Equitable and Inclusive Platform Protocols: Establish practical strategies to align the control of algorithms with cultural diversity, and inclusive growth.

Guiding Research Questions:

- How have narrative structures, story styling and cinematographic techniques evolved in response to YouTube's algorithmic demands?
- What metrics define "success" for short films on YouTube, and how do they differ for mainstream vs. underrepresented groups (regional, tribal, feminist storytellers)?
- Can hybrid models (e.g., regional content quotas, AI-driven metadata optimization) foster equitable growth without compromising cultural authenticity?

Methodology Overview

The researchers have adopted a mixed-methods approach. In doing so, they combine qualitative analysis of 20 short films using Bordwell's (2008) *Film Art* framework with quantitative metrics (e.g., views, watch time, and likes). The films are categorized into three eras: Early (2007–2015), Mid (2016–2019), and Present (2020–2024). Audience engagement data were extracted from YouTube's publicly available data. In addition, algorithmic bias was assessed through comparative analysis of impression shares and monetization reports (Zimmermann et al., 2022).

Significance of the Study

This study supports broader discussions on cultural fairness and platform governance. Through mapping YouTube's impact on India's short film environment, policymakers and platform designers can better understand how to tackle algorithmic biases. For creators, the study offers guidelines on navigating platform restrictions while preserving narrative integrity. Academically, it bridges the gap between media studies, platform economics, and post-colonial theory, thereby enriching debates on online storytelling (Bee, 2024).

Structure of the Paper

Following this introduction, the next section offers a review of the literature on algorithmic storytelling and platform capitalism. Section 3 details the mixed-methods approach used in this study. Sections 4 and 5 present the findings on narrative progression and engagement metrics. Section 6 investigates the effects of relevant policies; Section 7 concludes by proposing recommendations for more equitable digital environments.

Literature Review

The unprecedented evolution of storytelling in the digital age now establishes storytelling as an enterprise where competition is shaped by algorithmic governance and the economics of attention. Immersive short videos have been likened to entrepreneurial activities that trigger psychological impulses, with fragmented narratives and sensory overload aimed at optimizing engagement, according to Yan et al. (2023). To monetize segmented viewer time, platforms such as YouTube serve as attention markets where creators host audiovisual content. Xiang (2022) broadens that idea with concepts such as "algorithmic presence," which refers to the effect of recommendation engines curating content according to user biases and creating an illusion of intimacy with the audience. However, such curation often privileges viral templates over local and subaltern narratives. Although such insights are supposedly common to Western contexts, they raise significant questions about India's digital economy: Will YouTube's "attention marketplace" be able to accommodate the rasas of Indian storytelling? Does it reduce cultural heritage to commodified clickbait? (Benjamin, 2019)

In arguing that the digital miracle of storytelling in India is enabled and constrained by platform capitalism, Pietrobruno (2016) considers YouTube to be a neo-colonial marketplace through which a developing nation attempts to rearticulate its storytelling traditions in digital form. While urban creators, like those of *BB Ki Vines*, can amass millions of subscribers through algorithm-friendly content, filmmakers from tribal backgrounds featured in *Gond Tribe* find it next to impossible to be seen on YouTube because the platform's ad policies classify their vernacular storytelling as "unmonetizable." This shows that a form of digital caste has emerged, reproducing inequalities already present offline. This, in turn, is contextualized within the "New Wave" of decentralized digital entrepreneurship in India by Rajadhyaksha (2009), who also compares YouTube's disruptors to the indie pioneers of Satyajit Ray. Nevertheless, he warns against naive techno-optimism: while algorithms amplify feminist retellings such as *Ahalya*, they simultaneously suppress caste critiques like *Gond Tribe*, revealing inherent tensions between creative autonomy and platform dependency.

European viewers can access the short film *Gond Tribe* on YouTube; yet it often becomes a mystical essence of "ethnic art" deprived of its sociopolitical context. This paradox best illustrates the difficulty of sustaining cultural

entrepreneurship in digital environments. Such conditions also strip works of their artistic force while leaving behind only a superficial appearance of authenticity. The gut-wrenching emotion of minimalist stories like *The School Bag*[1], with its depiction of rural schooling, becomes less visible when battling for the audience's attention through thumbnails against waves of viral memes. Benjamin's criticism of mechanical reproduction makes sense within YouTube's attention economy, where narrative is sometimes split into highly replicable shorter forms designed to maximize view time (Benjamin, 2019; Bucher & Helmond, 2018).

The storytelling traditions of India have long depended on a balance between innovation and the preservation of cultural forms, including oral epics. These epics once existed alongside temple frescoes, just as Parallel Cinema today shares space with the algorithmic dominance of YouTube.

However, digital platforms command entrepreneurial agility, which requires a shift in narrative techniques:

- Traditional Narratives: Linear, chronologically bound format stories (e.g.- Satyajit Ray's Pather Panchali).
- Digital Narratives: Fragmented platform-based narratives, experimental cinematography, and audience-driven engagement strategies.

A further form of expression shaped by YouTube's specific economy is symbolic compression. In *Devi*[2], a clenched fist represents resistance and critiques algorithmic suppression. Similarly, *Chutney*[3] incorporates a rolling pin into its harrowing narrative as a metonym for domestic tension, a strategy well suited to an age in which creators weigh the integrity of art against the dictates of data. Such approaches, however, risk commodifying cultural rasa, thereby potentially jeopardizing the very existence of authentic storytelling in digital environments.

The promise of the platform lies in its democratization of convergence culture (Jenkins, 2006), where audience members become co-creators themselves. Regional films like *Mathi* (Tamil) use YouTube as a repository of language and as a means of challenging mainstream monopoly. The opposite, however, is suggested by Nick Srnicek's *Platform Capitalism* (2016), which illustrates how systematic inequalities in YouTube's Partner Program encourage the standardization of content through monetary incentives that discourage innovation in favour of templates such as those imposed by Dice Media, which restructure projects to meet the specifications of the "5-minute drama." The FICCI-EY (2025) report puts numbers to this trend, estimating that 65 percent of under-30 creators in India opt for trending formats rather than originality in pursuit of monetization. Moreover, for vernacular filmmakers like *Chhoti Si Baat* (Marathi), visibility alone does not suffice, as they face 30 percent lower impressions than their urban counterparts.

1 See https://www.youtube.com/watch?v=2oZOOKFTKpE
2 See https://www.youtube.com/watch?v=2KP0aDTVtFI
3 See https://www.youtube.com/watch?v=0krwKbsQscw

The functioning of digital storytelling as an unfolding process is therefore analyzed in the present study with the help of a dual-method approach. The qualitative analysis emphasizes narrative structure, cinematography, mise-en-scène, and visual semiotics. Drawing upon Bordwell's (2008) *Film Art*, this approach examines the technological transition through which storytelling techniques move from raw, independent, experimental forms to highly produced narratives algorithmically determined. The reception of digital storytelling is examined quantitatively through audience engagement metrics, including views, watch time, likes, shares, and sentiment analysis of comments. The interplay of these two paradigms thus enriches the understanding of the processes that impact the evolution of digital storytelling, where both artistic form and measurable audience engagement need to be considered (Hockett, 2019).

The above literature also positions YouTube as a cultural site for sustainability and creative entrepreneurship, raising the question of whether this digital marketplace sustains heterogeneous storytelling or instead promotes homogenization and algorithmic oversight. While these studies question the platform's effect on short filmmaking in India, they also provide insight into opportunities for innovation and systematic roadblocks within digital media environments.

Theoretical Framework: Platform Studies and Cultural Policy

The study employs a dual theoretical lens to understand how platforms like YouTube affect short filmmaking in India, drawing on platform studies and cultural policy. The study thus provides an account of YouTube, revealing it as a socio-technical system that enables creative expression even as it restricts the production, sharing, and distribution of particular forms of content or narratives.

Platform studies, developed by scholars like van Dijck et al. (2018) and Gillespie (2019), remind us that digital platforms are not neutral infrastructure for sharing content, but socio-technical systems composed of code, algorithms, business models, governance practices, and economic logics. As a result, platforms actively configure the conditions of cultural visibility by giving preferential treatment to some forms of content while marginalizing others. In the case of YouTube, the platform's recommendation algorithms prioritize engagement-driven content, which, at worst, incentivizes hyper-sensationalized and standardized formats at the expense of experimental or politically challenging content. In this view, YouTube acts as a cultural intermediary that curates not only how films are distributed, but also how films, especially short films, are produced and consumed. The advantages of the YouTube platform include real-time analytics, advertising-based monetization, and algorithmic feedback loops that encourage filmmakers to make content that is "platform-ready." This means that filmmakers are drawn into a feedback loop in which they adjust their narrative styles for example, documentary or experimental modes, cinematography to make it visually appealing and attention-directing, and subject matter such as social justice issues to enhance visibility within an algorithmic ecosystem.

On the one side, YouTube broadens access by lowering barriers to entry; therefore, instead of having to work with developers, investors, or other industry gatekeepers, regional filmmakers, feminist storytellers, and tribal artists can function without these gatekeepers. In contrast, YouTube creates a new hierarchy through its monetization thresholds and algorithmic filtering. Finally, YouTube provides avenues for grassroots creativity while being complicit in the structure of platform capitalism, a contemporary form of capitalism in which the extraction of data and subsequent monetization shape the parameters of cultural production.

Cultural Policy and Political Economy

YouTube functions as a civil agency or regulator in its own right, with the terms of its policies governing cultural expression in ways typically reserved for states or cultural institutions. Hesmondhalgh (2007) suggests that digital media organisations are acting more like cultural policy makers, imposing the rules of the game that determine which voices will be amplified, rewarded, or suppressed. YouTube's Partner Programme establishes criteria for monetisation that only a small proportion of Indian creators can expect to meet. YouTube thus acts as a private regulator of India's cultural economy, promoting creators who strive to produce content consistent with global advertiser-friendly standards. Cultural policy perspectives also focus on how YouTube raises related questions pertaining to equity, representation, and diversity. In India, regional-language films and narrative works critical of caste or gender norms struggle for algorithmic visibility, even though they represent a culturally significant intervention. Thus, YouTube reproduces a version of digital stratification that resembles offline hierarchies in which certain cultural forms are systematically undervalued. The influence of cultural policy therefore illustrates how YouTube's form of governance internally creates conditions for national questions involving inclusivity, diversity, and the commodification and protection of creative heritage.

Integrative Value

Jointly, platform studies and cultural policy provide an understanding of YouTube's dual role in Indian short filmmaking. The platform is not just a location of technological innovation or audience engagement, but a contested cultural field where algorithmic governance operates in relation to wider struggles for creative equity. Using these two approaches in combination, this paper understands YouTube as both a technological infrastructure and a policy actor whose logics of engagement, monetization, and visibility shape what is possible and what is impossible for digital storytelling today.

Research Methodology

The research design combines qualitative and quantitative approaches within a mixed-methods framework, allowing this study to examine the evolution of digital storytelling in YouTube short films.

For the qualitative analysis, the evolution of the medium is analyzed in terms of narrative structure, cinematography, mise-en-scène, and visual semiotics as key storytelling elements. Quantitative analysis measures audience engagement through views, watch time, likes, shares, and comment sentiments, using statistical analyses to identify patterns of engagement. The complementarity of the two approaches enriches the understanding of the trends that digital storytelling assumes, balancing textual depth with measurable audience interaction.

Qualitative Methodology

The qualitative research draws on the following theoretical framework: Bordwell's *Film Art*, which encompasses elements of filmmaking with a focus on narrative structure, cinematography, mise-en-scène, and genre. It helps to explain the transition from raw, independent storytelling to algorithm-driven, highly produced content on YouTube.

Across the three evolutionary stages on which the study focuses, the analysis examines short films made for YouTube:

Early Era (2007–2015): This period is characterized by amateur storytelling, limited plot development, and attempts at experimental filmmaking.

Mid Era (2016–2019): This phase is marked by increased production value and the introduction of structured narratives to improve platform performance.

Present Era (2020–2024): This stage is characterized by highly produced films shaped by audience analytics and defined by YouTube's recommendation algorithm.

The study analyzes a total of 20 selected short films to represent broader national trends in digital storytelling, although this sample offers only limited generalizability. These films are:

- *Early Years* (2007–2015): This phase was characterized by grassroots experimentation and the exploratory use of digital platforms. *I Am 20*[1] emerged as a viral short on YouTube, reflecting the rawness and immediacy of early digital circulation. Similarly, *OP – Stop Smelling Ur Socks*[2] represented the low-budget, experimental ethos of the time. By 2015, *Ahalya*[3] demonstrated a significant shift, using mythological motifs within a contemporary cinematic grammar; it exemplified how digital short films began to approach mainstream production standards.
- *Middle Era* (2016–2019): The middle phase witnessed a surge in production quality alongside the strategic use of YouTube's algorithm for visibility.

1 See https://www.youtube.com/watch?v=fA8h74ZW8Ok
2 See https://www.youtube.com/watch?v=VVQP-IpZZaU
3 See https://www.youtube.com/watch?v=Ff82XtV78xo

Chutney[1] employed a non-linear narrative to heighten its digital appeal, while *Khujli*[2] leaned on humor and trending topics to ensure resonance with audiences. Socially critical shorts such as *Juice*[3] dissected domestic gender relations, while *Lakshmi*[4], a Tamil short film, highlighted gender marginalization within the Indian context. *The School Bag* gained popularity through emotive storytelling and grassroots promotion, whereas *Rogan Josh*[5] illustrated the rise of alternative funding and digital distribution mechanisms. Films such as *Tindey*[6] took bolder stances, addressing caste structures in ways that conflicted with algorithmic promotion. By 2019, global perspectives also entered the Indian YouTube landscape, as seen in the Academy Award–winning *The Neighbors' Window*[7].

- *Present Era* (2020–2024): The current phase reflects the increasing influence of artificial intelligence, regional storytelling, and cross-genre experimentation. dealt with urgent social concerns, foregrounding issues of patriarchy, trauma, and child labour. *Gond Tribe*[8] represented the algorithmic marginalization of regional voices, while *No Reservations – A Pipeline Comedy*[9] used satire to critique globalization and cultural homogenization. The animated Umbrella[10] expanded the field into children's and affective storytelling, whereas *Sci-Fi Short Film – Connected*[11] reflected how AI technologies cut production costs and transformed cinematic processes. Documentaries such as *Murchison Falls: A Wildlife Adventure*[12] emphasized eco-visual storytelling for a global audience. Finally, The Broken Table[13] explored memory and aging, and *I'm Not a Robot*[14] interrogated the human–AI boundary, raising questions about authenticity, identity, and ethical dilemmas in AI-mediated culture.

This evolution illustrates both the democratization and the homogenization of digital storytelling under the pressures of audience engagement and algorithmic influence.

1 See https://www.youtube.com/watch?v=0krwKbsQscw
2 See https://www.youtube.com/watch?v=KmRzflPuCjE
3 See https://www.youtube.com/watch?v=R-Sk7fQGIjE
4 See https://www.youtube.com/watch?v=vP5dOY42DKI
5 See https://www.youtube.com/watch?v=r06uBlw0zj4
6 See https://www.youtube.com/watch?v=EGvHVQHRFG8
7 See https://www.youtube.com/watch?v=k1vCrsZ80M4
8 See https://www.youtube.com/watch?v=nG1lCzCGWkA
9 See https://www.youtube.com/watch?v=DDXx9lEwST8
10 See https://www.youtube.com/watch?v=Bl1FOKpFY2Q
11 See https://www.youtube.com/watch?v=fTukNLREXxg
12 See https://www.youtube.com/watch?v=uEOAFherIzY
13 See https://www.youtube.com/watch?v=F8bEEsCNPw8
14 See https://www.youtube.com/watch?v=4VrLQXR7mKU

Justification for Film Selection

The study analyzes twenty short films available on YouTube, deliberately chosen to represent the platform's evolution across three distinct eras: 2007–2010 (the early period, characterized by user-generated works with minimal resources), 2011–2016 (a phase of semi-professional production with improving technical quality), and 2017–2024 (an era of highly polished shorts often supported by brands or streaming platforms). This chronological spread enables an examination of the transformation in narrative style, production techniques, and audience engagement over time. The short films encompass a diverse range of genres, including drama, comedy, experimental film, slice-of-life, and social commentary, thereby capturing the adaptability of storytelling forms within the constraints and opportunities of a digital platform.

Selection criteria emphasized cultural and thematic relevance, ensuring that each film addresses issues, narratives, or aesthetics reflective of its period's sociocultural context. The corpus balances viral successes with critically recognized works, allowing for comparative insights into algorithm-driven popularity versus content-driven artistic value. All films are freely accessible in full on YouTube, ensuring transparency and reproducibility in the analysis, and are presented in their original form without editing to preserve authenticity. Priority was given to works by independent creators, highlighting YouTube's function as a democratizing medium that enables filmmakers to bypass traditional distribution channels and reach global audiences directly. This selection strategy ensures a representative and analytically rich dataset for exploring storytelling and visual culture in the digital age.

Qualitative Analysis: A Bordwellian Analysis of YouTube Short Films

Bordwell's *Film Art* framework sheds light on the transformations that have occurred across YouTube short films from the Early era (2007–2015) through the Mid era (2016–2019) to the Present era (2020–2024) in terms of narrative, cinematography, mise-en-scène, genre, cultural hybridity, and algorithmic adaptation.

The present analysis is also extended to incorporate genre, cultural hybridity, and algorithmic adaptation, dimensions particularly salient for the study of YouTube as both a site of artistic experimentation and a site of platform capitalism (Burgess & Green, 2013; Cunningham & Craig, 2019).

Narrative Structure

In the Early Era, the narrative form was simple and functional. Shorts such as *I Am 20* adopted linear storytelling, often resembling documentary or observational cinema. The story unfolded without twists, focusing on everyday people and their direct experiences. Similarly, *OP – Stop Smelling Ur Socks* was built around a straightforward comedic idea, with the narrative revolving around a single

gag. These films reveal YouTube's early character: direct, unpolished, and rooted in immediacy.

During the Mid Era, narratives began to grow in complexity. *Ahalya* transformed a mythological story into a suspense thriller, carefully withholding information to create tension and ambiguity. *Chutney* employed layered storytelling, combining melodrama with gothic elements that challenged the viewer's expectations. *Juice* and *The School Bag* also moved beyond simplicity, developing subplots and situational tension that reflected social realities.

In the Present Era, films such as *Devi* pushed narrative design much further. *Devi* relied on ensemble storytelling, weaving together the voices of several women in one confined setting. *Lakshmi* adopted allegorical narrative techniques, breaking away from linearity and using symbolism to communicate layered meanings. As shown in Figure 1, Bordwell's Film Art framework demonstrates that the impact level of narrative structure rises steadily across the three eras, from functional beginnings to sophisticated storytelling in the present.

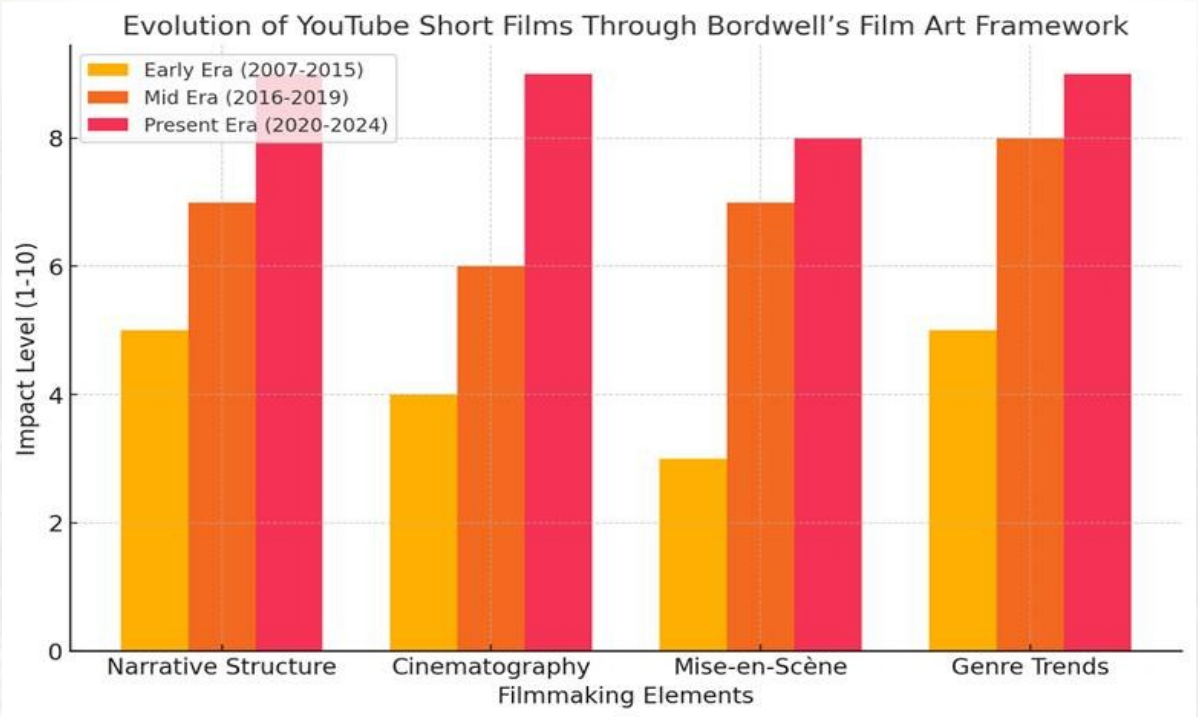

Figure 1. Bordwell's Film Art Framework.

Cinematography

Cinematography in YouTube short films reflects the shift from amateur production to professionalised digital filmmaking. In the Early Era, filmmakers relied on available light, handheld cameras, and static shots. *I Am 20* exemplifies this with its straightforward framing, which prioritises content over visual style.

The Mid Era marks the point at which technology, especially affordable DSLR cameras, changed visual aesthetics. *Chutney* used controlled lighting and precise framing to build atmosphere, while *Juice* employed careful composition to highlight domestic confinement. *The School Bag* enhanced emotional storytelling through tracking shots and a cinematic look. These examples show how shorts gradually adopted techniques once associated with mainstream cinema.

In the Present Era, cinematography became central to the films' identity. *Tindey* and *Rogan Josh* used symbolic colour palettes, long takes, and stylised framing to create a mythic and immersive effect. *Devi* relied on controlled close-ups and spatial framing to emphasise collective presence and silence. Figure 1, based on Bordwell's Film Art framework, highlights this change clearly, with cinematography showing one of the steepest growth curves, rising from minimal attention in the Early Era to near-professional quality in the Present Era.

Figure 2. *I am 20*

Figure 3. *Chutney*

Figure 4. Devi

Figure 5. *The School Bag*

Mise-en-scène

Mise-en-scène including settings, costumes, performances, and staging, shows a clear progression across eras. In the Early Era, mise-en-scène was largely incidental. *I Am 20* relied on documentary-style realism, while *OP – Stop Smelling Ur Socks* used interiors without symbolic layering. *Ahalya* marked a turning point by integrating costumes, décor, and mythic undertones to construct a stylized atmosphere.

The Mid Era brought deliberate visual design. In *Juice*, the cramped kitchen symbolized domestic confinement, while *Chutney* used costume and décor to heighten unease. *Khujli* relied on comic staging through props, and *Rogan Josh*

employed dining settings to reveal hidden trauma. Regional works like *Lakshmi* and *Tindey* used mise-en-scène to embed cultural and caste dynamics, while *The School Bag* foregrounded sparse spaces as metaphors for loss. *The Neighbors' Window* extended this to urban interiors reflecting isolation and desire.

By the Present Era, mise-en-scène became overtly symbolic. In *Devi*, the crowded room embodied collective resistance, while *Kavi* highlighted child labour through stark industrial settings. *Gond Tribe* used rural landscapes to assert marginalized identities, and *Umbrella* relied on animated palettes to evoke empathy. *No Reservations – A Pipeline Comedy* satirized consumer spaces, while *Sci-Fi Short Film – Connected* merged futuristic staging with minimalist design. *Murchison Falls: A Wildlife Adventure* used natural backdrops as spectacle, *The Broken Table* staged memory in domestic interiors, and *I'm Not a Robot* layered theatrical props with reality motifs. The upward trend shown in Figure 1, based on Bordwell's Film Art framework, highlights how mise-en-scène evolved from incidental to expressive and deeply layered.

Genre

Genre experimentation has been central to YouTube short films. In the Early Era, films leaned toward slice-of-life realism and comedy. *I Am 20* reflected documentary realism, while *OP – Stop Smelling Ur Socks* used humour and everyday relatability. By *Ahalya*, mythology was reimagined as a noir thriller, signaling a shift toward hybridisation.

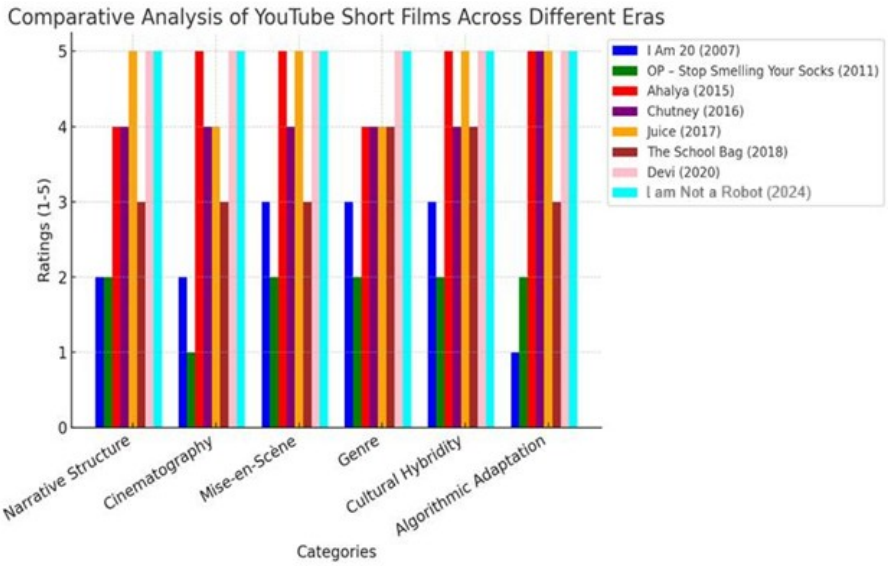

Figure 6. Matplotlib.pyplot Graph: Comparative Analysis of YouTube Short Films Across Different Eras

The Mid Era deepened this blending of forms. *Chutney* fused melodrama with suspense, *Khujli* employed comedy for social satire, and *Juice* mixed realism with

a critique of gender roles. *Lakshmi* added regional melodrama, while *The School Bag* and *Rogan Josh* drew on tragedy and psychological tension. *Tindey* layered romance with caste critique, and *The Neighbors' Window* combined urban realism with quiet emotional drama.

In the Present Era, genre intersects with social and technological commentary. *Devi* functioned as a social drama and chamber piece, while *Kavi* foregrounded human rights through realist tragedy. *Gond Tribe* took an ethnographic form, *Umbrella* used animation to evoke empathy, and *No Reservations – A Pipeline Comedy* played satire against globalization. *Sci-Fi Short Film – Connected* explored futuristic allegory, while *Murchison Falls: A Wildlife Adventure* employed documentary naturalism. *The Broken Table* staged memory as domestic drama, and *I'm Not a Robot* blended allegory, spirituality, and political critique. As shown in Figure 6, generated using Matplotlib, genre innovation steadily increased, with mid- and present-era films consistently rated higher for experimentation.

Cultural Hybridity

Cultural hybridity highlights how these films negotiate between local traditions and global storytelling forms. In the Early Era, shorts such as *I Am 20* were grounded in vernacular realism, directly reflecting the social and political conditions of India without global aesthetic overlays.

In the Mid Era, hybridity became more pronounced. *Ahalya* adapted an Indian myth but staged it through a cinematic grammar drawn from global thriller traditions. *Chutney* did the same with gothic tropes reinterpreted in an Indian domestic setting. These films combined familiar cultural symbols with globalised forms of storytelling, making them accessible to international audiences while retaining their rootedness.

In the Present Era, hybridity reaches its peak. *Devi* combined feminist discourse with ensemble storytelling associated with Western dramas, while *I'm Not a Robot* fused AI iconography with stylised contemporary cinematic technique. Figure 6, generated using Matplotlib, shows the higher cultural hybridity ratings of these present-era films, reflecting their layered negotiation between the local and the global.

Algorithmic Adaptation

Algorithmic adaptation captures how films shape themselves to YouTube's platform logic. In the Early Era, films like *I Am 20* circulated without much thought to thumbnails, metadata, or platform-specific optimisation. The focus was on content rather than visibility.

By the Mid Era, creators began to adapt. *The School Bag* benefitted from festival recognition and emotional branding, helping it gain algorithmic traction. Similarly, *Chutney* used promotional posters and paratexts to enhance discoverability.

In the Present Era, adaptation to platform logic is explicit. *Devi* relied on star power and socially urgent themes to encourage virality. *I'm Not a Robot* used symbolic titles, eye-catching thumbnails, and high-contrast visuals optimised for YouTube's algorithmic systems. These examples show how aesthetic and thematic choices are increasingly influenced by the platform's economic and technological demands. Figure 6, generated using Matplotlib, demonstrates how algorithmic adaptation becomes especially important in the Present Era, marking a sharp contrast with early shorts.

The seismic transformation of short cinema and its ecosystem through YouTube has provided filmmakers with a space in which to develop and interrogate new forms of storytelling within a contemporary media environment. With the continued growth of AI, VR, and algorithmic storytelling, the platform is likely to maintain a critical role in nurturing creativity and redefining how digital cinema engages audiences across the world. At the same time, a major challenge emerges from this evolving configuration: how to preserve legitimate artistic expression amid algorithmic control and the widening tension between technology and human creativity. In this still-emerging digital landscape, YouTube is likely to remain a key experimental space for short films, reshaping contemporary filmmaking in ways that were previously difficult to anticipate.

Quantitative Analysis: Engagement Metrics

The quantitative analysis of audience engagement in this study is based on publicly available YouTube data from the 20 selected short films.

Views and Watch Time

By analyzing data from YouTube videos, the study gains a deeper understanding of the overall reach and audience engagement of the content. The total views and average watch time per video provide valuable insights into how effectively the story and visuals capture viewers' interest. For instance, a higher average viewing duration suggests that a film has successfully held the audience's attention beyond the initial click. This assessment can shed light on the level of audience involvement and the lasting impact of the narrative, offering a more nuanced perspective on the content's performance.

The analysis of engagement data reveals significant trends in viewer behaviour across three eras, Early (2007–2015), Mid (2016–2019), and Present (2020–2024), by focusing on total views and average watch time for all 20 selected videos. These measures shed light on how successfully films from each era attract viewers' attention and sustain engagement, while also encouraging sharing and emotional response.

During the Early Era (2007–2015), the selected three films achieved approximately 26.8 million views, together with an average watch time of 993 seconds (roughly 16.6 minutes). Although the overall view counts were lower, reflecting

the early days of digital film distribution on YouTube, the relatively long viewing times indicate that content creators pursued a deeper, narrative-rich strategy. Even though production resources were more limited during this period, the short films released in it retained features of conventional cinematic storytelling. These short films relied on lengthy formats that allowed viewers to engage with the storyline in a more comprehensive manner.

The Mid Era (2016–2019) saw a notable improvement in viewer involvement. With the average viewing time rising to approximately 1011 seconds (almost 16.9 minutes), the seven short films together attracted about 201.5 million views. This era is characterized by a balance between advanced production quality and compelling narrative form. The longer average watch time and the noteworthy increase in total views demonstrate that directors were able to upgrade their storytelling techniques and production standards, thus capturing and sustaining audience interest with greater precision than in earlier periods.

In contrast, the Present Era (2020–2024) shows a marked shift toward concision and rapid impact. Eight short films from this period gained a total of approximately 76.3 million views, while the average watch time declined to around 833 seconds (roughly 13.9 minutes). Regardless of the overall lower view counts compared to the Mid Era, the reduced watch time reflects modern viewers' preferences for shorter, more dynamic content that delivers immediate yet still engaging narratives.

A graph-based visualization of these engagement metrics across the three eras vividly illustrates the evolution from traditional, long-form storytelling to the concise, fast-paced style favored by today's digital viewers.

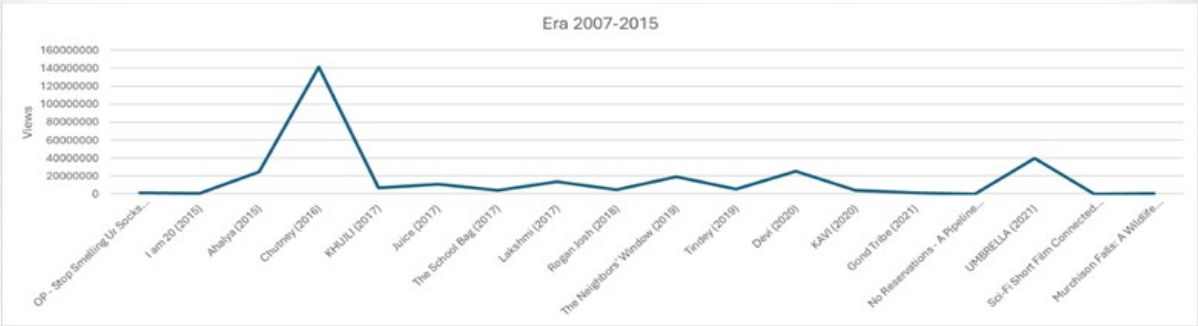

Figure 7. Comparative Analysis of Total Views Across Three Eras of YouTube Short Filmmaking

Figure 8. Temporal Trends in Average Watch Time Per Video Across Three Eras

Audience Interactivity Metrics

The study investigates audience interactivity by analyzing the number of likes publicly available on each video's page. These figures indicate the overall level of audience approval and provide a measure of interactive response.

Within the Early Era, three films, namely *OP – Stop Smelling Ur Socks*, *I Am 20*, and *Ahalya*, received a total of 234,578 likes, averaging roughly 78,000 likes per film. This era reflects the emergent stage of digital film distribution, when audience interactivity was still developing and engagement was modest yet promising.

During the Mid Era, eight films, including *Chutney*, *Juice*, and *The Neighbors' Window*, amassed approximately 1,581,196 likes, with an average nearing 197,650 likes per film. Enhanced production quality and refined storytelling appear to have contributed to a notable rise in interactive responses during this period.

In the Present Era, seven films, ranging from *Devi* with 798,192 likes to *Umbrella* (2021) with 561,925 likes, totaled about 1,415,187 likes, averaging around 202,170 likes per film. Despite higher variability, this era demonstrates an overall uplift in audience engagement, driven by sophisticated content strategies and algorithmic amplification.

The pie chart in Figure 9 presents data on audience preferences for short films based on the number of likes received. The distribution is uneven, with a few films commanding a significant share of likes, while others receive minimal engagement. In particular, *Ahalya* holds the highest proportion at 25%, followed by *The School Bag* at 19% and *Chutney* at 17%. These three films collectively dominate audience preferences, indicating strong narrative appeal or thematic resonance. Conversely, films like *I Am 20* and *Gond Tribe* register 0%, suggesting limited recognition or appeal.

Mid Era films, including *Juice* and *Kavi*, maintain moderate engagement at 8%, while others like *Lakshmi*, *Tindey*, and *Devi* remain in the lower range of 3%. The data suggest differences in audience reception, potentially influenced by factors such as storytelling, production quality, or thematic relevance. The domi-

nance of select films implies an audience preference for socially relevant or highly engaging narratives, which may reflect broader cinematic trends.

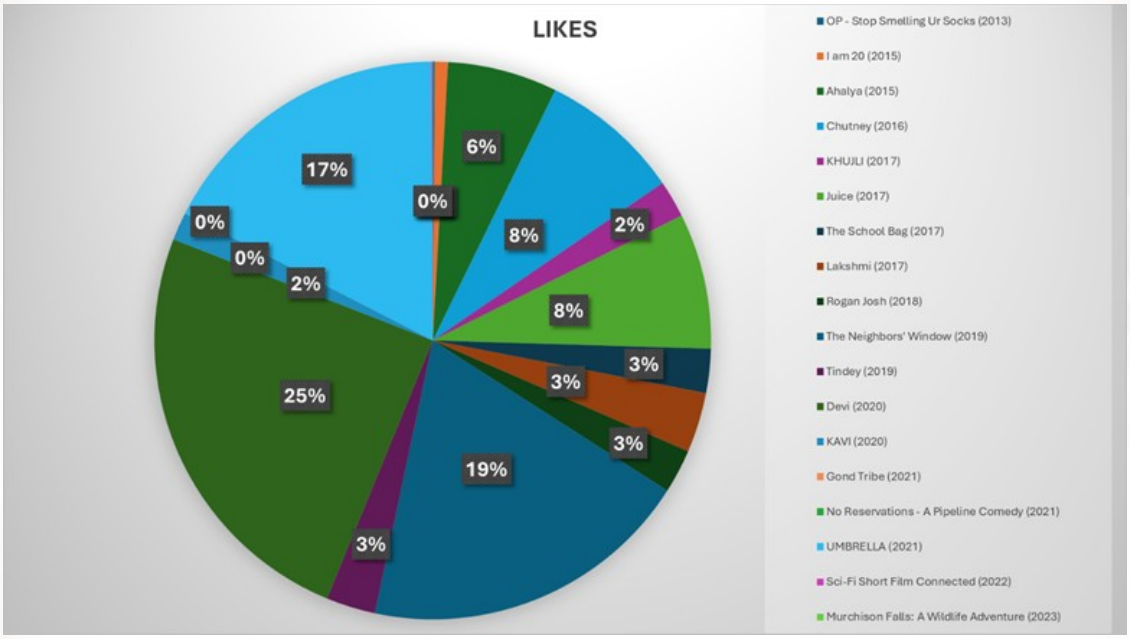

Figure 9. Audience Interactivity Trends Across Three Eras of YouTube Short Filmmaking

Findings & Discussion

YouTube short films underwent a significant evolution from 2007 to 2024, marked by radical changes in narrative structure, cinematography, thematic depth, and audience engagement. While the qualitative analysis traces a shift from experimental and grassroots storytelling to algorithm-driven content, quantitative measures reveal changes in viewership, watch time, and audience engagement. This paper explores how new techniques of digital storytelling and viewer engagement operate, showing how changes brought about by technology and platform algorithms shape trends in content production and consumption.

In the Early Era (2007–2015), YouTube emerged as a space in which raw and experimental storytelling flourished. Works such as *I Am* 20 and *OP – Stop Smelling Ur Socks* were defined more by immediacy and experimentation than by tightly structured narratives. Handheld cinematography, low production value, and naturalistic mise-en-scène characterized this period, and the filmmakers engaged audiences through documentary styles and absurd humour. *Ahalya* introduced a blend of myth and contemporary storytelling. Although the films recorded a total of just over 26.8 million views, the longer average watch time of 16.6 minutes suggests that audiences remained strongly engaged with long-form storytelling. Without algorithmic optimization, virality resulted from organic sharing rather than strategic content placement.

This was followed by the Mid Era (2016–2019), in which content creators gained the capacity to shape their narratives in accordance with platform engagement strategies. It was also the period in which hybrid modes of storytelling developed, combining formal planning, social commentary, and algorithmic adaptation. From the non-linear storytelling and suspense-building techniques of *Chutney* and *Khujli* to the minimalist yet powerful narration of *Juice* and *The School Bag*, filmmakers increasingly relied on narrative control to draw audiences in. High production value, professional cinematography, and SEO-optimized metadata became critical components of visibility. Total views rose to 201.5 million, while average watch time increased slightly to 16.9 minutes. This combination of social relevance and strategic optimization was reflected in increased likes, shares, and comments, which further reinforced audience engagement.

The Present Era is often framed in terms of technological innovation, AI-enhanced storytelling, and the future of immersion and interactivity. At the same time, films such as *Devi*, *Lakshmi*, and *Juice* are representative of a broader body of work focused on women's empowerment and critiques of caste. Meanwhile, *Connected* and *I'm Not a Robot* demonstrate an increasing reliance on artificial intelligence in film production, reducing costs while maximizing efficiency and visual appeal. Virtual reality, digital landscapes, and algorithmic optimization further reinforce these tendencies.

In summary, the quantitative analysis establishes significant trends in audience behavior and shows how content optimization affects engagement. Earlier films had lower view counts but higher watch times, while Mid Era films leveraged structured narratives combined with effective algorithmic amplification to reach wider audiences. Even though contemporary films are becoming more technically sophisticated, they also face declining watch time because of viewers' shifting preferences toward shorter, more engaging content. Overall, the findings indicate that digital storytelling has shifted from depth to accessibility and from sustained viewing to instant impact, reflecting the changing nature of online content consumption.

To further visualize the comparative analysis of short films uploaded on YouTube in different eras, the graphs generated using the pyplot module in Matplotlib represent key trends related to views, watch time, and audience engagement. These graphs provide a clear illustration of how digital storytelling on YouTube has transformed across eras.

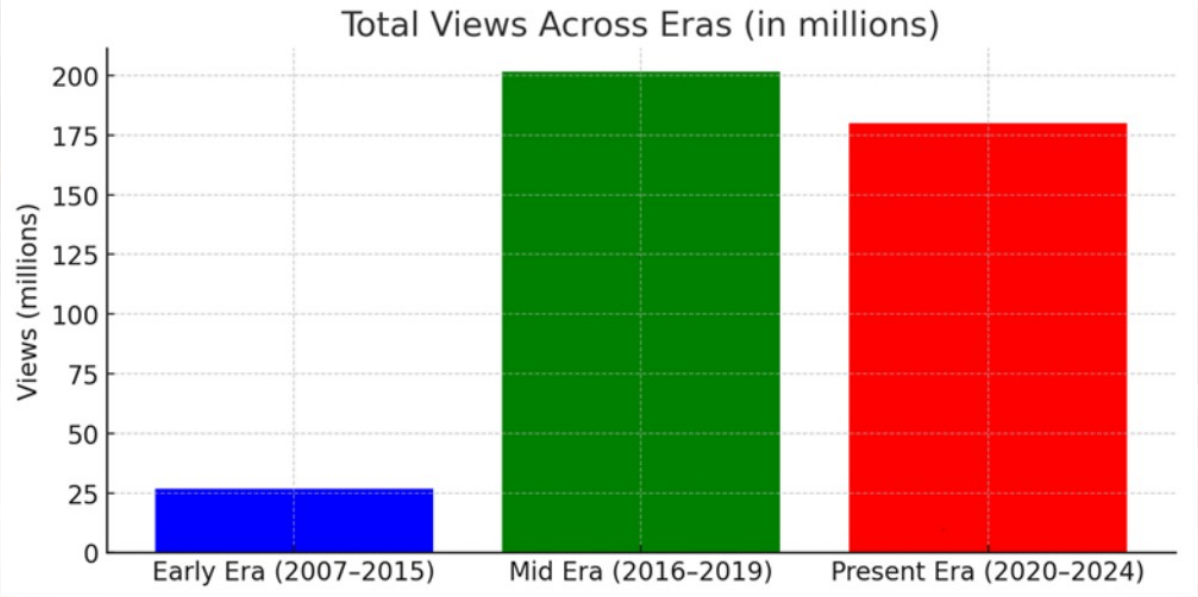

Figure 10. Total Views across Eras

The table gives a picture of the total views garnered by short films across different eras. During the Mid Era (2016–2019), there was an explosion in the number of views as a result of improved production quality, algorithmic promotion, as well as cross-platform circulation. The Present Era (2020–2024) shows a decrease in that regard, which reflects changes in patterns of viewer consumption and competition from other emerging forms of content.

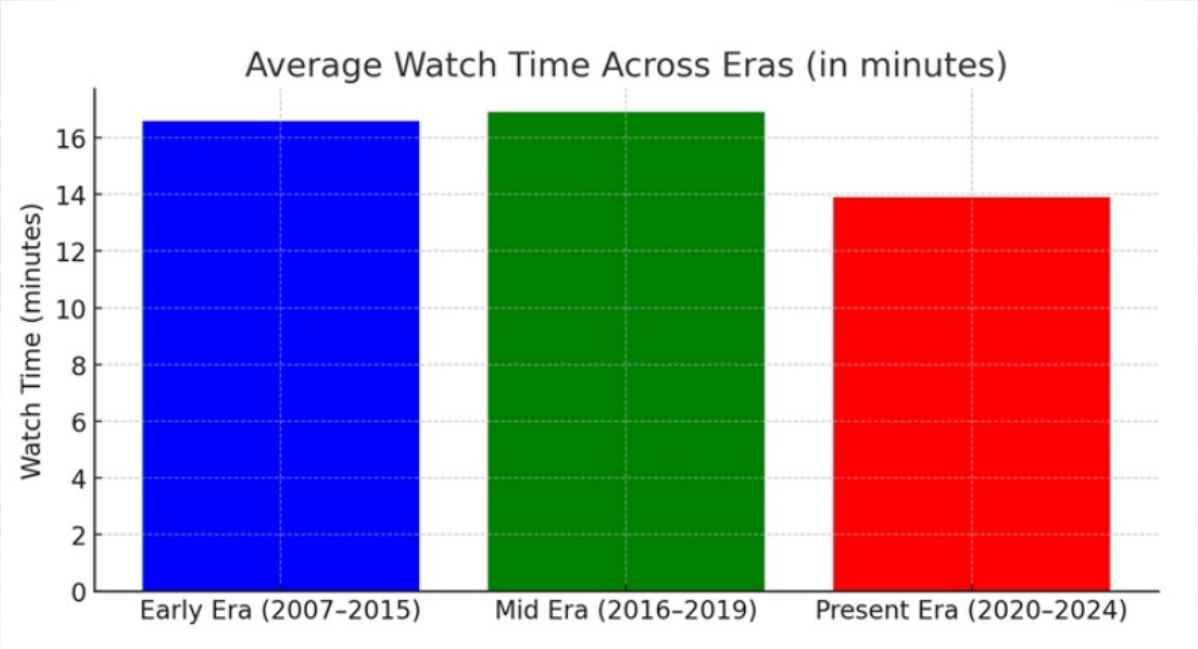

Figure 11. Average Watch Time across Eras

Trend-wise, long narratives were able to hold viewer attention in the Early Era (2007–2015), though Mid Era narratives began to carve out a more engagement-focused structure. Presently, shorter content has led to reduced average watch time despite high viewer engagement.

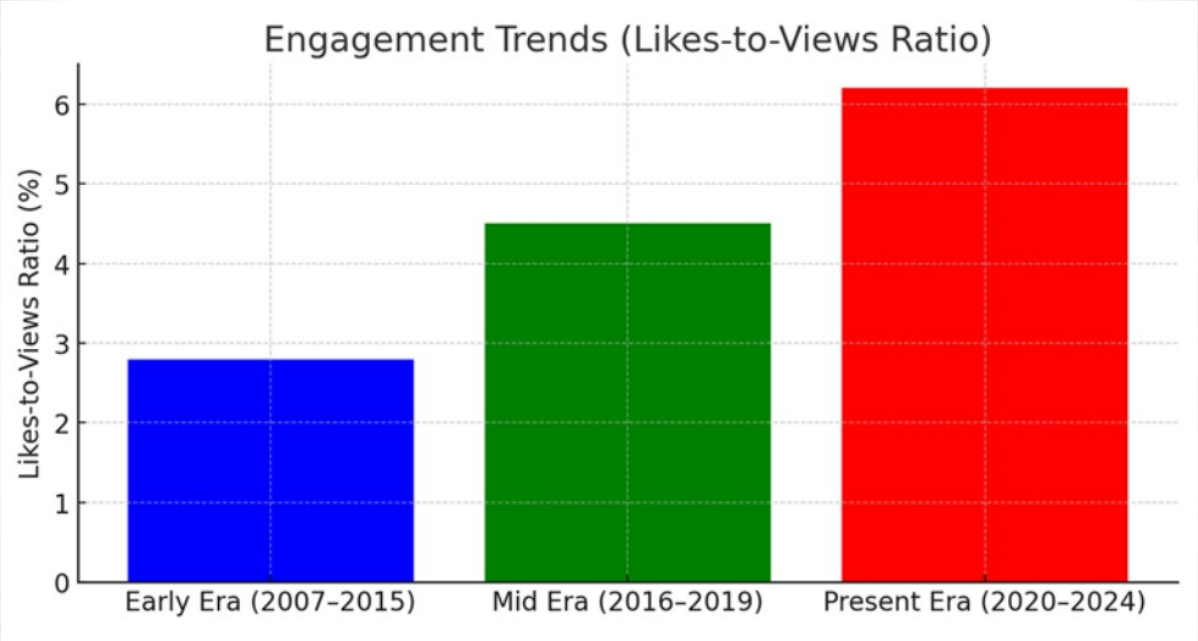

Figure 12. Trends of Engagement (Likes-to-Views Ratio)

This measure captures audience interaction in terms of the likelihood of a film being watched relative to the total number of views over time. The Current Era (2020–2024) records the highest engagement rate, which may imply that while watch time may be lower across the board, audiences are still enjoying fast-paced, immersive, and socially relevant storytelling. They solidify the transition from unfiltered, grassroots storytelling in the Early Age to highly professionalized, algorithm-directed productions in the Present Age.

Conclusion & Future Directions

In today's digital age, YouTube has developed not only as a medium for creative experimentation but also as a gatekeeper enforcing algorithmic norms, thereby shaping the course of Indian short filmmaking in significant ways. Since the inception of YouTube, the researchers have divided the last 18 years into three distinct periods: 2007–2015, 2016–2019, and 2020–2024. This classification reveals several important developments, including the evolution of narrative structures from raw, simple, linear, documentary-style productions toward intricate, complex, data-driven storytelling attuned to audience retention. Early releases such as *I Am 20* and *OP – Stop Smelling Ur Socks* highlighted unfiltered authenticity, realism, rawness, and community sharing, whereas mid-era short films like *Ahalya*

and *Chutney* featured non-linear plots, suspense and thriller elements, and layered symbolism to prolong engagement. In the contemporary era, filmmakers utilize AI-assisted personalization, ensemble casts, and narrative hooks designed to reinforce the algorithms. This demonstrates how aesthetic decisions now serve dual purposes: as vehicles for artistic expression and as instruments of viral potential.

Cinematography has also reflected this change. Techniques have evolved from handheld cameras to controlled lighting. Filmmakers have advanced from low-resolution footage to DSLR-empowered production values. Today's short films featured on YouTube not only use symbolic colour palettes but also attractive thumbnails optimized to compel mobile viewers. Mise-en-scène has likewise become strategic. Visual metaphors such as the crowded room in *Devi*, the confined kitchen in *Juice*, and the harsh industrial setting in *Kavi* demonstrate collective resistance and social marginalization. These metaphors function not only as narrative devices but also as visually compelling elements within YouTube's algorithmic ecosystem.

Significant inequalities are found in the quantitative metrics. Popular productions utilize the influence of famous actors, recognition from film festivals, and detailed platform data to excel in viewership, engagement, and revenue generation. By contrast, regional, tribal, and feminist short filmmakers receive approximately thirty percent fewer impressions. In addition, they encounter systemic barriers even after producing work of considerable cultural importance. This 'digital caste system' favors narratives that are appealing to advertisers and centered in urban contexts. As a result, vernacular and socially critical content is pushed to the sidelines. This particular scenario demonstrates the replication of offline hierarchies in online environments as well. Even with these issues and challenges, hybrid techniques and new experiments are pointing towards an equitable future. The richness of themes and narrative is not diluted even after AI-driven metadata optimization. For instance, the short film *Devi* used the language of the algorithm to achieve virality. In the future, diverse storytelling traditions can gain greater visibility by employing multiple methods, namely improving feed recommendations for regional content, implementing forms of algorithmic affirmative action, and creating decentralized curation platforms. This would also require training filmmakers in best practices for metadata and tuning AI tools for multilingual and culturally specific productions.

New technologies such as AR, VR, blockchain-based distribution, and immersive formats may redefine digital cinema. This process can be promoted through collaboration among policymakers, platform architects, and creative communities. Advocating for innovative forms of narration can balance algorithmic efficiency with cultural sovereignty. YouTube, thus, can fulfill its promise of democratizing film and create an equitable ecosystem in which heterogeneous voices can thrive.

References | Список литературы

Bee, J. (2024). Ethnographic Film, Fourth Cinema and Situated Knowledge Practices—From Colonial Film to Collaborative Research. *NTM Zeitschrift Für Geschichte Der Wissenschaften, Technik Und Medizin*, 32(3), 213–250. https://doi.org/10.1007/s00048-024-00399-w

Benjamin, R. (2019). *Race after technology: Abolitionist tools for the new Jim code*. Polity.

Berry, D. M. (2025). Synthetic media and computational capitalism: Towards a critical theory of artificial intelligence. *AI & Society*, 40(7), 5257–5269. https://doi.org/10.1007/s00146-025-02265-2

Bordwell, D., & Thompson, K. (2008). *Film art: An introduction*. McGraw-Hill.

Bucher, T., & Helmond, A. (2018). The Affordances of Social Media Platforms. In J. Burgess, A. Marwick, & T. Poell, *The SAGE Handbook of Social Media* (pp. 233–253). SAGE Publications Ltd. https://doi.org/10.4135/9781473984066.n14

Burgess, J., & Green, J. (2013). *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. John Wiley & Sons.

Cunningham, S., & Craig, D. (2019). *Social Media Entertainment: The New Intersection of Hollywood and Silicon Valley*. NYU Press. https://doi.org/10.18574/nyu/9781479838554.001.0001

FICCI-EY. (2025). *Shape the future: Indian media and entertainment is scripting a new story.* Ernst & Young LLP & Federation of Indian Chambers of Commerce and Industry. https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-in/insights/media-entertainment/images/ey-shape-the-future-indian-media-and-entertainment-is-scripting-a-new-story.pdf

Gagrčin, E., Naab, T. K., & Grub, M. F. (2024). Algorithmic media use and algorithm literacy: An integrative literature review. *New Media & Society*, 14614448241291137. https://doi.org/10.1177/14614448241291137

Gillespie, T. (2019). *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. Yale University Press. https://doi.org/10.12987/9780300235029

Gillespie, T. (2020). Content moderation, AI, and the question of scale. *Big Data & Society*, 7(2), 2053951720943234. https://doi.org/10.1177/2053951720943234

Gillespie, T. (2023). The Fact of Content Moderation; Or, Let's Not Solve the Platforms' Problems for Them. *Media and Communication*, 11(2). https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6610

Hesmondhalgh, D. (2007). *The Cultural Industries*. SAGE.

Hockett, M. A. (2019). *Get one million views overnight!: How YouTube influences the creation and reception of documentary film* [Master's Thesis, Montana State University - Bozeman, College of Arts & Architecture]. https://scholarworks.montana.edu/handle/1/15573

Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. NYU Press.

KPMG. (2022). *Media and entertainment budget* 2022–23. KPMG International. https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/in/pdf/2022/02/media-and-entertainment-budget-2022-23.pdf

Mhlambi, S., & Tiribelli, S. (2023). Decolonizing AI Ethics: Relational Autonomy as a Means to Counter AI Harms. *Topoi*, 42(3), 867–880. https://doi.org/10.1007/s11245-022-09874-2

Pietrobruno, S. (2018). YouTube flow and the transmission of heritage: The interplay of users, content, and algorithms. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 24(6), 523–537. https://doi.org/10.1177/1354856516680339

Rajadhyaksha, A. (2009). *Indian cinema in the time of celluloid: From Bollywood to the emergency*. Tulika Books. https://doi.org/10.2979/5466.0

Sekarnegara, Z. S. Y., & Handriyotopo, H. (2022). Youtube as an Alternative Medium for Appreciating Independent Short Films. *Capture : Jurnal Seni Media Rekam*, 14(1), 17–29. https://doi.org/10.33153/capture.v14i1.4056

Srnicek, N. (2016). *Platform Capitalism*. John Wiley & Sons.

Suwarto, D. H., Annisa, F., & Kulau, F. (2023). Utilizing YouTube for The Local Film Culture Expansion. *Komunikator*, 15(2), 156–166. https://doi.org/10.18196/jkm.19229

Tong, Y., Zhang, Z., & Wang, Y. (2025). "Making" Rural Elites: Empowerment of Chinese Rural "Public Affairs Live Streamers" on Short Video Platforms. *Journalism and Media*, 6(2), 58. https://doi.org/10.3390/journalmedia6020058

van Dijck, J., & Poell, T. (2018). *Social media platforms and education*. LondonSAGE reference. https://dare.uva.nl/search?identifier=f9922723-96c4-414c-a0d9-903fd28f2a02

Van Dijck, J., Poell, T., & De Waal, M. (2018). *The Platform Society* (1st ed.). Oxford University PressNew York. https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001

Vizcaíno-Verdú, A., Aguaded, I., & Contreras-Pulido, P. (2021). Understanding Transmedia Music on YouTube through Disney Storytelling. *Sustainability*, 13(7), 3667. https://doi.org/10.3390/su13073667

Xiang, Y. (2022). YouTube and the protocological control of platform organisations. *Qualitative Research in Accounting & Management*, 19(3), 348–372. https://doi.org/10.1108/QRAM-04-2021-0060

Yan, Y., He, Y., & Li, L. (2023). Why time flies? The role of immersion in short video usage behavior. *Frontiers in Psychology*, 14, 1127210. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1127210

Zimmermann, D., Noll, C., Gräßer, L., Hugger, K.-U., Braun, L. M., Nowak, T., & Kaspar, K. (2022). Influencers on YouTube: A quantitative study on young people's use and perception of videos about political and societal topics. *Current Psychology*, 41(10), 6808–6824. https://doi.org/10.1007/s12144-020-01164-7

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.657

The Quadruple Interface and the Interiorization of Cultural Identity (Using the Virtual Hermitage as an Example)

Alexander V. Markov (a), & Anna M. Sosnovskaya (b)

(a) Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
Email: markovius[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0001-6874-1073

(b) Russian Academy of National Economy and Public Administration. Saint Petersburg, Russia.
Email: sosnovskaya-am[at]ranepa.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-9736-0912

Received: 8 May 2025 | Revised: 12 October 2025 | Accepted: 20 October 2025

Abstract

Virtual museology has recently become a necessary part of cultural identification within the city: digital access to urban services is reciprocated by the virtual representation of the museum. This representation is active: it determines not only the modes of encounter with heritage, but also the very possibility of representing heritage, of its being articulated in a phenomenological sense. The article argues that the virtual museum cannot be understood only as a certain scene, but always as a scenario with its own visual and narrative parameters. In order to systematize the data, a quadruple interface model is proposed, by analogy with Graham Harman's quadruple object. Both the productivity of such a term for the study of interfaces related to the preservation and promotion of cultural heritage and the new possibilities of analyzing the feedback on the work of virtual museum representations, reactions, and user paths are substantiated. We define the interface as a dynamic structure in which the already-givenness of things and the processes of their invention are intertwined in transformation, translation, and the creation of new meanings and identities through a post-phenomenological sensibility. This post-phenomenology of the interface explores contact with things and their affordances, emphasizing the transformative nature of technology and its impact on perception and experience. The interface becomes both a means of translation and an active participant in processes of semantic transformation that occur outside the evaluative control and the usual discursive tools available to museum visitors and curators. We propose working models of a quadruple interface and show the applicability of these schemes to the Virtual Hermitage.

Keywords

Interface; Quadruple Interface; Virtual Museum; Perceptual Pattern; Discourse Criticism; Cognitive Distortions; Postphenomenology; Affordances; Hermitage; Identity

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.657

Четвероякий интерфейс и интериоризация культурной идентичности (на примере виртуального Эрмитажа)

Марков Александр Викторович (a), Сосновская Анна Михайловна (b)

(a) Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
Email: markovius[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0001-6874-1073

(b) Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Санкт-Петербург, Россия.
Email: sosnovskaya-am[at]ranepa.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-9736-0912

Рукопись получена: 8 мая 2025 | Пересмотрена: 12 октября 2025 | Принята: 20 октября 2025

Аннотация

В последнее время виртуальная музеология стала необходимой частью культурной идентификации города: цифровой доступ к городским услугам имеет своей ответной стороной виртуальное представительство музея. Это представительство активно: оно определяет не только режимы знакомства с наследием, но и саму возможность представления наследия, его явленности в феноменологическом смысле.

В статье доказывается, что виртуальный музей не может пониматься только как некоторая сцена, но и всегда понимается как сценарий, обладающий собственными визуальными и нарративными параметрами. Для систематизации данных была предложена модель четвероякого интерфейса по аналогии с четверояким объектом Грэма Хармана. Была обоснована как продуктивность такого термина для исследования интерфейсов, связанных с сохранением и пропагандой культурного наследия, так и новые возможности анализа отзывов на работу виртуальных представительств музея, реакций и пользовательских маршрутов.

Мы определяем интерфейс как динамическую структуру, в которой уже-данность вещей и процессы их изобретения в ходе трансформации (переводе) переплетаются, создавая новые значения и идентичности посредством постфеноменологической чувствительности. Такая постфеноменология интерфейса изучает контакт с вещами и их аффордансами, подчеркивая преобразующую природу технологий и их влияние на восприятие и опыт. Интерфейс становится и средством перевода, и активным участником процессов семантических преобразований, которые происходят вне оценивающего контроля и привычных инструментов дискурсивного действия музейных посетителей и кураторов. Предлагаются работающие схемы четвероякого интерфейса, выявляется применимость этих схем к виртуальному Эрмитажу.

Ключевые слова

интерфейс; четвероякий интерфейс; виртуальный музей; перцептивный паттерн; критика дискурса; когнитивные искажения; постфеноменология; аффордансы; Эрмитаж; идентичность

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

После пандемии виртуальное представительство музеев стало необходимой частью музейной деятельности. Смысл этого виртуального представительства менялся: в период пандемии это была замена музея, то есть имитация строения музея подручными средствами. После открытия музеев сразу же выяснилось, что музей постоянно переосмысляет свое виртуальное представительство как интерфейс, который обучает реальных и потенциальных посетителей новым навыкам отношения к музею.

На интерфейсовый характер онлайн-театра уже обращали внимание исследователи: «Напротив, потребитель цифрового искусства должен обладать широким диапазоном восприимчивости, создавать спектакли своим непосредственным участием – в том числе телесным (спектакли-променады)» (Сердечная, 2021, с. 85). Тем самым интерфейс виртуального присутствия не просто знакомит с вещами и их свойствами, но и создает механизмы виртуального и реального фланёрства. Поэтому описывать виртуальные копии музейного пространства и артефактов просто как объекты невозможно; необходимо говорить об определенной конфигурации интерфейса цифрового искусства, направляющей работу пользователей.

Интерфейс можно понимать как механизм начального преобразования, предварительного перевода. Внутри объектно-ориентированной онтологии (ООО) перевод — это никогда не подстановка одного означающего на место другого, а всегда усложнение системы. Перевод имеет дело с уже-данностью процессов, которые запущены помимо нас, в том числе с процессами семантических преобразований. Переводчик не может относиться к процессам как к статичным ситуациям, считая, что он произведет в тексте состояние системы, которое соответствует состоянию другой системы и репрезентирует некоторое расположение вещей. Напротив, перевод возникает как реальный объект в том смысле, в каком об этом говорит Грэм Харман, — как любая вещь, о которой мы можем говорить.

Грэм Харман (Харман, 2015) обосновал идею «четвероякого объекта». В отличие от простого объекта, который мы познаем по отличительным качествам и встраиваем в систему познаваемых объектов, четвероякий объект противостоит корреляционизму, убеждению в том, что мы можем занять позицию синтеза, выводя из свойств (качеств) объектов их достоверность. Как показывает Харман, корреляционистская метафизика не может быть распространена на значительное число объектов: идеи, теоремы, союзы, исторические события и т. д. Поэтому он предлагает универсальную схему, в которой реальный объект поворачивается к нам чувственной стороной, но прямого доступа к реальным качествам у нас нет, потому что объект автономен. Мы лишь на основании корреляции чувственных качеств с возможным поведением объекта и возможным его самопредставлением устанавливаем его

реальность как способность воспроизводить эту четвероякость. В самом простом виде схема выглядит так:

Table 1. Scheme of a quadruple object	Таблица 1. Схема четвероякого объекта
Реальный объект	Реальные качества
Чувственный объект	Чувственные качества

Мы можем говорить, что «наследие» есть четвероякий объект, его нельзя свести к свойствам или качествам корреляционистского объекта. Тогда как музей как хранилище наследия мы понимаем как интерфейс перевода: любая вещь в музее переводится, становясь единицей хранения, единицей представления, единицей узнавания наследия. Такой перевод и есть реальный объект, поэтому мы познаем в музее не отдельные представления, а сам перевод, присутствие прошлого в настоящем. Происходит начальное преобразование, предшествующее получению информации. Тем самым концепция перевода наследия позволяет расширить введённое Вальтером Беньямином (Беньямин, 1996, с. 16–66) понятие ауры: аура оказывается не просто данностью, противостоящей задачам технического воспроизведения, но и финальным горизонтом преобразований, идеальным итогом перевода. Реальный перевод никогда не достигает такого идеального итога, но он способствует перенастройке восприятия, в котором наследие начинает динамически представать, возникать, рождаться как бы впервые данным. Мы обобщили это в диаграмме (Рис. 1), показывающей, как нарратив о наследии не сводится к простому представлению и моделированию вещи прошлого. Напротив, нарратив уже соотнесен с динамикой свойств и аффективных направленностей, а интерфейс, создавая перевод артефакта в экспонат, уже создает ту динамику, которая и делает узнавание наследия ауратичным. Аура оказывается горизонтом аффективного отношения и одновременно единственным оправданием нарратива как принадлежащего интерфейсу, вне которого потребитель уже не мыслит свой опыт общения с артефактом. Этот интерфейс работает с артефактом, имеющим схему:

Table 2. Museum Interface Scheme	Таблица 2. Схема музейного интерфейса
Вещь	Рассказываемые свойства
Экспонат	Запоминаемые свойства

Рисунок 1. Музейный интерфейс и механизм перевода

Figure 1. Museum interface and translation mechanism

...и сам приобретает устойчивую четвероякую схему при каждом преобразовании, например, при хранении или экспонировании, учитывая, что рассказ нужно всякий раз изобретать, а запоминаемое процессуально — никогда не данность представлений, но определенная процессуальность представлений, их способность удерживать наше внимание или интенциональная определенность, как сказали бы феноменологи.

Далеко не все свойства при начальном преобразовании подлежат вербализации. Мы очень хорошо знаем невербализуемость начального действия по различным практикам: «невыразимое» в творчестве, «вдохновение» в мысли, «навык» в производстве и др. Всё это не объясняется просто потому, что это было бы неэкономно, но при этом принадлежит интерфейсу. Без момента «невыразимости» невозможно принять творческое решение как творческое, без момента «вдохновения» невозможно принять мысль как ценную и новую, и т. д. То есть эти моменты начального действия находятся в интерфейсе, предъявляющем нечто как новое, вдохновенное или творческое. Уже-данность вещей, репрезентируемых или изобретаемых, тогда сочетается с интерфейсом-как-данностью и интерфейсом-как-процессом. Можно по аналогии

со схемой «четвероякого объекта» Грэма Хармана представить схему «четвероякого интерфейса»:

Table 3. Quadruple Interface Scheme	Таблица 3. Схема четвероякого интерфейса
Репрезентируемые вещи	Изобретаемые вещи
Данность интерфейса	Процесс интерфейса

При таком понимании можно рассматривать интерфейс одновременно как некоторую наиболее чуткую поверхность мира, «кожу», на которой мир создает собственные вещи, и как некоторую ситуацию самосборки признаков вещей, которые и оставляют следы на этой коже. Для такого изучения интерфейса необходимо привлекать и данные истории идей. Так, одно из исследований по истории идей (Светликова, 2005) показало работу интерфейса на переходе от культуры модерна к культуре авангарда в России/СССР. В качестве деятеля интерфейса изображён, например, О. М. Брик (1888–1945), своеобразный серый кардинал советского авангарда и формализма. Его лапидарность стиля, отсутствие прямых творческих манифестаций, действие за кулисами Светликова удачно объясняет нежеланием делать дополнительные «вставки», «гвозди», риторически привлекательные украшения в текстах и поведении. То есть он сохраняет интерфейс лапидарности: «Он писал лапидарно, избегая не только лишних слов, но и какой бы то ни было концептуальной нюансировки» (Светликова, 2005, с. 138). В противовес экстравертности авангарда, который постоянно преодолевал интерфейс ради радикально прагматизированного «перевода», превращения эстетики в акцию, Брик удерживал этот интерфейс и тем самым влиял и на формальную школу, и на авангард ЛЕФ не просто как идеолог, а как создатель связного интерфейса. Так, редактором журнала «Новый ЛЕФ» числился Маяковский, но фактически организационную работу осуществлял Брик. В схеме такой четвероякий интерфейс Брика можно представить так:

Table 4. Quadruple Interface Brick's Scheme	Таблица 4. Схема четвероякого интерфейса Брика
Эстетика авангарда (жест)	Прагматика авангарда (журнал «ЛЕФ»)
Форма авангарда	Формальная теория (русский формализм)

Заметим по поводу метафоры «гвоздей» Светликовой, что авангардист Иван Пуни (Jean Pougny, 1894–1956) прямо прибил настоящую тарелку настоящими гвоздями, тем самым обнажив приём.

По предположению Светликовой, такой интерфейс Брика миметически воспроизводил интерфейс секулярного еврейства. Она обратила внимание на парадокс секуляризма: евреи, отказываясь от обычаев отцов, должны были

бы ассимилироваться внутри секулярной нормы модерна, но они продолжали держаться вместе, создавать особые констелляции, которые нельзя назвать ни интеллектуальными, ни творческими и нельзя свести к готовым моделям «клуба», «богемы» и других модерных форм самоорганизации людей свободных профессий. Светликова приводит слова Зеева (Владимира) Жаботинского — «социальный комизм» (Светликова, 2005, с. 126), имея в виду, что евреи ведут себя как слушатели в синагоге, но при этом собираются в театре или библиотеке. «Круг формалистов, большую часть которого составляли евреи, соответствовал этому наблюдению» (там же). Иначе говоря, еврейство было уже не вещью, не руководством к действию, а интерфейсом, позволяющим вырабатывать новые концепции. «Национальные проблемы подталкивали их друг к другу, формируя их круг, а значит, и концепции, поскольку последние вырабатывались в процессе постоянного общения». Формализовать эту фразу Светликовой как четвероякий интерфейс мы можем так:

Table 5. Quadruple Interface of Jewry Scheme	Таблица 5. Схема четвероякого интерфейса еврейства
Еврейский обычай (держаться вместе вокруг чтения)	Изобретаемый обычай (создавать новые процедуры и практики чтения)
Секулярный обычай (вырабатывать идеи)	Секулярный процесс (превращать идеи в концепции)

Эта схема может быть распространена и на евреев-филологов до эпохи авангарда, таких как Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) или Михаил Осипович Гершензон (1869–1925). Но Брик произвел сдвиг интерфейса благодаря наличию свободного капитала, чего не было у Венгерова и Гершензона, став издателем, а не просто писателем и филологом, и тем самым образовав новый интерфейс формализма и авангарда. Издавать было жестом, и этот жест воссоздал четвероякий интерфейс.

Процедуру остранения Светликова тоже описывает как интерфейс. Указывая на один из источников построений формалистов — психологию Уильяма Джеймса, она приводит цитату, которая действительно повлияла на формалистов. При остраненном перечитывании печатного слова появляется этот эффект: «Слово это будет глядеть на него со страницы, как стеклянный глаз, не одухотворенный мыслью. Его составные элементы — налицо, но смысл его улетучился» (Светликова, 2005, с. 80). Таким образом, как бы кожа глаза обнажается, становится восприимчивой, а воспринимающий создает новые идеи. Тогда остранение может быть изображено тоже как четвероякий интерфейс:

Table 6. Quadruple Interface of alienation Scheme	Таблица 6. Схема четверояко интерфейса остранения
Застывший взгляд (странность слова)	Прагматика взгляда (открыть что-то новое)
Обнаженный взгляд (чуткий взгляд на слово, ранимый как кожа)	Процесс взгляда (открыть что-то новое в знакомом)

«Кожа взгляда» — это образцовый интерфейс в целом социального взаимодействия. О. А. Штайн подробно раскрывает социальный смысл кожи: «Кожа определяет тело как неустойчивое в своих экзистенциальных границах, балансирующее между моим/другим, своим/иным. (...) Опыт границы как доступный нам в имманентной действительности опыт трансценденции. (...) Через порог, границу («границу натяжений») протекает поток событий внешнего мира: она задерживает в себе определенное внешнее воздействие, чтобы тут же измениться в реакции на него. Граница не только разделяет, но и соединяет» (Штайн, 2013, с. 108–109). Можно тогда схематизировать кожу как четвероякий интерфейс следующим образом:

Table 7. Quadruple Interface of skin Scheme	Таблица 7. Схема четверояко интерфейса кожи
Кожа как неустойчивый медиум	Следы соединения на коже (татуировка, шрамы и т.д.)
Кожа как схватывание трансцендентного	Обострение чувственности кожи (чувствительность, мысль о внешнем мире)

Тем самым кожа уже есть четвероякий интерфейс. Далее Штайн приводит множество примеров из Ж. Делёза, В. Подороги, жизни Э. Уорхола, кинематографа А. Сокурова, прозы Б. Стерлинга, подтверждающих, что письмо на коже социально и что социальная чувствительность неотделима от индивидуального ответственного несения следов. При этом кожа напоминает о своей неустойчивости и оказывается обращена ко внешнему миру, который позволяет ей нарастать. То есть все примеры из философии, литературы и искусства только подтверждают начальную структуру четвероякого интерфейса. Достаточно, как Джеймс, представить ситуацию взгляда как кожу взгляда, и тогда у нас возникнет формалистское остранение.

А. В. Ямпольская увидела в этом четверояком интерфейсе формализма реализацию феноменологического метода. «Но как мы получаем доступ к «видимости» видения? Это тоже род видения, род интуиции? Шкловский, а вместе с ним и весь русский формализм, отвечает на этот вопрос отрицательно. Мы видим вещь, но мы ощущаем или переживаем произведение искусства» (Ямпольская, 2019, с. 65). Таким образом, исходным интерфейсом оказывается такой:

Table 8. Quadruple Interface of phenomenology/formalism Scheme	Таблица 8. Схема четверояκого интерфейса феноменологии/формализма
Видимость вещи	Переживание вещественности вещи (открытие сущности)
Видимость самого видения	Переживание произведения искусства (открытие творческого жеста)

Такой интерфейс у Ямпольской тоже обоснован множеством примеров и, прежде всего структурой акта ви́дения в феноменологии. Можно сказать, что интенциональность, которая заставляет нас видеть, размыкает саму структуру разума: трансцендентальная субъективность всегда открыта неожиданному, новому смыслу, поскольку сама структура смысла предполагает «*прогрессирующее смыслообогащение и дальнейшее смыслообразование*» [Гуссерль]» (Ямпольская, 2019, с. 67) (курсив автора). Тогда можно кожу глаза понимать именно как условие видимости вещи, а переживание произведения искусства — не просто как открытие творчества, но как обострение чувственности этой кожи при смыслообогащении в видимости самого видения. Структура смысла как переживание вещественности вещи соответствует переживанию произведения искусства как дальнейшему смыслообразованию, которое тоже нас задевает.

Ямпольская настаивает на различии феноменологии как исследования условий видимости или данности вещей и постфеноменологии как постоянно создающей зазор между данностью и заданием, данностью и возможностью. Если феноменология имеет дело исключительно с одним актом воздержания от суждения (эпохе́) как условием получения достоверных данных, то постфеноменология настаивает на том, что мы некоторыми данными уже обладаем, и критическая проверка этого обладания не отделима от исследования свойств самих феноменов: их способности являться нам, активно воздействовать на нас, аффицировать, создавать интенсивные аффективные режимы. Подробное обоснование со стороны Ямпольской такой главной задачи постфеноменологии вполне может быть формализовано и как четвероякий интерфейс:

Table 9. Four-Fold Interface of postphenomenology Scheme	Таблица 9. Схема четверояκого интерфейса постфеноменологии
Познание явления	Аффективные режимы суждения
Познание наших знаний о явлении	Аффекты, принадлежащие явлениям

Практически постфеноменология применена в статье (Drygalska, 2024), где говорится о постфеноменологической чувственности при соприкосновении с экраном. Экран ограничивает число режимов суждения, но при этом аффекты, принадлежащие явлениям, становятся знаниевыми эффектами,

противостоящими дискурсивным паттернам или шаблонам. Тогда, познавая наши знания о явлении в ходе пользовательской активности, мы распознаем как раз тот аффективный режим, который в данный момент наименее дискурсивен (наименее связан с шаблонами) и наиболее перформативен.

Таким образом, мы показали, что концепция «четвероякого интерфейса» (2×2 матрица, связывающая эстетику/форму/видимость с прагматикой / теорией / переживанием) является эффективным инструментом для анализа самых разных культурных, философских и медийных явлений. Преимущество модели четвероякого интерфейса состоит в том, что она не редуцирует наследие к какой-то одной его стороне: следу прежних событий, аффективно насыщенному воспоминанию или нормативной аксиологии пользования артефактами. Любая сторона пользования наследием и присутствия наследия, такая как след, шаблон, образец, инструкция, намек и т. д., может быть встроена в четвероякий интерфейс как направленная на восстановление ауратичности в материальной динамике присутствия наследия. Интерфейс оказывается необратимым, и это сохраняет науки о медиа от односторонней идеализации (от сведения вещи к чему-то зафиксированному и потому идеализированному и от сведения интерфейса к обработке и адаптации готового, где динамика исчерпывается результатами обработки). Напротив, вся материальная динамика работы с наследием, включая способы взаимодействия с материальным пространством, способы возможного повторения, способы проекции знаний на возможные материальные результаты, оказывается актуализована и способствует восстановлению ауратичности наследия при переключении от одних практик к другим, например от аффективного восприятия к планированию работы с наследием и обратно.

«Четвероякость» как структура в каждой схеме может быть прочитана следующим образом: Левая колонка описывает исходное состояние, материал или объект (эстетика, форма, застывший взгляд, кожа как медиум, видимость вещи / видения, познание явления / знаний). Правая колонка описывает результат, процесс, практику или эффект (прагматика, теория, процесс взгляда, следы/обострение, переживание, аффекты/режимы). Верхняя строка связана с внешним проявлением, объектной стороной или данностью. Нижняя строка связана с внутренним механизмом, субъектной стороной или рефлексией / процессом. Центр — на пересечении, на границе — «работает» интерфейс, обеспечивая связь между элементами матрицы. Так, в наших примерах Брик, еврейство, остранение, кожа, акт видения, познание — все они функционируют на пересечении этих полюсов. Таким образом, наследие через интерфейс оказывается материально-аффективной данностью, тогда как познание этой данности уже становится динамичным благодаря необратимости интерфейса — и в этой динамике наследие подвергается наименьшей редукции, сведению к идеализированным сторонам его существования, проявления, восприятия или воспринятости.

Ключевыми свойствами интерфейса являются: граница, разделяющая и соединяющая миры (эстетика-прагматика, форма-теория, мое-другое, данность-возможность), проявляющаяся как активная, восприимчивая «кожа», реагирующая на воздействия и оставляющая следы, а также как динамичное место самосборки, генерирующее новые смыслы, практики, концепции и аффекты в процессе взаимодействия. Эта генерация оказывается внутри необратимого интерфейса, обеспечивая целостность взаимодействия и уникальность переключений от аффективных к прагматическим режимам и обратно, при зыбкости границ между этими режимами, так как чем нюансированнее аффективное отношение, тем больше оно поддержано уже принятыми однозначными прагматическими решениями.

Выявленная модель «четвероякого интерфейса» позволяет глубже и комплекснее понять взаимодействие человека с цифровой и экранной средой, в том числе в контексте виртуального наследия, чем существующие модели, поскольку учитывает невыразимые, недискурсивные и онтологические измерения опыта. Далее применим разработанную модель к анализу конкретного музейного интерфейса.

Как четвероякий интерфейс мы рассмотрим компьютерный интерфейс виртуального Эрмитажа, который мы определяем как его репрезентацию в виртуальной реальности: медиа и сайтового пространства. Такой интерфейс демонстрирует четырёхчленное напряжение между своими реальными и чувственными ипостасями и реальными и чувственными качествами следующим образом: реальный и до конца неконтролируемый интерфейс функционирует сам по себе без человека, например, связываясь с ботами и алгоритмами; у него есть реальные видимые качества и физические характеристики; он есть чувственный объект, потому что вовлекает пользователей, и каждый переживает его чувственные качества по-своему. Мы далее покажем, что виртуальный Эрмитаж обладает всеми качествами четвероякого интерфейса и решает не только отдельные функциональные задачи (пропаганда наследия, популяризация или творческая переработка данных о наследии), но и вполне обобщенную задачу создания в виртуальной среде ауратического отношения к Эрмитажу, его коллекциям, нарративам и аффективным сингулярностям его бытования — благодаря структуре интерфейса как единственному условию динамики восприятия, превращения пользовательских привычек экранного восприятия в намеренное знакомство с наследием.

Метод

С развитием технологий виртуальные туры становятся PR-инструментом для музеев, в том числе и для Государственного Эрмитажа, инструментом популяризации контента и связей с общественностью. Статистика вовлеченности (лайки, репосты) аудитории за полгода 2024 года показывает значи-

тельный интерес именно к виртуальному визиту и осмотру картин и залов (рис. 2).

Виртуальные туры предоставляют пользователям возможность исследовать коллекции и залы музея, не выходя из дома. Однако, несмотря на удобство и доступность, пользователи могут сталкиваться с различными когнитивными искажениями, которые влияют на их восприятие и взаимодействие с интерфейсом.

В современных исследованиях виртуальный музей понимается как фактор технической интеграции (Sklaska-Cimer et al., 2022), интеграции дизайнерских интерфейсов культур (Xie, 2024), интеграции сценографий (Zhang et al., 2024), интеграции самих визуальных стимулов (Иващенко и др., 2024). При этом критика интерфейса предпринимается в отдельных аспектах: с точки зрения границ когнитивных стимулов (Иващенко и др., 2024), с точки зрения действий пользователя и реализации завершенных сценариев (Алиев, 2024), с точки зрения различных идеологизаций и сакрализаций взгляда при первичном столкновении с интерфейсом (Лашхия и др., 2024), с точки зрения авангардной эпистемологии заведомо практического интерфейса (Кононучук, 2024). Исследования позволяют выделить новые концепты работы с интерфейсами: циркуляция креативных решений в воссоздании интерфейсов (Dhaenens et al., 2024), технема как предпосылка существования более одного интерфейса (Очеретяный, 2024), аффордансы технологий (Kang, 2024) — именно на понимание аффордансов в этой статье мы опираемся. Исследования цифровой онтологии как формы нарратива (Васюков и др., 2024), интерфейсов нарратива рассказа и кинематографа (Markov et al., 2024), нарративов обучения, обусловленных когнитивными установками (Sukhoverkhov et al., 2024), позволяют говорить о нарративе в новом смысле, как о предпосылке возвращения от множественности интерфейсов к приоритетному интерфейсу. Само понятие объекта при этом меняется (Genc, 2024), по-новому в этом совокупном интерфейсе понимается пассивность объекта (Orgizek et al., 2024), пассивность поведения (Li et al., 2024), своеобразная фотографическая интерпассивность (Altaratz, 2024), пассивность посетителя (Zubekhina et al., 2024), игрока (D'armenio, 2024) и переводчика (Vidal Claramonte, 2024) как необходимая для функционирования интерфейсов наследия. Эти исследования ведут к признанию момента не просто пользовательской пассивности в некоторых случаях, но структурно необходимой пассивной изобретательности пользователя, требующей принять режимы взаимодействия и с новейшими изобретениями, и с собственными изобретательскими начинаниями. Но нас интересуют не сами моменты пассивности, а структуры, делающие эту пассивность необходимым моментом взаимодействия с интерфейсом, для чего мы и предлагаем продуктивную модель четверояко интерфейса, где пассивность отношения к собственному изобретению всякий раз преодолевается активностью переключений к новым открытиям и к обретению достоверности

как рассматриваемого, так и собственного рассмотрения, что мы и показываем в статье.

Для решения задач статьи мы провели включенное наблюдение за фланированием по виртуальному туру в главном музейном комплексе нескольких человек (А = 7): двух педагогов, двух инженеров, художника, дизайнера и IT-специалиста от 15 минут до часа с последующим обсуждением опыта и соотнесением с планом исследования (рис. 3).

Далее мы рассмотрели, как задуманный план разработчиков и реальный опыт пользователей влияют на восприятие виртуального тура Эрмитажа, а также как дискурсивные паттерны формируют последовательность восприятия и запоминания информации, формируя идентичность пользователя. Виртуальный музей — это не просто цифровое хранилище, но активный «сценарий», формирующий восприятие, взаимодействие пользователя и, как следствие, процессы культурной идентификации.

Включенное наблюдение проводилось одним из авторов. Гости (родственники и друзья) по просьбе хозяйки знакомились с виртуальным Эрмитажем, впервые узнавая о его существовании, хотя все петербуржцы и имеют опыт посещения реального Эрмитажа. Это позволило соединить включенное наблюдение с активным взаимодействием, основанным на разделяемом опыте интереса и совместной вовлеченности. От участников требовалось аргументировать переходы, выборы и проявления интереса.

Мы уточняли правильность понимания, записывали на диктофон и вели дневник такого антропологического наблюдения в духе Клиффорда Гирца, который утверждал, что культура состоит из смыслов, которые люди находят для осмысления своей жизни и руководства своими действиями (Гирц, 2004, с. 13–15) — и эта «паутина смыслов» помогает ориентироваться в физическом и социальном пространстве[1]. Интерпретативная социальная наука пытается исследовать эти смыслы в диалоге, что предполагает поиск значений и раскрытие социальных механизмов, формирующих человеческий опыт. Преимущества такого расширенного включенного наблюдения: оно позволило получить глубокое понимание изучаемой практики фланерства по виртуальному музею изнутри, увидеть контакт с интерфейсом глазами участников; дало возможность изучать неформальные отношения, культурные нормы и ценности; позволило выявить скрытые проблемы и противоречия, которые могут быть не видны при других методах исследования; обеспечило сбор данных в естественной среде, уточнив все этапы и переходы, ассоциации, эмоциональное и психологическое взаимодействие пользователя с продуктом, что сделало результаты более реалистичными, исключив влияние тех идеализированных ожиданий, которые могли бы быть при простом включенном наблюдении.

1 Пример фиксации и анализа данных наблюдения: расшифровка с диктофона с помощью AI (GLM-4.5) https://disk.360.yandex.ru/i/5JbYTPyoh1NPVg

Следует отметить, что эмпирическая часть данного исследования носит качественный, иллюстративный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Основная цель проведения включенного наблюдения — не верификация модели «четверояkого интерфейса» в строгом смысле, а демонстрация её эвристического потенциала и аналитической силы. Наблюдения за пользователями призваны проиллюстрировать, как предложенная теоретическая рамка позволяет вычленить и осмыслить конкретные аспекты взаимодействия с виртуальным музеем, которые часто ускользают при традиционном UX-анализе. Таким образом, кейс Виртуального Эрмитажа служит здесь не столько объектом окончательного эмпирического доказательства, сколько полигоном для апробации и конкретизации теоретической модели.

Рисунок 2. Рейтинг вовлеченности в сюжеты новостей об Эрмитаже в СМИ и соцсетях

Figure 2 Rating of involvement in news stories about the Hermitage in mass media and social networks

Рисунок 3. План изучения интерфейса виртуального тура

Figure 3. Study plan of the virtual tour interface

Когнитивные искажения и виртуальный Эрмитаж

Задуманный план разработчиков

Разработчики виртуального тура Эрмитажа стремились создать интуитивно понятный интерфейс, который позволил бы пользователям легко ориентироваться в пространстве музея. Виртуальный тур насчитывает 43 блока панорам, включая музейные комплексы, галереи, внешние виды, выставочные центры и проекты, и в главном музейном комплексе включает 130 залов на 1 этаже, 163 зала на 2 этаже и 86 — на 3 этаже, классифицированных на стартовой странице по темам и обозначенных различными оттенками. Цветовая палитра была выбрана разработчиками так, чтобы быть приглушенной, ненавязчивой и нежной, что должно способствовать комфортному восприятию, снижая визуальную нагрузку на пользователя, что важно при работе с большим объемом информации, где необходимо выбирать по темам. Некоторые респонденты выбирали по цветам, другие шли в зону интереса, например, искали малых голландцев или «лучшие друзья девушек — бриллианты». Разработчики придумали цветовую классификацию залов

по темам, и действительно, некоторые респонденты предпочли ориентироваться по цветам, а не по текстам, так как цвет еще и поддерживал определенное настроение при работе с сайтом.

Разработчики предполагали, что пользователи будут следовать заранее заданному маршруту по списку, по номерам, но респонденты начинали с наиболее привлекательных залов, таких как Бриллиантовая кладовая, Древний Ближний Восток, «потому что цвет плашки — бирюзовый, цвет Тиффани», Древний Египет, «потому что самый большой зал в центре под номером 100». Однако, как показывает практика, пользователи часто начинают с конца, что может быть связано с визуальной привлекательностью цвета и интуитивным выбором наиболее привлекательных решений. Тем самым разработчики исходили из законов скорее реального пространства, которое открывается постепенно, но четвероякий интерфейс деформировал через нарративы и аффекты уже предварительный этап знакомства с виртуальным Эрмитажем.

Реальное прохождение

В рамках нашего ограниченного наблюдения мы зафиксировали, что поведение пользователей часто отклонялось от задуманного разработчиками маршрута. В нашем случае участники начинали осмотр по-разному. Например, пользователи могли начать, ориентируясь по репрезентирующим цветам или размеру зала на плане. Все респонденты отметили вестибулярный отклик на кружение по часовой стрелке: сопротивление при остановке против часовой стрелки, «мешает читать», объекты достаточно мелкие, что требует приближения для детального изучения, качество фотографий недостаточно хорошее, как в поисковике. Участники нашего наблюдения отмечали, что не все объекты снабжены информацией, что создает дисбаланс в восприятии, а «желательно, чтобы хотя бы 6 из 10 были рассматриваемы». Респонденты часто говорили так или иначе, что в данном опыте недостаточно социальности, потому что «поход в Эрмитаж — это выход в свет с друзьями и прогулка по городу потом», другой человек пожелал аудиогид с сопровождением по залам, еще — «хочется послушать экскурсовода-энтузиаста, чтобы получить заряд духовности».

При взаимодействии с интерфейсом многие пользователи сталкиваются с проблемами, такими как автоматическое вращение панорамы в демонстрируемых залах и при нажатии на информационную плашку, что может вызывать легкое головокружение. Не все участники нашего наблюдения догадались, что увеличить картину можно после выхода из полноэкранного режима. Также некоторые пользователи не догадались о способе выхода и не смогли определить значение некоторых иконок. Это указывает на то, что разработчики не учли возможные реакции пользователей на динамические элементы интерфейса. Однако все отметили, что интерфейс не перегружен и сфокусирован.

Закон Хика-Хаймана[1] гласит, что чем больше информации или вариантов представлено человеку, тем больше времени ему требуется для принятия решения. Сократив количество вариантов в интерфейсе, пользователи смогут быстрее принимать решения о взаимодействии и чувствовать себя более уверенными. Когда информация представлена лаконично, пользователи могут быстро сформировать мысленный образ, проанализировать его и принять решение, например, о дополнительном поиске информации в Интернете или выборе направления движения. Отсутствие разочарования от ощущения, что они могли что-то упустить при минимальном репертуаре аффордансов, приводит к более позитивному восприятию ситуации со стороны пользователя, благодаря чему интерфейс кажется менее враждебным и навязывающим, и более доступным и удобным. Таким образом, рассматриваемый интерфейс с его сокращенным объемом представленной информации оставляет пользователям пространство для маневров.

Дискурсивные паттерны и их влияние

Дискурсивные паттерны, формируемые в процессе взаимодействия с виртуальным туром, влияют на то, как пользователи воспринимают и запоминают информацию. Например, пользователи могут запомнить информацию о залах, где они нашли интересные факты, которые вызвали ассоциации (любительницы конного спорта), например, обратив внимание на трензель как как будто бы незначительную часть сбруи, или такие, которые потребовали поиска дополнительной информации, как история графа Салтыкова, в то время как информация о других залах может быть забыта из-за недостатка контекста или интереса.

Когнитивные искажения, такие как эффект фрейминга и предвзятость подтверждения, также играют роль в восприятии информации. Пользователи могут запоминать информацию, которая подтверждает их ожидания или интересы, игнорируя менее знакомые или менее интересные факты. Например, информация о штурме Зимнего дворца может быть более запоминающейся для пользователей (она отсутствует, есть лишь фото мемориальной таблички), или комментарий — несогласие часовщика, что Буре не признают «Буре и фис», а в тексте информации они объединены, или нюансы о работах малых голландцев, когда пользователем были инвестированы дополнительные ресурсы для поиска.

Виртуальный Эрмитаж представляет собой пример взаимодействия между задумками разработчиков и реальным опытом пользователей. Когнитивные искажения и дискурсивные паттерны влияют на то, как пользователи воспринимают нарратив и запоминают информацию, следуя персональной траектории интереса и соприкасаясь в той или иной мере с невыразимым

1 Закон Хика -Хаймана назван в честь британской и американской психологической группы Уильяма Эдмунда Хика и Рэя Хаймана . В 1952 году эта пара решила изучить связь между количеством присутствующих стимулов и временем реакции человека на любой заданный стимул.

в культурном наследии. Итоговое соединение модели четвероякого объекта Грэма Хармана и современных понятий интерфейса представлено в следующей схеме:

Table 10 Quadruple Interface: Summary	Таблица 10 Четвероякий интерфейс: итог
репрезентируемые вещи — это невыразимость (реальная вещь)	изобретаемые вещи — реконструированные в интерфейсе качества (реальные качества), переведенные и усложненные означающие
данность интерфейса — структура интерфейса (чувственная вещь, кожа, UI)	процесс интерфейса — взаимодействие с интерфейсом (чувственные качества, UX и феноменология пользователя)

Анализ любого конкретного интерфейса через призму «четвероякого интерфейса» по аналогии с четверицей Грэма Хармана позволяет глубже понять, как различные элементы взаимодействуют друг с другом. Интерфейс как «кожа» мира, на которой оставляются следы взаимодействия как извне, так и изнутри, представляет собой процесс самосборки, в котором формируются новые концепции и идеи, которые могут быть интериоризированы и инкорпорированы индивидуальными и коллективными пользователями. Мы подчеркиваем необходимость исследования невербализуемых аспектов интерфейса, которые стоят за ним и проявляются через него, таких как «вдохновение», «невыразимое», «культура», «духовность», которые играют ключевую роль в творческих процессах рафинирования (утончения) структур личности и формировании идентичности. Таким окультуривающим интерфейсом, безусловно, являются музеи с их функцией передачи культурной памяти и социализации населения.

Используя концептуальную модель коммуникации (см. рис. 4), рассмотрим реконструируемый контакт с виртуальными ресурсами Эрмитажа студентами[1] по этапам. В нашем распоряжении оказались работы студентов по разным темам, сделанные на основе анализа виртуальных ресурсов Эрмитажа и их текстов в широком смысле (текстов, афиш, спектаклей, выставок, экскурсий, мультфильмов). Всего — более 100 работ; в этих текстах интерфейс функционировал как среда для конструирования текстов студентов. Для творческих конкурсов студенты придумывали свои проекты диалога культур.

Так, интерфейс стал активным участником. Он перевел картину из объекта созерцания в интерактивную среду, изменил ее семантику с «символической» на «процессуальную» и «диалогическую» и сделал это не через текст, а через прямое манипулирование восприятием посетителя.

1 Студенты специальности «Реклама и связи с общественностью» СЗИУ РАНХиГС, 3 курс, 20 лет. Sosnovskaya, Krasnova, 2025.

1) Анимация. Песочные часы на картине начинают «сыпаться», а пламя свечи — колебаться. Смысл смещается от констатации факта («жизнь коротка») к прямому, чувственному переживанию этого факта.

2) Масштабирование. Интерфейс позволяет «увеличить» часть картины, например, раскрытую книгу. На экране появляются не просто увеличенные буквы, а гиперссылки на тексты, которые могли бы быть в этой книге (труды Галилея, анатомические атласы). Смысл натюрморта расширяется: из изображения предметов он превращается в портрет интеллектуальной эпохи, в портал в знание того времени. Интерфейс не просто показывает, он соединяет.

3) Добавление слоя. Интерфейс накладывает на картину прозрачный слой с современными объектами: пластиковая бутылка, смартфон, наушники. Эти объекты аккуратно вписываются в композицию натюрмортов XVII века. Инициатором диалога сквозь века выступает интерфейс.

4) Конструирование персонализированного маршрута на основе реакций зрителя с помощью ИИ-ассистента.

5) Идея интерактивного интерфейса. Центральным объектом являются знаменитые «Часы с павлином» (автоматон XVIII века). В виртуальном пространстве интерфейс позволяет не просто посмотреть на них, а совершить действие: нажать на виртуальную кнопку «Запустить механизм». Прозрачная оболочка часов исчезает, и пользователь видит внутреннее устройство — шестеренки, пружины, кулачки. Он может замедлить время, чтобы понять, как движение одного элемента запускает другое. Интерфейс не просто представляет артефакт, а раскрывает его сущность. Он переводит павлина из статичного ювелирного изделия в сложное механическое чудо эпохи Просвещения, воплощение идеи о том, что природа и механика могут быть воспроизведены человеком. Он делает видимым то, что в реальности скрыто.

Концептуальная модель коммуникации, подразумевая комплексный подход к когнитивной обработке информации, позволяет разобрать процесс интериоризации культурной идентичности, исследуя этапы восприятия и механизмы сопротивления людей и не-людей (согласно акторно-сетевой теории). На схеме представлены этапы контакта и коммуникации личности через взаимодействие с окружающей средой и внешними вещами посредством естественных (кожа) и технических интерфейсов (MR) (см. рис. 4).

Рисунок 4. Концептуальная модель коммуникации

Figure 4. Conceptual model of communication

Данную схему мы можем накладывать на любой момент реальности: контакт происходит очень быстро, но для аналитических целей рассмотрим возможные варианты восприятия и когнитивные механизмы сопротивления.

1. Предположим, мы только вышли в виртуальный тур по музею. Здесь, на фазе преконтакта, интерфейс предстает как механизм начального преобразования невыразимого реального, на самом деле, цели и миссии музея по окультуриванию и передаче ценностей.

Интерфейс, как описано в нашей концепции «четвероякого интерфейса», представляет собой сложный механизм, который не просто заменяет одно означающее на другое, а усложняет систему, взаимодействуя с уже-данностью процессов. Это можно сопоставить с первым этапом построения опыта — сканированием окружающего пространства/среды. На этом этапе происходит слияние со средой, где интерфейс выступает как «чуткая поверхность мира», воспринимающая новизну и создающая новые вещи. Энергия, возникающая от встречи с новизной, новыми элементами опыта, расположение и приноравливание тел друг к другу отражают процесс интерфейса как данность, как среду, где культурные символы начинают формироваться в иммерсивном процессе.

2. Мониторинг опыта и когнитивные искажения. На этапе мониторинга своего опыта, интроектов и плагинов (термин Латура, который обозначает загруженные в память данные как программы расширения функциональности в компьютере) интерфейс продолжает действовать как процесс, позволяя пользователю осознавать свои ассоциации и знания (насколько я понимаю архитектурные термины, знаю историю, владею иностранным языком). Здесь вступают в силу когнитивные искажения, такие как эффект социальной желательности и ригидность. Интерфейс может ограничивать восприятие, не соответствовать смысловым ожиданиям, что мешает полноценному взаимодействию с культурными символами. Чувственные ожидания интеллектуального и эстетического удовольствия предвкушаются, и для этого необходимо вступить в контакт с интерфейсом.

3. Точка выбора и неопределенность. На этом этапе поиска опций и подручных инструментов интерфейс становится местом столкновения между данностью и процессом. Противоречивость знаний и недостаток когнитивных или временных ресурсов создают неопределенность, что запускает процесс навигации, поиска, эксперимента и отражает динамику интерфейса. Такие когнитивные искажения, как ошибка планирования и недостаток подручных средств (нет информации, нет переводчика, не открываются иконки), подчеркивают, как интерфейс может не только способствовать, но и препятствовать интериоризации культурной идентичности.

4. Проверка интроектов и сопротивление вещей, которые «дают сдачи». Этап контакта и проверки интроектов демонстрирует, как интерфейс функционирует как чувственный объект, который может сопротивляться ожиданиям. Встреча с неопределенностью и эффект ложного консенсуса показывают, что интерфейс не всегда обеспечивает гладкий переход к интериоризации. Здесь важно учитывать, что интерфейс может как поддерживать, так и препятствовать процессу, в зависимости от контекста потребления.

Использование виртуальных туров, иммерсивных панелей и сенсорных экранов в музеях требует от пользователей определенных цифровых компетенций и привычек. Пользователи должны быть обучены основным функциям интерфейса и понимать структуру контента, а навигация, оформление и функционал должны быть интуитивно понятны. Пользователи также должны быть открыты для тестирования новых типов взаимодействия с устройствами и интерфейсов. Пожилые посетители, в частности, могут испытывать трудности с техническими аспектами использования интерфейсов, например, с незнакомыми иконками или навигационными решениями, например, кружением при просмотре по залам Эрмитажа. Пользователи ожидают, что интерфейсы в музее будут интегрированы в их технологические привычки, с легко узнаваемыми типами интерфейсов и знакомым языком управления. Нарушение коммуникации между людьми и интерфейсом может привести к ощущению отстраненности и негативно сказаться на пользовательском опыте. У посети-

телей также есть ментальные привычки, обусловленные цифровыми медиа, например, возможность посмотреть оставшееся время в видео. Однако в виртуальном Эрмитаже функция времени не предусмотрена, создается ощущение бесцельного фланирования, что приводит к ощущению отсутствия контроля, беспокойству и потенциальному отказу от продолжения несистемных прогулок: «Хотелось бы не только бродить по залам, но и выбирать маршруты, слушать экскурсовода или аудио-гид».

Интерфейс Эрмитажа предлагает посетителям новые перспективы и обогащенный цифровой слой данных, основанный на отсканированных данных многих физических экспонатов. Осуществляется поиск по запросу как в залах, так и в каталоге экспонатов. Кинетический опыт кручения и движения в пространстве, зумирование объектов, рассмотрение деталей обогащают опыт просмотра в отличие от реальных просмотров, где объект нельзя очень близко поднести к лицу, поощряя активный выбор и создавая нелинейное повествование. Однако многие экспонаты показаны как за стеклом витрины в реальном Эрмитаже. Посетители занимаются гиперчтением, быстро сканируя информацию в поисках релевантной и предпочитая высокий уровень стимуляции. Однако в Эрмитаже мы не встречаем другой стимуляции, кроме просмотра информации: нет репрезентации звучащих объектов, нет интерактива, который возможен в VR-проектах.

Виртуальный Эрмитаж — самый посещаемый раздел сайта по статистике музея (см. рис. 2), он обеспечивает расширенный режим просмотра, предлагает информацию и углубляет понимание наследия, которое проявляется через все артефакты интерфейса.

5. Интеграция опыта и культурные символы. На этапе интеграции опыта интерфейс становится местом, где происходит либо эмерджентный эффект окультуривания, либо процесс обесценивания опыта как когнитивное искажение. Интерфейс Эрмитажа как процесс позволяет интериоризировать контент и культурные символы, создавая эстетическое удовольствие. Интерфейс как динамичный процесс знакомит с контентом, одновременно давая пространство невыразимому, и способствует созданию новых значений и идентичностей.

Цифровой опыт трансформировал традиционное понятие «посетитель» или «аудитория» в понятие «пользователь», при этом ожидания молодых посетителей сосредоточены на технологическом пользовательском опыте, который мог бы быть визуальным, мультимодальным, стимулирующим, персонализируемым, активным, иммерсивным, динамичным и тактильным. Музеям рекомендуется отчетливо понимать суть технологий и их целесообразное использование в коллекциях, признавая, что они активно формируют восприятие, музейный опыт и способствуют передаче социального опыта и памяти, что формирует национальную культурную идентичность. Однако сбалансированные отношения между аналоговыми и цифровыми технологиями имеют

решающее значение, поскольку реальный опыт посещения также является интерфейсом к невыразимому через коллективное чувственное присутствие. Таким образом, концепция «четверояκого интерфейса» может быть использована для глубокого анализа этапов интериоризации культурной идентичности, подчеркивая сложные взаимодействия между данностью и процессом, а также роль когнитивных искажений и механизмов копинга в этом процессе. Результаты исследования обобщены в таблице 1.

Table 1. Flanning around the virtual Hermitage

Таблица 1. Фланирование по виртуальному Эрмитажу

Этапы построения опыта для интериоризации культурной идентичности	Функции	Когнитивные искажения и копинг механизмы
Сканирование окружающего пространства/среды.	Энергия растет от встречи с новизной, телесность приноравливается (к кружению и зумированию). Слияние со средой в процессе метафорического переноса по Харману (я чувствую себя этим залом, эпохой, которую просматриваю; какие качества они транслируют через меня?).	Эффект фрейминга, дисбаланс смысловых акцентов, предлагается одна точка зрения.
Мониторинг своего опыта, интроектов и плагинов.	Формирование ассоциаций по поводу увиденного и возникновение состояния знания о предметах Энергия интереса концентрируется, потом высвобождается для исследования и проверки интроектов	Эффект социальной желательности (social desirability bias). Ригидность и предвзятость решения задач, выученными методами и паттернами. Приоритезация интроектов. Предвзятость «в защиту» (advocacy bias) своих наработанных практик совладания с подобным.
Точка выбора, поиск опций и подручных инструментов.	Энергии не хватает из-за противоречивости и неполноты знаниевых представлений (куда идти, кто эти люди и вещи, что это за термины	Ошибка планирования(planning fallacy), недостаток подручных средств (не кликается информация, нет перевода, недостаток

	и за французский язык), то мотивация падает и контакт прерывается.	«оживляжа», музыки, например) Встреча с неопределенностью.
Контакт и проверка интроектов.	Функция проверки знаний, исследование, проекция ожиданий. Вещи сопротивляются, не работают.	Встреча с неопределенностью и проецирование своих ожиданий. Эффект «ложного консенсуса» (false consensus effect). Необходим системный анализ мотивов отвержения просмотра, прекращения движения и невозвращения.
Интеграция опыта.	Интериоризация контента и культурных символов.	Обесценивание. Эмерджентный эффект окультуривания. Эстетическое удовольствие.

Обсуждение и выводы

В каком-то смысле данное исследование решает известный спор Хармана и Латура. Как мы все помним, спор между Харманом и Латуром — это спор между метафизикой автономных объектов (Харман) и реляционной онтологией (Латур). Харман защищает идею о том, что объекты имеют внутреннюю сущность, которая не сводится к их отношениям, в то время как Латур утверждает, что объекты существуют только через свои взаимодействия. Идея четвероякого интерфейса подразумевает, что объекты действительно обладают автономией в той мере, в какой «дают сдачи» не только нашим усилиям по работе с ними и формализации, но и дискурсивным паттернам их восприятия. Дискурсивные паттерны могут быть объединены в реляционную сеть, но она не будет обладать собственной истинной онтологией. При этом реляционность остаётся, так как мы всякий раз соотносим аффективные режимы восприятия с реальной работой экранов интерфейса, и никакое окончательное суждение невозможно вне этого соотнесения с соответствующими аффордансами.

Но для того чтобы избежать когнитивных искажений, необходима не только критика дискурсов, выявляющая аффордансы, но и учет постфеноменологической чувственности, которая может быть представлена не в дискурсивных паттернах, а только в ситуативном самовыставлении, самопредставлении выставки, обеспеченном разными нарративами. Чтобы этот нарратив не был нарративом какого-то из аффордансов, но работал внутри релятивных отношений, четвероякий интерфейс может быть применен и к нарративам выставки.

Схема уровней нарративной организации выставки (Личагина, 2024) вполне может быть формализована как четвероякий интерфейс: организация экспонатов, литературный нарратив, пространственный нарратив, выставка как самостоятельное художественное произведение.

Личагина соединяет схему «матрешки» и соприкосновения кругов, мы же предлагаем именно четвероякий интерфейс. Организация экспонатов в виртуальном мире доступна нам только через то, что мы принимаем выставку как самостоятельное произведение, заслуживающее нашего внимания и фланерского тура. Организация экспонатов всегда странная, непривычная, и этому соответствует вымысел литературного нарратива, тогда как привычность пространства возвращает нас к выставке как некоторой единой идее.

Здесь можно просто рассмотреть все пять UX-проблем, представленных в Таблице 1, объединив нарратологию выставки Личагиной и наше исследование постфеноменологической чувственности виртуального музея.

1) Это знакомо, как и в реальном музее: «о, картина, которую видел в учебнике», тогда как в виртуальном мире не с кем разделить этот аффект узнавания знакомого.
2) Узнавание себя, тогда как в виртуальном мире труднее найти: «вот на этом портрете изображенный похож на меня». Не сделаешь сэлфи на фоне виртуальных экспонатов.
3) Трудность поиска «продуктивного контейнера» (Штейн, 2018), которым в реальном музее является репортаж, в том числе в виде фоторяда в социальных сетях. Фотографировать экран и специально даже делать скрины никто не будет.
4) Возможность обесценить всю выставку как «продуктивный контейнер», потому что возможен конфликт нарратологических алгоритмов, если они ограничиваются аффордансами.
5) Трудность сбора нарратологических алгоритмов в единый нарратив или интенцию окультуривания, трудность выработки феноменологической позиции после того, как вещи несколько раз дали сдачи.

Тогда предвзятости и сбои возникают, когда мы понимаем либо литературный нарратив как объект традиционной коррелятивной философии (на этапе 1), либо пространственный нарратив как такой объект (на этапе 2), либо организацию экспонатов как такой само собой разумеющийся объект (на этапе 3), либо выставку как такой само собой разумеющийся объект (на этапе 4), либо эклектично все четыре стороны четвероякого интерфейса как объект, уже смешав все нарративы внутри пережитого удовольствия или неудовольствия (на этапе 5). То есть дискурсивные, коррелятивные и прочие привычки и ведут к искажениям. Тем самым использование коррелятивной философии, критикуемой Харманом, ведет к неэффективной музейной комму-

никации, тогда как применение четвероякого интерфейса, объединяющего достижения мысли Хармана и Латура, делает эту коммуникацию эффективной.

Главный результат работы — демонстрация аналитического потенциала модели «четвероякого интерфейса» для описания взаимодействия пользователя с виртуальным музеем (и в целом виртуальным «чем-либо»). Теоретическая значимость состоит в развитии концепта интерфейса как медиатора между телесным, социальным и онтологическим. Практическая ценность — в выявлении UX-проблем, связанных с когнитивными искажениями, и в рекомендациях по проектированию культурных цифровых интерфейсов. Интерфейс выступает тогда как активный и не-нейтральный медиатор, структурирующий возможность культурной интериоризации и конструирования культурной идентичности.

Настоящее исследование имеет ряд методологических ограничений, главным из которых является масштаб и дизайн эмпирической части. Выборка из семи участников, безусловно, недостаточна для широких обобщений о поведении всех пользователей Виртуального Эрмитажа. Однако, как мы стремились показать, ценность данного подхода заключается в демонстрации того, как предложенная модель «четвероякого интерфейса» позволяет структурировать качественные данные, выявляя глубинные механизмы взаимодействия, выходящие за рамки юзабилити-тестирования. Выявленные UX-проблемы (такие как отчуждающий эффект автоматического вращения или недостаток социального контекста), даже на основе небольшой выборки, указывают на продуктивные направления для дальнейших, более масштабных исследований. Будущая работа могла бы включать лонгитюдные исследования с большим количеством участников, применение методов eye-tracking для анализа визуальных паттернов или сравнительный анализ нескольких виртуальных музеев.

Но несмотря на указанные ограничения эмпирической базы, главный результат работы — разработка и апробация модели «четвероякого интерфейса» — имеет, будучи проиллюстрированным выборкой, неотменимую теоретическую значимость и практическую ценность. Продемонстрировав свою применимость к анализу столь сложного феномена, как виртуальный музей, модель подтверждает свой эвристический потенциал. Она предлагает новый язык для описания взаимодействия человека с цифровой средой, учитывающий не только функциональные, но и онтологические, аффективные и смыслообразующие аспекты этого процесса. Тем самым мы получаем востребованный инструмент для преодоления редукционистских подходов и проектирования поля для будущих междисциплинарных исследований на стыке философии, медиатеории, культурологии и дизайна интерфейсов.

Исследование продолжается, но уже сейчас можно сделать практические выводы для музейных работников и UX/UI-дизайнеров: отчуждающий эффект автоматического вращения, нехватка контекстной информации, отсутствие

аудиогида, перегрузка информации при высоком когнитивном напряжении — всё это поддаётся несложной корректировке применительно к практике проектирования виртуальных экспозиций. Но после этого виртуальная экспозиция не дублирует ни в чем реальную, а оказывается полноценным необратимым интерфейсом представления наследия.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Концептуализация, проведение исследования и написание статьи — Марков А. В. и Сосновская А. М.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Altaratz, D. (2024). The uncanniness of interactive photography: Exploring spatial perception in virtual tours and structure from motion. *Philosophy of Photography*, 15(1), 47–60. https://doi.org/10.1386/pop_00091_1

D'Armenio, E. (2024). From the Ontology of Video Games to the Epistemology of Digital Movements. Towards a Semiotics of Virtual Practices. *Games and Culture*, 15554120241263630. https://doi.org/10.1177/15554120241263630

Dhaenens, L., & Truyen, F. (2024). Art in circulation: Creating content and context for digital reproduction of artworks. *Curator: The Museum Journal*, 67(3), 603–616. https://doi.org/10.1111/cura.12618

Drygalska, E. (2024). Technologically Mediated Experiences of Visitors to the Frederic Chopin Museum: Postphenomenological Perspective on Touchscreens Affordances. *Journal on Computing and Cultural Heritage*, 17(1), 1–22. https://doi.org/10.1145/3631127

Genc, M. (2024). Fuzzy Objects. *Technology and Language*, 5, 4967. https://doi.org/10.48417/TECHNOLANG.2024.03.05

Kang, J.-Y. M., & Lin, S. H. (2025). Building Three-dimensional Virtual Historic Fashion Museum Exhibitions: From the Perspective of Technology Affordances. *Clothing and Textiles Research Journal*, 43(2), 137–153. https://doi.org/10.1177/0887302X241257714

Latour, B. (2000). When things strike back: A possible contribution of 'science studies' to the social sciences. *The British Journal of Sociology*, 51(1), 107–123. https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00107.x

Li, Q., Wang, P., Liu, Z., & Wang, C. (2024). How generous interface affect user experience and behavior: Evaluating the information display interface for museum cultural heritage. *Computer Animation and Virtual Worlds*, 35(1), e2212. https://doi.org/10.1002/cav.2212

Markov, A. V., & Kamilova, S. E. (2024). Genre transformations of the story about the painter in contemporary Uzbek literature. *The New Philological Bulletin*, 1 (68), 337–345.

Ogrizek, M., Mortimer, M., Antlej, K., Callari, T. C., Stefan, H., & Horan, B. (2024). Evaluating the impact of passive physical everyday tools on interacting with virtual reality museum objects. *Virtual Reality*, 28(1), 26. https://doi.org/10.1007/s10055-023-00915-8

Skalska-Cimer, B., & Kadłuczka, A. (2022). Virtual Museum. Museum of the Future? *Technical Transactions*, 2022, 1–6. https://doi.org/10.37705/TechTrans/e2022004

Sosnovskaya, A., & Krasnova, A. (2025). *Youth in the museum space: Formation of cultural identity*. SSRN. https://doi.org/10.2139/ssrn.5384460

Sukhoverkhov, A., & DeWitt, D. (2024). Evolutionary, cognitive and semiotic foundations of learning in virtual reality. *Philosophy of Science and Technology*, 29(1), 112–122. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-112-122

Vidal Claramonte, M. C. Á. (2024). Images that translate. *Babel. Revue Internationale de La Traduction / International Journal of Translation / Revista Internacional de Traducción*, 70(1–2), 234–250. https://doi.org/10.1075/babel.00378.vid

Xie, J. (2024). Research on the integration of non-traditional culture and contemporary visual design based on virtual reality technology. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1), 20230126. https://doi.org/10.2478/amns.2023.2.00126

Zhang, W., & Liu, X. (2024). Virtual Museum Scene Design Based on VRAR Realistic Interaction under PMC Artificial Intelligence Model. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1), 20230200. https://doi.org/10.2478/amns.2023.1.00200

Zubekhina, T., Dyshko, O., Matviichuk, L., & Dashchuk, Y. (2024). Virtualization of Museums as an Element of the Modern Education of Young Tourist Specialists. *Sport i Turystyka. Środkowoeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 7(2), 123–137. https://doi.org/10.16926/sit.2024.02.06

Алиев, Р. Т. (2024). За гранью юзабилити: Критический анализ исследований интерфейса. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493

Беньямин, В. (1996). *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*. Медиум.

Васюков, В. Л., & Шульга, Е. Н. (2024). Цифровая онтология и цифровая герменевтика. *Вопросы философии*, 4, 116–125. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125

Гирц, К. (2004). *Интерпретация культур*. Российская политическая энциклопедия.

Иващенко, А. В., Александрова, М. В., Жейков, Д. С., & Нестеров, А. Ю. (2024). Семиозис визуальных стимулов в интерактивных пользовательских интерфейсах медицинских приложений. *Онтология проектирования*, 14(3), 311–323. https://doi.org/10.18287/2223-9537-2024-14-3-311-323

Кончук, Л. (2024). Станция «Дистанция». Диспозитив производства знания в ранних российских художественных исследованиях. *Логос*, 34(1), 5–33. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-1-5-33

Лашхия, Л., & Рогов, М. А. (2024). Распятая на кресте времён: Парергональность интервизуальности рефлексии рубежа XX-XXI веков на национально-религиозную тематику. Иконографический этюд. *Визуальная теология*, 6(1), 191–210. https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-1-191-210

Личагина, А. П. (2024). Нарратологический алгоритм в схемах анализа выставочного повествования. *Артикульт*, 4, 5–18. https://doi.org/10.28995/2227-6165-2024-4-5-18

Очеретяный, К. А. (2024). Технемы: Их сила и значение в цифровой интеракции. *Вопросы философии*, 1, 88–98. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-88-98

Светликова, И. Ю. (2005). *Истоки русского формализма: Традиции психологизма и формальная школа*. Новое литературное обозрение.

Сердечная, В. В. (2021). «Точка доступа—2020»: Цифровой театр в условиях пандемии. *Практики и интерпретации*, 6(4), 83–91. https://doi.org/10.18522/2415-8852-2021-4-83-91

Сосновская, А. М. (2024). *Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия: Монография*. ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.

Харман, Г. (2015). *Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера*. Гиле Пресс.

Штайн, О. А. (2013). *Маска как форма идентичности*. РХГА.

Штейн, С. Ю. (2018). Средство выражения теории искусства. *Артикульт*, 1, 6–19. https://doi.org/10.28995/2227-6165-2018-1-6-19

Ямпольская, А. В. (2019). *Искусство феноменологии*. РИПОЛ классик.

References

Aliev, R. T. (2024). Beyond Usability: A Critical Analysis of Interface Research. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493 (In Russian).

Altaratz, D. (2024). The uncanniness of interactive photography: Exploring spatial perception in virtual tours and structure from motion. *Philosophy of Photography*, 15(1), 47–60. https://doi.org/10.1386/pop_00091_1

Benjamin, W. (1996). The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. *Selected Essays*. Medium. (In Russian).

D'Armenio, E. (2024). From the Ontology of Video Games to the Epistemology of Digital Movements. Towards a Semiotics of Virtual Practices. *Games and Culture*, 15554120241263630. https://doi.org/10.1177/15554120241263630

Dhaenens, L., & Truyen, F. (2024). Art in circulation: Creating content and context for digital reproduction of artworks. *Curator: The Museum Journal*, 67(3), 603–616. https://doi.org/10.1111/cura.12618

Drygalska, E. (2024). Technologically Mediated Experiences of Visitors to the Frederic Chopin Museum: Postphenomenological Perspective on Touchscreens Affordances. *Journal on Computing and Cultural Heritage*, 17(1), 1–22. https://doi.org/10.1145/3631127

Geertz, C. (2004). *The Interpretation of Cultures*. ROSPEN. (In Russian).

Genc, M. (2024). Fuzzy Objects. *Technology and Language*, 5, 4967. https://doi.org/10.48417/TECHNOLANG.2024.03.05

Harman, G. (2015). *The Fourfold Object: The Metaphysics of Things after Heidegger*. Gile Press. (In Russian).

Ivaschenko, A. V., Aleksandrova, M. V., Zheikov, D. S., & Nesterov, A. Yu. (2024). Semiosis of visual stimuli in interactive user interfaces of medical applications. *Ontology of Designing*, 14(3), 311–323. https://doi.org/10.18287/2223-9537-2024-14-3-311-323 (In Russian).

Kang, J.-Y. M., & Lin, S. H. (2025). Building Three-dimensional Virtual Historic Fashion Museum Exhibitions: From the Perspective of Technology Affordances. *Clothing and Textiles Research Journal*, 43(2), 137–153. https://doi.org/10.1177/0887302X241257714

Kononchuk, L. (2024). The 'Distance' Stance. The Apparatus of Knowledge Production in Early Russian Artistic Research. *Logos*, 34(1), 5–33. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-1-5-33 (In Russian).

Lashkhia, L., & Rogov, M. A. (2024). She who is crucified upon the Rood of Time: Parergonality of intervisuality in the national-religious reflection in Russia at the beginning of the new millennium. The iconographic study. *Journal of Visual Theology*, 6(1), 191–210. https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-1-191-210 (In Russian).

Latour, B. (2000). When things strike back: A possible contribution of 'science studies' to the social sciences. *The British Journal of Sociology*, 51(1), 107–123. https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00107.x

Li, Q., Wang, P., Liu, Z., & Wang, C. (2024). How generous interface affect user experience and behavior: Evaluating the information display interface for museum cultural heritage. *Computer Animation and Virtual Worlds*, 35(1), e2212. https://doi.org/10.1002/cav.2212

Lichagina, A. P. (2024). Narratological Algorithm in Exhibition Narrative Analysis Schemes. *Articult*, 4, 5–18. https://doi.org/10.28995/2227-6165-2024-4-5-18 (In Russian).

Markov, A. V., & Kamilova, S. E. (2024). Genre transformations of the story about the painter in contemporary Uzbek literature. *The New Philological Bulletin*, 1 (68), 337–345.

Ocheretyaniy, K. A. (2024). Technems: Their power and importance in digital interaction. *Voprosy Filosofii*, 1, 88–98. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-1-88-98 (In Russian).

Ogrizek, M., Mortimer, M., Antlej, K., Callari, T. C., Stefan, H., & Horan, B. (2024). Evaluating the impact of passive physical everyday tools on interacting with virtual reality museum objects. *Virtual Reality*, 28(1), 26. https://doi.org/10.1007/s10055-023-00915-8

Schtein, O. A. (2013). *The mask as a form of identity*. RHGA. (In Russian).

Schtein, S. Yu. (2018). Means of Expression of the Theory of Art. *Articult*, 1, 6–19. https://doi.org/10.28995/2227-6165-2018-1-6-19 (In Russian).

Serdechnaia, V. V. (2021). "Access Point" – 2020: Digital Theater in the Pandemic Conditions. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 6(4), 83–91. https://doi.org/10.18522/2415-8852-2021-4-83-91 (In Russian).

Skalska-Cimer, B., & Kadłuczka, A. (2022). Virtual Museum. Museum of the Future? *Technical Transactions*, 2022, 1–6. https://doi.org/10.37705/TechTrans/e2022004

Sosnovskaya, A. M. (2024). *Urban Identity Policy in the Discourse of Cultural Heritage: Monograph*. IPC SZIU RANHiGS. (In Russian).

Sosnovskaya, A., & Krasnova, A. (2025). *Youth in the museum space: Formation of cultural identity*. SSRN. https://doi.org/10.2139/ssrn.5384460

Sukhoverkhov, A., & DeWitt, D. (2024). Evolutionary, cognitive and semiotic foundations of learning in virtual reality. *Philosophy of Science and Technology*, 29(1), 112–122. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-112-122

Svetlikova, I. Yu. (2005). *The Origins of Russian Formalism: Traditions of Psychologism and the Formal School*. New Literary Review. (In Russian).

Vasyukov, V., & Shulga, E. (2024). Digital Ontology and Digital Hermeneutics. *Voprosy Filosofii*, 4, 116-125. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125 (In Russian).

Vidal Claramonte, M. C. Á. (2024). Images that translate. *Babel. Revue Internationale de La Traduction / International Journal of Translation / Revista Internacional de Traducción*, 70(1–2), 234–250. https://doi.org/10.1075/babel.00378.vid

Xie, J. (2024). Research on the integration of non-traditional culture and contemporary visual design based on virtual reality technology. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1), 20230126. https://doi.org/10.2478/amns.2023.2.00126

Yampolskaya, A. V. (2019). *The Art of Phenomenology*. RIPOL Classic. (In Russian).

Zhang, W., & Liu, X. (2024). Virtual Museum Scene Design Based on VRAR Realistic Interaction under PMC Artificial Intelligence Model. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1), 20230200. https://doi.org/10.2478/amns.2023.1.00200

Zubekhina, T., Dyshko, O., Matviichuk, L., & Dashchuk, Y. (2024). Virtualization of Museums as an Element of the Modern Education of Young Tourist Specialists. *Sport i Turystyka. Środkowoeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 7(2), 123–137. https://doi.org/10.16926/sit.2024.02.06

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.634

Auto-Stereotype about Russia in the Media for Foreign Audiences (Based on the Material of the Telegram Channel “Gateway to Russia”)

Olga I. Lepilkina[1], Olga A. Ganzhara[2], & Sergey N. Bredikhin[3]

North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia

Received: 16 April 2025 | Revised: 19 July 2025 | Accepted: 29 July 2025s

Abstract

Autostereotyping belongs to the category of fundamental scientific problems considered by scholars within the framework of various social sciences and humanities. The aim of the study was to identify the specific features of the content of the auto-stereotype about Russia in the space of Telegram media, the target audience of which is foreigners interested in the Russian language and Russian culture as a way of understanding the new reality. Using TGstat, a service for analyzing Telegram channels and chats, the highest-rated cluster of channels covering this topic was identified. For a deeper understanding of the essence of the auto-stereotype formed in the media aimed at a foreign reader/viewer, a case study was used, which involved a detailed study of a specific information resource, namely the Telegram channel “Gateway to Russia”, aimed at covering the culture and history of Russia for a foreign audience and vividly capturing the country's auto-stereotype at the end of the first quarter of the 21st century.

Based on the fact that a Telegram post is a combination of verbal and visual information, different methods of analysis were used. Based on the results of the semantic analysis of the texts of 6,360 posts conducted on the open platform Seogift.ru, the dominance of the auto-stereotype about Russia was revealed through semantic positions with the meaning of a qualitative feature and through evaluative characteristics, such as “Russian, great, big, the most, first, new, old, red, famous”, with the actualization of the meanings of the lexemes “year, church, city, person, army, war, century, child, museum, ballerina, painting, artist, USSR”. The analysis of the visual content of the Telegram channel allowed us to conclude that it constructs an auto-stereotype about Russia as a country of unlimited possibilities, beautiful landscapes, climatic cataclysms, natural wonders, bright and original personalities, and peoples.

Keywords

Autostereotype; Semantic Text Analysis; Visual Content; Telegram Post; Service for Analytics of Telegram Channels and Chats TGstat; Telegram Channel “Gateway to Russia”; Audience; Media; Russian Culture; Image of Russia

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: oll5[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-7310-7197
2 Email: snark44[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-6063-9055
3 Email: bredichinsergey[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2191-4982

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.634

Автостереотип о России в медиа для зарубежной аудитории (на материале телеграм-канала «Окно в Россию»)

Лепилкина Ольга Ивановна[1], **Ганжара Ольга Анатольевна**[2], **Бредихин Сергей Николаевич**[3]

Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия

Рукопись получена: 16 апреля 2025 | Пересмотрена: 19 июля 2025 | Принята: 29 июля 2025

Аннотация

Автостереотипизация относится к категории фундаментальных научных проблем, рассматриваемых учеными в рамках различных социальных и гуманитарных наук. Целью исследования было выявление специфики содержания автостереотипа о России в пространстве телеграм-медиа, целевой аудиторией которых являются иностранцы, интересующиеся русским языком и русской культурой для познания новой реальности. С помощью сервиса аналитики Telegram-каналов и чатов TGstat был определен наиболее популярный кластер каналов, освещающих данную тематику. Для более глубокого понимания сущности автостереотипа, формируемого в медиа, ориентированных на зарубежного читателя / зрителя, была использована исследовательская стратегия case study, предполагавшая детальное изучение конкретного информационного ресурса, в качестве которого был выбран телеграм-канал «Окно в Россию», нацеленный на освещение культуры и истории России для зарубежной аудитории и ярко запечатлевший автостереотипное представление о стране в конце первой четверти XXI века. Исходя из того, что телеграм-пост представляет собой сочетание вербальной и визуальной информации, были использованы разные методы ее анализа. По результатам семантического анализа текстов 6360 постов на открытой платформе Seogift.ru было выявлено доминирование в автостереотипе о России семантических позиций со значением признака качества, оценочных характеристик: «русский, великий, большой, самый, первый, новый, старый, красный, известный», — с актуализацией значений лексем: «год, церковь, город, человек, армия, война, век, ребенок, музей, балерина, картина, художник, СССР». Контент-анализ визуальных материалов телеграм-канала позволил прийти к выводу о формировании его средствами автостереотипа о России как о стране неограниченных возможностей, красивых пейзажей, климатических катаклизмов, природных чудес, ярких и самобытных личностей и народов.

Ключевые слова

автостереотип; семантический анализ текста; визуальный контент; телеграм-пост; сервис аналитики Telegram-каналов и чатов TGstat; телеграм-канал «Окно в Россию»; аудитория; медиа; русская культура; образ России

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: oll5[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-7310-7197
2 Email: snark44[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-6063-9055
3 Email: bredichinsergey[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2191-4982

Введение

Актуальность исследования можно определить исходя из масштабов информационных войн и лавинообразного распространения в условиях интернет-коммуникаций стереотипных представлений о странах и этносах, при этом «принято различать автостереотипы, т.е. образы, которые этническая группа имеет о самой себе, и гетеростереотипы, т.е. образы, которые группа имеет о другой (чужой) группе» (Черкашина, Суздальцева & Пермякова, 2018, с. 31). Именно это определение было взято за основу в данном исследовании. Авто- и гетеростереотипизация относятся к категории фундаментальных научных проблем, рассматриваемых учеными в рамках различных социальных и гуманитарных наук — этнопсихологии, культурной антропологии, лингвокультурологии и т.д. В нашем исследовании мы основываемся на понимании стереотипа и автостереотипа, сформированном в работах отечественных и зарубежных ученых (Жихарева & Яковлева, 2021; Hallsteinsdottir et al., 2016; Nielsen, 2019 и др.). Мы исходили из разработанных в науке идей, что

> «этнические стереотипы неразрывно связаны с установкой на национальное общение. Понимание представлений изучаемой группы о той или иной этнической общности необходимо для понимания отношений людей к межэтническому взаимодействию, их готовности контактировать с представителями другого этноса в различных сферах и отношения к ценностям этой группы» (Медведева, 2014, с. 47),
>
> «Индивид сталкивается с принятыми образцами, то есть стандартными вариантами интерпретации. Это связано с тем, что индивид выделяет из окружающей среды те знаки, которые может узнать. Знаки – это некие символы, а идеи выступают в качестве имеющейся у индивида в запасе системы образов. Человек видит предмет, который рождает в его сознании какие-либо ассоциации. Указанный процесс связан с экономией усилий. Попытка воспринимать явления заново и по отдельности, а не как типы и категории вызывает истощение сил...» (с. 46).

Отсюда следует важный вывод о том, что автостереотипные представления основываются на индивидуальном опыте аудитории, воспринимающей информацию, транслируемую как средство формирования стереотипа, и базируются (и, следовательно, трансформируются) на «горизонте ожидания» адресата информации. Интенциональные компоненты прогнозирования реакции как кооперативной, так и некооперативной интерпретации автостереотипа представляются своего рода имманентными динамическими схемами, заложенными не только в семантических компонентах языкового сознания представителей лингвокультурного сообщества, но и содержащимися в инициальных постах медиатекстов, т.е. отвечающими требованиям импликации субъективных (внутренних, интерпретационных и мотивационных) значимостей в генерализованном содержании высказывания (Бредихин, 2015, с. 56).

Исследователями признается преобладание позитивной оценки в автостереотипных представлениях, что

> “heterostereotypes suggest more about one's identity than about the stranger, even more than the autostereotype, while the autostereotype, or a group's views about the traits or characteristics of its own members, is more differentiated than the heterostereotype, with dominating positive attributes”
>
> *Перевод авторский:* «Гетеростереотипы говорят больше о собственной идентичности, чем о незнакомце, даже больше, чем автостереотип, в то время как автостереотип, или представления группы о чертах или характеристиках ее собственных членов, более дифференцированы, чем гетеростереотип, с преобладающими положительными качествами») (Pastor & Fuentes, 2013, p. 649).

Важным источником формирования и трансляции автостереотипов в коллективное конвенционализированное моноинтерпретативное пространство являются медиа как актуализаторы и медиаторы информации для массовой аудитории. Однако важно учитывать, что на концептуализацию и категоризацию мира, а также на формирование стереотипов влияют базовые представления и базовый этнический опыт тех, кто использует и воспринимает контент.

Ученые отмечают происходящую в последние десятилетия трансформацию этнических авто- и гетеростереотипов (Эргашев, 2020; Kil et al., 2019) и важную роль СМИ и медиа в этом процессе (Appel & Weber, 2021; Saunders, 2017). Актуализировался вопрос изучения трансляции в медиапространстве патриотической повестки (Зеленина & Князева, 2024; Лепилкина & Ганжара, 2023; Лепилкина & Марченко, 2024). В поле внимания ученых остаются вопросы стереотипичного представления России в медиадискурсе разных стран (Зырянова & Косяков, 2022; Радина, 2022), в языковом сознании иностранцев (Степыкин & Гурина, 2023), а также вопросы специфики автостереотипов населения страны (Копоть, 2021; Насталовская, 2022).

Актуально и обращение при изучении данной проблематики к такой источниковой базе, как телеграм-каналы, — представители интенсивно распространяющегося медиаявления, важной инновационной коммуникационной площадки современности, нового игрока на медиаполе, возникшего в результате «пересборки» медиасистемы (Вартанова, 2022) и активно использующего средства визуальности (видеоролики, мемы, фотографии и т.д.).

Семиотический анализ визуального содержания контента традиционно опирается на труды Ю. М. Лотмана, Р. Барта, П. Штомпки, Ч. Пирса, У. Эко и других. Так, Петр Штомпка, автор работ по визуальной социологии, изучает специфику трансляции содержания образа средствами фотографического изображения, отмечая, что стратегией изучения образа является анализ денотативных и коннотативных содержательных элементов визуального образа, где способами и методами интерпретации этого образа могут быть герменевтический анализ (поиск скрытых смыслов), семиотическая интерпретация (представление об образе как системе знаков), структурная интерпретация (иссле-

дование скрытых структур или интеракций, формируемых содержанием образа), дискурсивная интерпретация (восприятие образа аудиторией, формирование горизонта ожидания) (Штомпка, 2007). Опыт интерпретации изображения Р. Барта позволяет учитывать при анализе визуального содержания медиаконтента специфику сущности этого уникального визуального объекта, его идентичности, особенности ядерных и периферийных смысловых компонентов, формирующих смысл образа и делающих символический уровень образа информативным (Барт, 2011). У. Эко рассматривает кинематографический код как уникальный и многоаспектный, характеризующийся сложной конвенционализацией (Эко, 2006).

С. И. Симакова для анализа визуальной специфики медиадискурса вводит понятие медиаэстетического кода в свете теории кода в семиотике —

> «это логика семиосферы культуры (которая есть условие и пространство семиозиса, то есть смыслопорождения), взятой в конкретный период ее диахронии, характеризующийся экспансией медиа и нарастанием эстетизации повседневности. В этом определении мы предлагаем рассматривать понятие кода как логики, что открывает возможность преодоления противоречий между семиотическими концепциями кода и одновременно развивает подход Умберто Эко к понятию кода в семиотике…» (Симакова, 2022, с. 37-38).

Методология

Целью исследования является выявление специфики содержания и способов формирования автостереотипа о России в пространстве телеграм-медиа, целевой аудиторией которых являются иностранцы, интересующиеся русским языком и русской культурой для познания новой альтернативной медиа-реальности, на материале канала «Окно в Россию».

Хронологические рамки исследования — с 1 января 2024 года до 28 февраля 2025 года.

Гипотеза исследования: автостереотип, ядерными компонентами которого являются самобытность и величие страны, в телеграм-канале «Окно в Россию», ориентированном на зарубежную аудиторию, актуализируется тематическими блоками, связанными с культурным богатством, исторически значимыми фактами жизни современной России, наделением позитивной коннотацией исторических и культурных доминант советской эпохи, а также ретро- и фолк-стилистикой при формировании визуального образа.

С помощью одного из новейших инструментов анализа интернет-пространства — TGstat, в функции которого входит предоставление статистических данных и аналитических отчетов о Telegram-каналах и чатах, был определен наиболее популярный кластер каналов, популяризирующих русскую культуру, в том числе русский язык. Выбор канала «Окно в Россию» в качестве материала исследования обусловлен его высоким положением в результатах поискового запроса по ключевому слову «русская культура» в TGstat с учетом целевого назначения «познавательный канал» (2 место

по индексу цитирования, 3 место по количеству подписчиков и по приросту аудитории за неделю и месяц — по данным на 02.04.2025 г.).

Верификация выдвигаемых теоретических положений может быть подтверждена тем, что исследование проводилось с опорой на оригинальный фактологический материал, который проанализирован путем сплошной выборки постов канала «Окно в Россию» на платформе Telegram. Ввиду новых оснований стереотипизации генерализованного образа государства, предлагаемых в сетевом пространстве как области «глубокой медиатизации», ключевую роль в анализе амфиболических паттернов экспликации автостереотипных компонентов при трансляции образа России играет дискурсивно-модусный анализ (Бредихин, Авдеев & Шишкин, 2024, с. 378-379).

Исходя из того, что телеграм-пост «представляет собой мультимодальный гипертекст – помещенное в ячейку небольшое сообщение, которое может содержать как вербально выраженную информацию, так и изображения, диаграммы, графики, аудио- или видеоматериалы» (Дускаева, 2023, с. 35), были использованы разные методы его анализа.

В настоящее время существует большое количество современных программных продуктов, целью использования которых является SEO-анализ текста, различные способы оптимизации текста, аналитическое исследование текстовых единиц (количественное и качественное), что позволяет определить, в том числе, такой важный показатель, как облако слов, т.е. комплексно представить наиболее часто встречающиеся слова в пространстве медиаконтента и визуально отобразить доминирующие тематические треки и концепции в анализируемом массиве текста. В качестве инструмента исследования нами был выбран текстовый анализатор Seogift.ru, позволяющий провести достоверный и качественный аналитический поиск ключевых слов и тематических доминант исследуемого текстового массива.

Полученные результаты можно признать валидными, т.к. извлеченные с помощью анализатора ключевые концепты позволяют качественно охарактеризовать процессы и сверхзадачи, благодаря которым создатели контента ТГ-канала «Окно в Россию» формируют специфическое, уникальное текстовое пространство, транслирующее комплексную концепцию автостереотипных представлений о России для иностранной аудитории.

Исследование визуального контента проводилось с учетом понимания его как медиаэстетического кода, в содержании которого учитываются ядерные компоненты содержания (доминирующая тема изображения или видео, основные персонажи, текстовая составляющая креализованного текста) и его периферийные компоненты (цветовое и музыкальное оформление, стилистика изображения, метатекстовые характеристики). В результате полевого анализа удалось выявить основные образы, сюжеты, тематические блоки, определить концептуальное содержание медиаэстетического кода визуального контента рассматриваемого канала.

Исследование было выполнено с учетом культурологического, лингвистического и социолингвистического подходов к анализу медиатекстов в их имплементации в дискурсивно-модусное направление.

Результаты

Медиа, рассказывающие о России зарубежной аудитории, формируют особый вид внетекстовой социальной реальности, передающий представление о стране и этнической общности, конструируя его с помощью разных видов контента (от собственно текстов до видеоматериалов и других форм визуализации), его жанрового многообразия, тематического отбора, использования определенных лексических средств и средств выразительности. На основе подобной топикальной и формальной структурации формируется специфический автоцентрический медианарратив.

Потенциальный интерес для зарубежной аудитории, интересующейся нашей страной, могут представлять те ресурсы в русскоязычном сегменте медиапространства, которые либо нацелены на предоставление информации именно иностранцам, либо специализируются на конкретных темах, востребованных для данной аудитории. Таковыми могут быть вопросы русской культуры, что позволяет расширить понимание страны, и русского языка (для его изучения), а также мотивационной сферы идентификационного дискурса медиа, который способствует интимизации автостереотипов в иное лингвокультурное пространство, т. е. реализации стратегий «в-живания и по-нимания» как освоения нового вектора интерпретации образа (Бредихин & Аликаев, 2016).

Исследование данных на сервисе аналитики Telegram-каналов и чатов TGstat показало, что разработчиками сервиса не зафиксирована среди них тематическая ниша «Русская культура», но при этом объединен в общую группу интерес «телеграмеров» к трансляции знаний по теме «Русский язык», которая является частной по отношению к названной выше (всего сервис выделяет среди таковых 95 каналов и чатов), а также выделяющей отдельный субстанциональный субтопик, структурирующий именно лингвоцентрическое понимание автостереотипов в сетевом пространстве формирования и трансляции образа России. Наиболее востребованными среди них являются «Лексикона | Образование» (описание канала: «Здесь мы расширяем словарный запас и добавляем в речь экспрессии. Без “нуу” и “эээ” – говорите красиво!»), приватный канал «Русский мат» («Великий и могучий»), приватный канал «Ежу понятно» («Ёжик выучил русский. Изучай и ты вместе с ним :)»), «Записки редакторки» («Правила русского языка, любопытная этимология и нелепые заголовки»), «Грамотная речь|Саморазвитие» («Развиваем грамматику, чтобы чувствовать себя уверенно в письме и разговоре с любым человеком»), «Русский язык | Грамотность» («Проверим и прокачаем вашу грамотность»), «Русский язык просто» («Канал, где простым языком разбираю исключения

и нелогичности русского языка») и т. д. Таким образом, топ каналов содержательно связан с типичными и частотными поисковыми запросами, отражающими интерес к формированию навыков изучения русского языка, к любопытным фактам о нем, что позволяет говорить об этих медиа как о потенциально интересных зарубежной аудитории, нацеленной на изучение языка.

Вторая выделенная нами тема («Русская культура») как потенциально востребованная для изучения страны, как уже было сказано выше, в TGstat не отмечена отдельно, хотя поисковая система через ключевые слова и описание каналов позволяет выявить наличие в кроссплатформенном мессенджере медиаресурсов, специализирующихся на освещении данной проблематики. Культуроцентрические топикально детерминированные нарративы автостереотипизации обладают наиболее высоким интимизирующим потенциалом, что ведет к их мультифокализации и выдвижению на первый план стратегий аффективного представления цивилизационно-, национально-, конфессионально-ориентированных описаний в их симпраксической детерминации.

В ходе исследования данных аналитики TGstat был определен в качестве наиболее убедительного примера «конкретного случая» для анализа автостереотипных представлений о России телеграм-канал @rusbeyond под названием «Окно в Россию» (предыдущее, до 23 декабря 2024 года, название — «Узнай Россию»). TGstat классифицирует его как познавательный канал. В его описании создателями канала акцентируется внимание на следующих аспектах его информационной политики: «Русская культура, история, интересные места. Неизвестные факты. Удивительные истории. Кухня, путешествия и вдохновляющие видео». Визуальное представление канала (аватар) — стилизованное изображение матрешки с кокошником (красно-белый дизайн) — подчеркнуто связано с традиционной русской культурой.

В декабре 2024 года канал стал частью большого одноименного мультимедийного проекта международного телевизионного канала RT. Содержание этого проекта, ориентированного на зарубежную аудиторию, определено следующим образом: «Наша миссия – помочь вам открыть для себя историю, традиции и достижения России. Наш проект доступен на нескольких иностранных языках, и пользователям из-за рубежа мы также помогаем в изучении русского языка. Мы также предоставляем иностранцам всю актуальную информацию по вопросам, связанным с Россией…» (О проекте…). Материалы проекта «Окно в Россию» (Gateway to Russia) размещены на веб-сайте и на платформах Telegram, VK, Одноклассники, Дзен, RuTube. Описание проекта, его содержания, целевые установки по содержанию контента, специфике подачи материала, формированию концептуального пространства дают возможность утверждать, что транслируемый контент нацелен на передачу автостереотипных представлений о России.

Следует отметить дифференцированное представление поликодовой мультифокальной репрезентации автостереотипов в телеграм-сообщениях канала «Окно в Россию», при этом вариативность базовых кодов не зависит от степени эмотивизации. Так, примерно равное количество составляют модели визуально-вербального, вербально-визуального и визуально-вербального с равнозначным доминированием компонентов интимизации стереотипа.

Семантический анализ вербальной составляющей контента канала «Окно в Россию» проводился на одной из открытых платформ для семантического анализа текста онлайн, SEO-анализа, изучения позиций нейминга — Seogift.ru[1]. Линейка подобных программных продуктов широко представлена в пространстве инструментария для семантического анализа различных типов текстов; различаются они целевой постановкой задач (инструментарий для анализа сайтов, семантического анализа текстов, оценки качества текстов с точки зрения seo-оптимизации статей и поиска ключевых слов в тексте, определения релевантности материала статьи по содержащимся в ней словам и словосочетаниям (коллокациям), вычисления и определения содержания семантического ядра текста, определения грамотности текста, анализа контента, мета-тегов, проверки доступности ресурса, экспресс-анализа оптимизации содержания страницы сайта, качества и характеристики маркировки контента).

По результатам анализа 6360 постов (в анализатор были включены только текстовые материалы) был определен топ ключевых слов, характеризующих семантическое пространство контента телеграм-канала «Окно в Россию»: «год», «советский», «Россия», «самый», «русский», «первый», «война», «Москва», «город», «красный», «большой», «СССР».

Облако ключевых слов контента канала за исследуемый период представлено на рисунке 1.

Концептуальное пространство лексико-семантического поля анализируемого контента «Окна в Россию» представляет собой, как можно видеть, доминирование семантических позиций со значением признака качества, качественных характеристик, оценочных характеристик, исторически и этнически маркированных обозначений «русский, великий, большой, самый, первый, новый, старый, красный, известный», с актуализацией значений лексем «год, церковь, город, человек, армия, война, век, ребенок, музей, балерина, картина, художник, СССР».

1 См.: https://seogift.ru/

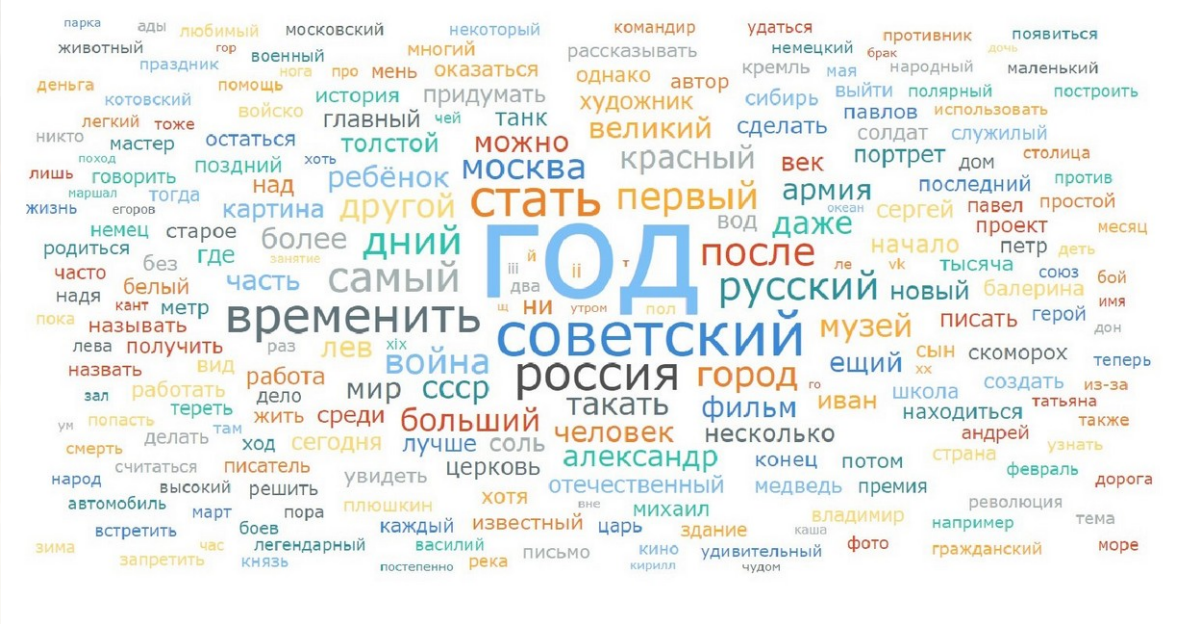

Рисунок 1. Облако слов по результатам семантического анализа текстового материала постов телеграм-канала «Окно в Россию» на платформе https://seogift.ru/

Figure 1. Word cloud based on the results of semantic analysis of text material of posts of the telegram channel “Gateway to Russia” on the platform https://seogift.ru/

В то же время важное место в семантическом пространстве, репрезентирующем образ России в телеграм-канале «Окно в Россию», занимают визуальные материалы, поскольку, как справедливо пишут исследователи, «в структурно-семиотическом плане телеграм-сообщения являются конвергентными. Это значит, что в них комбинируются разные модули и модусы, обеспечивающие целостность передаваемого содержания. При модульной конвергенции в пределах телеграм-поста конфигурируются словесные и несловесные блоки. Это наделяет сообщение особыми когезивными свойствами, усиливает суггестивность смыслогенерации, повышает ее содержательно-экспрессивный и миромоделирующий потенциал» (Кушнерук, 2024, с. 317).

Визуальный контент исследуемого телеграм-канала чрезвычайно разнообразен и представляет собой фотоматериалы, видеоматериалы, изображения (в том числе анимированные) в жанре «мема». Необходимо подчеркнуть, что в рамках трансляции и инокультурного восприятия и интерпретации при ненативной лингвопрагматической адаптации меметического контента с учетом поликодовой, мультифокальной осложненности и ситуативной и темпоральной привязки к актуальному пласту концептуализации в реципиирующей лингвокультуре происходит трансформация генерализованного содержания образа на основе изменения аллюзивных векторов, отсылающих

ряд признаков описываемых событий к прецедентному феномену, использованному в поликодовом сообщении.

Рисунки, иллюстрации, мемы представлены в телеграм-канале как варианты рубрик (с хештегом): #плакаты, #хехе, #интересныйфакт, #мемы, #цитатанедели, #головоломка, #грамотнаяпятница.

Наиболее интересно выполнены материалы на тему #россияэто — в виде анимированных и неанимированных картинок, созданных по аналогии с известной в 1990-е годы серией комиксов-вкладышей, предложенной производителями жевательной резинки “Love is” в качестве части рекламной кампании по продвижению бренда этой продукции. Также подчеркнем не только стандартную статическую, но и визуально-аудиальную динамическую медиатизацию стереотипов в условиях сетевого представления образа России. В целом тематическое пространство этой рубрики формирует образ России как пространства величественного, климатически разнообразного, красивого, с уникальными природными явлениями, кулинарными изысками, праздниками и способами проведения досуга, характерными для России. Проиллюстрируем это примерами. Россия — это «валяться в снегу», «играть на балалайке», «пение соловья», «лето в деревне», «отдыхать на Черном море», «окрошка летом», «астраханские арбузы», «День знаний», «бабье лето», «весенняя уборка», «пускать кораблики в ручьях», «двуглавый орел», «тополиный пух», «белые ночи», «морозные узоры на окне», «огоньки деревень зимой», «звездное небо», «полярная ночь», «красивые закаты», «дух Сибири», «песни у костра», «котики на батарее», «золотая осень», «величественность Петербурга», «гостеприимство», «собирать клубнику».

Видеоматериал в телеграм-канале «Окно в Россию» сопровождается вербальными характеристиками, описательными ремарками, также формирующими концептуальное представление о России как о стране с богатыми и необычными природными ресурсами, природными объектами, традиционными государственными и религиозными праздниками, выдающимися достижениями в области спорта, культуры и искусства, экстремальными видами спорта и отдыха, богатым и актуальным фольклором, высоким уровнем развития духовной культуры.

Приведем некоторые материалы, на основе которых сформировано данное положение. В видео «Зима в деревне» (от 1 января 2024 года) представлены визуальные образы зимы, деревенского дома, деревенского быта, намеренно несовременного; сюжет зарисовки представлен как метафора покоя, тишины, уединенности, праздника в кругу семьи с детьми и домашними животными, актуализирован образ неограниченного пространства (одинокий дом, отсутствие жилья вокруг, визуальный план представления изображения сверху). Также представлено содержание концептуального пространства во многих других сюжетах: это поэтизация образа деревни, сельской жизни. Сюжетные элементы этих видеороликов используют художественные сред-

ства, наделяющие визуальные концепты позитивной коннотацией, — «Традиционные зимние забавы» (от 2 января 2024 г.), «Рыбацкая деревня в Рязанской области» (от 19 июня 2024 г.), «Морозный день в вятской деревне» (от 21 января 2025 г.), «Семья Сопочиных, их олени и традиционная жизнь в Ханты-Мансийском автономном округе» (от 3 февраля 2025 г.) и др. В видеозарисовках в содержание автостереотипа включается также и понятие «необычный, нереальный, не такой, как у всех». К этой тематике относятся сюжеты типа «Олень прогулялся по двору жилого комплекса во Владивостоке» (от 1 января 2024 г.) — сюжет, в котором дикое лесное животное гуляет по улицам современного города (по аналогии с традиционным образом, включенным в состав гетеростереотипа о России «медведи гуляют по улицам»). К этому же кластеру медиатекстов относится, например, ролик «Икры, знаете ли, много не бывает» (от 3 января 2024 г.) («Россия очень богатая страна, там икру едят ложкой»). К этому же типу медиаматериалов с точки зрения средств образной презентации относятся и сюжеты, представляющие ярких и самобытных людей России, — «Дрифт по-русски!» (от 9 февраля 2024 г.), «Фигуристы — наша гордость. Мастерство нашего фигуриста Андрея Ежлова. До мурашек» (от 25 февраля 2024 г.), «Бабушка на коньках. Бабе Любе уже 82, но каждую зиму она ездит 4 км на коньках по Байкалу до ближайших поселков!» (от 14 марта 2024 г.), «Балерина Мариинского театра Ильмира Багаутдинова станцевала на замерзшем озере Малый Вудъявр» (от 18 января 2025 г.), «И тут даже бывалые экстремалы охнули» (от 20 января 2025 г.), включающие в образное и содержательное пространство автостереотипа визуальные маркеры «особенный», «бесстрашный», «экстремальный».

Видеоматериал представлен также зарисовками, поэтизирующими прошлое, ретро-тематику, фольклор. Это содержание включает в объем концептуального пространства автостереотипа понятия «прошлое, историческое прошлое как ценность», «традиционные ценности», «традиционная кухня». К данной категории относятся материалы «Наряжаясь в прошлое. Роскошное путешествие в прошлое» (от 27 февраля 2024 г.), «Печем пряники. Не успели за праздники испечь пряники? Время еще есть!» (от 5 января 2024 г.), «Русские образы в современном прочтении» (от 20 июня 2024 г.), «Были люди в наше время. Реконструкция Бородинского сражения. Современный взгляд историков» (от 22 февраля 2024 г.) и т.д.

Большой кластер видеоматериалов представлен видеосюжетами, презентующими образы природы, географические объекты, визуально маркированные как «необычные», «невозможные», «завораживающие», «волшебные», «нереальные», «фантастические»: «Сукташ — одна из известнейших вершин Башкирии и Уральских гор» (от 6 января 2024 г.), «Скала Шаманка на острове Ольхон — священное место для жителей Байкала» (от 9 марта 2024 г.), «Величественные яки Осетии» (от 19 мая 2024 г.), «Дикая природа Дагестана» (от 22 января 2025 г.) и др.

Одной из базовых визуальных категорий, значимых для актуализации концептуального содержания образа России в медиапространстве телеграм-канала, является тема религии. Она представлена в зарисовках храмов разных конфессий, различного типа и храмового быта, художественно описанных в одной визуальной манере, с использованием традиционной тропики, образности, актуализирующей топическое пространство «храм», «покой», «красота», «радость», «единение с природой — единение с Богом» (параллельный монтаж, использование визуальных метафор на основе сопоставления изображений храма и пейзажной зарисовки). К этой категории медиаматериалов относятся, например, «Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря» (от 7 января 2024 г.), «Иркутский дацан — буддистский храмовый комплекс в сердце Сибири» (от 18 марта 2024 г.), «Атмосфера старины. Суздальская Русь» (от 17 февраля 2024 г.), «“Сердце матери” — мечеть в стиле хай-тек в чеченском Аргуне» (от 20 августа 2024 г.), «Храмы и монастыри Золотого кольца России» (от 7 января 2025 г.) и т.д.

Можно утверждать, что параллельная вербальная и визуальная медиатизация автостереотипов в дискурсе сетевого пространства существенно повышает аффективный и имплементативный потенциал как культурных, так и языковых элементов представления генерализованного образа России. Базовыми маркерами выступают поликодовая репрезентация следующих топикальных единств: традиции и локальные особенности регионов России, история России, географическое и ландшафтное своеобразие России, рустикальные основы бытийности российского сообщества, конфессиональное и этническое разнообразие народов России и т.д.

В визуальном контенте (фото, видео, иллюстрации, мемы) представлено тематическое пространство «семья», «власть», «история», «религия», «природа», «праздник». Значимыми характеристиками описываемых фактов и явлений являются категории «невероятное», «эталонное», «невозможное», «чудесное», «завораживающее», «историческое», «ретро», «необычное».

Заключение

Формирование текстовыми средствами внетекстовой реальности — представления о русской культуре и русском языке — средствами специализированных пабликов кроссплатформенного мессенджера Telegram как важного компонента современного отечественного медиапространства представляется актуальной и важной проблемой.

Частотность использования и содержание языковых маркеров, концептов, образов позволяют судить о формировании объективного, конкретного, четкого образа, транслируемого как специфический феномен, сформированный как автостереотип в системе медиа.

Для более глубокого понимания сущности автостереотипа, формируемого в медиа, ориентированных на зарубежного читателя / зрителя, была использо-

вана исследовательская стратегия case study, предполагающая детальное изучение конкретного информационного ресурса, в качестве которого был выбран телеграм-канал «Окно в Россию», нацеленный на освещение культуры и истории России для зарубежной аудитории и ярко запечатлевший автостереотипное представление о стране в конце первой четверти XXI века.

В ходе исследования в основном была подтверждена его гипотеза. Семантическим ядром автостереотипа, сформированного в текстовом пространстве телеграм-канала «Окно в Россию», являются понятия «семья», «власть», «история», «религия», «советский», «самый», «первый», «военные успехи», что транслирует культурную, духовно-нравственную, историческую самобытность и цивилизационную идентичность страны, ее величие. Автостереотип образуется также за счет визуального контента телеграм-канала, который презентует Россию как страну неограниченных возможностей, красивых пейзажей, климатических катаклизмов, природных чудес, ярких и самобытных личностей и народов. В визуальном контенте частотно обращение к ретро- и фолк-стилистике и освещение тем, связанных с одеждой, кухней, праздниками, традиционными видами спорта и досуга народов, населяющих страну.

Важной характеристикой канала является представление вниманию зарубежной аудитории только позитивной повестки. Отсутствие негативных сопоставлений российской цивилизации с другими мировыми практиками в условиях доминирования в западных странах «культуры отмены» способно формировать имидж России как страны, открытой для сосуществования разных конфессий и этносов, и нацелено на выстраивание гуманитарной культурной политики в условиях глобализации.

«Окно в Россию» можно считать грамотно сконструированным медиапроектом, целью которого является трансляция социокультурного и политического содержания современной жизни в России с точки зрения необходимости формирования ценностного отношения к достижениям России, «в интересах развития международно-культурно-гуманитарного сотрудничества и формирования позитивного образа Российской Федерации в мире» (Концепция государственной поддержки…, 2015, с.1).

Комплексное визуально-вербальное представление автостереотипа, базирующегося на различных социокультурных, бытийно-симпраксических, ретротопийных, концептуально-валерных основаниях, существенно повышает потенциал медиатизации и концептуализации образа России в сетевом медиадискурсе для трансляции в пространство мировой культуры и политики и для иностранных граждан, интересующихся жизнью в России.

Исследование носит вводный характер, оно способствовало выработке методики для анализа проектов подобного типа в российском и зарубежном медиапространстве, позволяющей на следующем этапе провести их компаративное изучение. Результаты исследования могут быть востребованы при корректировке государственной информационной политики, учеными

в области имагологии, социальной философии, политологии, социолингвистики, специалистами в области международной дипломатии и продвижения русского языка и русской культуры за рубежом.

Финансирование

Исследование проведено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков), проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

The study was conducted as part of the 2023–2025 Research Program on the Ethnocultural Diversity of Russian Society and the Strengthening of All-Russian Identity (led by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov), project “Patriotism as an Integrating Value of Multi-Ethnic Russian Society” (FSRN-2023-0025).

Список литературы

Appel, M., & Weber, S. (2021). Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*, 48(2), 151–179. https://doi.org/10.1177/0093650217715543

Hallsteinsdóttir, E., Geyer, K., Gorbahn, K., & Kilian, J. (Eds.). (2016). *Perspektiven der Stereotypenforschung [Perspectives on Research on Stereotypes]*. Peter Lang D. https://doi.org/10.3726/978-3-653-05463-7 (In German).

Kil, H., Noels, K. A., Vargas Lascano, D. I., & Schweickart, O. (2019). English Canadians’ cultural stereotypes of ethnic minority groups: Implications of stereotype content for acculturation ideologies and immigration attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 70, 104–118. https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.03.005

Nielsen, M. (2019). Heterostereotype des Deutschen in der dänischen Werbung und in Namen dänischer Unternehmen [Heterostereotypes of Germans in Danish Advertising and in the Names of Danish Companies]. In N. Janich (Ed.), *Stereotype in Marketing und Werbung* (Vol. 29, pp. 77-102). Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-24217-6_5 (In German).

Pastor, S. C., & Fuentes, M. A. (2013). Heterostereotypes. In K. D. Keith (Ed.), *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (pp. 649–651). Wiley. https://doi.org/10.1002/9781118339893.wbeccp264

Saunders, R. A. (2017). *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315737386

Барт, Р. (2011). *Camera lucida. Комментарии к фотографии*. Ад Маргинем Пресс.

Бредихин, С. Н. (2015). Константы интенциальности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 54–58.

Бредихин, С. Н., Авдеев, Е. А., & Шишкин, В. А. (2024). Коммуникативные тактики конфликтогенеза в сетевом медиапространстве фронтирных регионов. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 374–399. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.526

Бредихин, С. Н., & Аликаев, Р. С. (2016). Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструктов в аспекте по-нимания и в-живания. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 123–128. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-2-123-128

Вартанова, Е. Л. (2022). Полисубъектность медиасреды и ее потенциальное влияние на социальный конфликт. *Меди@льманах*, 110(3), 8–14. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814

Дускаева, Л. Р. (2023). Речевая организация метатекста телеграм-поста. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 2023(1), 30–65. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065

Жихарева, Н. А., & Яковлева, Е. П. (2021). Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 7(2). https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4

Зеленина, Е. В., & Князева, М. Л. (2024). *Патриотизм и национальная идея в российской публицистике*. Знание-М. https://doi.org/10.38006/00187-745-5.2024.1.160

Зырянова, И. Н., & Косяков, В. А. (2022). Суггестивное воздействие стереотипов (на материале современных англоязычных СМИ, создающих образ России). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(9), 2914–2919. https://doi.org/10.30853/phil20220488

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом. (2015, ноябрь 4). Президент России. http://kremlin.ru/acts/news/50644

Копоть, Л. В. (2021). Экспликация этнических стереотипов в художественном дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование*, 1, 68–78. https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.41.1.07

Кушнерук, С. Л. (2024). Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации. *Медиалингвистика*, 11(3), 300–324. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.302

Лепилкина, О. И., & Ганжара, О. А. (2023). Лексема «патриотизм» и ее дериваты в медиатекстах Северо-Кавказского федерального округа: Региональный срез. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 4, 128–132.

Лепилкина, О. И., & Марченко, Т. В. (2024). Практика актуализации патриотизма в медиапространстве Северного Кавказа. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 53(3), 74–81. https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-74-81

Медведева, А. В. (2014). Этнические стереотипы в современных условиях: Теоретические подходы и изучение на эмпирическом уровне. *Теория и практика общественного развития*, 8, 43–48.

Насталовская, И. Г. (2022). Авто- и гетеростереотипы о представителях русской и китайской культур. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика»*, 19(4), 58–64.

О проекте. (б. д.). Окно в Россию. https://ru.gw2ru.com/pages/about

Радина, Н. К. (2022). Мультимодальные медийные инструменты популярной геополитики: Российская политика в карикатурах зарубежных СМИ. *Вестник МГИМО-Университета*, 15(4), 130–150. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-130-150

Симакова, С. И. (2022). *Медиаэстетический код инфографического контента в журналистике*. Челябинский государственный университет. https://doi.org/10.47475/9785727118214

Степыкин, Н. И., & Гурина, В. И. (2023). Моделирование ассоциативного поля Россия/Russia по данным ассоциативных словарей. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 13(3), 51–60. https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-3-51-60

Цзинь, Ч., & Доронина, Е. Г. (2022). Содержание авто- и гетеростереотипов современных российских и китайских студентов. *Филологический класс*, 27(2), 172–185. https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-17

Черкашина, Т. Т., Суздальцева, Л. С., & Пермякова, Н. С. (2018). Язык как словесная номинация способа познания мира. Научный результат. *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 4(1), 22–39. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-1-22-39

Штомпка, П. (2007). *Визуальная социология: Фотография как метод исследования*. Логос.

Эко, У. (2004). *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Симпозиум.

Эргашев, П. С. (2020). Статика и динамика этнических автостереотипов узбекской молодежи (из опыта пятнадцатилетнего исторического среза). *Этническая культура*, 2, 58–61. https://doi.org/10.31483/r-75074

References

About the Project. (n. d.). Gateway to Russia. https://ru.gw2ru.com/pages/about (In Russian).

Appel, M., & Weber, S. (2021). Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*, 48(2), 151–179. https://doi.org/10.1177/0093650217715543

Barthes, R. (2011). *Camera Lucida. Comments on the Photo*. Ad Marginem Press. (In Russian).

Bredichin, S. N. (2015). Constants of Intentionality, Subjectivity and Modality in Hermeneutical Conception of Sense. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 54–58. (In Russian).

Bredikhin, S. N., & Alikaev, R. S. (2016). Techniques of Semantic Construct Discretion and Objectivation in the Light of Realization and Integration. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 123–128. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-2-123-128 (In Russian).

Bredikhin, S. N., Avdeev, E. A., & Shishkin, B. A. (2024). Communication Tactics of Conflict Genesis in the Network Media Space of Frontier Regions. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 374–399. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.526 (In Russian).

Cherkashina, T. T., Suzdaltseva, L. S., & Permyakova, N. S. (2018). Language as a Verbal Category of the Way of Understanding the World. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4(1), 22–39. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2018-4-1-22-39 (In Russian).

Concept of state support and promotion of the Russian language abroad. (2015, November 4). President of the Russian Federation. http://kremlin.ru/acts/news/50644 (In Russian).

Duskaeva, L. R. (2023). Speech Organization of the Metatext in Telegram Posts. *Moscow University Journalism Bulletin*, 2023(1), 30–65. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065 (In Russian).

Eco, U. (2004). *Absent Structure: An Introduction to Semiology*. Symposium. (In Russian).

Ergashev, P. S. (2020). Statics and Dynamics of Ethnic Autostereotypes of Uzbek Youth (On the Experience of a Fifteen-Year Historical Cross-Section). *Ethnic Culture*, 2, 58–61. https://doi.org/10.31483/r-75074 (In Russian).

Hallsteinsdóttir, E., Geyer, K., Gorbahn, K., & Kilian, J. (Eds.). (2016). *Perspektiven der Stereotypenforschung [Perspectives on Research on Stereotypes]*. Peter Lang D. https://doi.org/10.3726/978-3-653-05463-7 (In German).

Jin, C., & Doronina, E. G. (2022). The Content of Auto- and Heterostereotypes of Contemporary Russian and Chinese Students. Philology Class, 27(2), 172–185. https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-02-17 (In Russian).

Kil, H., Noels, K. A., Vargas Lascano, D. I., & Schweickart, O. (2019). English Canadians' cultural stereotypes of ethnic minority groups: Implications of stereotype content for acculturation ideologies and immigration attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 70, 104–118. https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.03.005

Kopot, L. V. (2021). Explication of Ethnic Stereotypes in a Literary Discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1, 68–78. https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.41.1.07 (In Russian).

Kushneruk, S. L. (2024). Telegram discourse as format of digital communication. *Media Linguistics*, 11(3), 300–324. https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.302 (In Russian).

Lepilkina, O. I., & Ganzhara, O. A. (2023). The lexeme "patriotism" and its derivatives in media texts of the North Caucasus Federal District: A regional overview. *Proceedings of Voronezh State University Series: Philology. Journalism*, 4, 128–132. (In Russian).

Lepilkina, O. I., & Marchenko, T. V. (2024). Patriotism Actualization Practicesin the Media Space of the North Caucasus Federal District. *Sign problematic field in mediaeducation*, 53(3), 74–81. https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-74-81 (In Russian).

Medvedeva, A. V. (2014). Ethnic Stereotypes in the Modern Conditions: Theoretical Approaches and Studies on Empirical Level. *Theory and Practice of Social Development*, 8, 43–48. (In Russian).

Nastalovskaia, I. G. (2022). Auto- and Heterostereotypes of Russians and Chinese. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 19(4), 58–64. (In Russian).

Nielsen, M. (2019). Heterostereotype des Deutschen in der dänischen Werbung und in Namen dänischer Unternehmen [Heterostereotypes of Germans in Danish Advertising and in the Names of Danish Companies]. In N. Janich (Ed.), *Stereotype in Marketing und Werbung* (Vol. 29, pp. 77-102). Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-24217-6_5 (In German).

Pastor, S. C., & Fuentes, M. A. (2013). Heterostereotypes. In K. D. Keith (Ed.), *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (pp. 649–651). Wiley. https://doi.org/10.1002/9781118339893.wbeccp264

Radina, N. K. (2022). Multimodal Media Tools of Popular Geopolitics: Russian Politics in Foreign Media Cartoons. *MGIMO Review of International Relations*, 15(4), 130–150. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-130-150 (In Russian).

Saunders, R. A. (2017). *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315737386

Shtompka, P. (2007). *Visual Sociology: Photography as a Research Method*. Logos. (In Russian).

Simakova, S. I. (2022). *Media Aesthetic Code of Infographic Content in Journalism*. Chelyabinsk State University Press. https://doi.org/10.47475/9785727118214 (In Russian).

Stepykin, N. I., & Gurina, V. I. (2023). Modeling of the Associative Field Россия/Russia According to Associative Dictionaries. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 13(3), 51–60. https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-3-51-60 (In Russian).

Vartanova, E. L. (2022). The Multi-Subject Nature of the Media Environment and Its Potential Impact on Social Conflict. *Mediaalmanah*, 110(3), 8–14. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814 (In Russian).

Zelenina, E. V., & Knyazeva, M. L. (2024). *Patriotism and the National Idea in Russian Journalism*. Znanie-M. https://doi.org/10.38006/00187-745-5.2024.1.160 (In Russian).

Zhikhareva, N. A., & Yakovleva, E. P. (2021). Stereotypes as means of influencing mass consciousness in political discourse. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7(2). https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-2-0-4 (In Russian).

Zyryanova, I. N., & Kosyakov, V. A. (2022). Suggestive Impact of Stereotypes (by the Material of Modern English-Language Media That Create the Image of Russia). *Philology. Theory & Practice*, 15(9), 2914–2919. https://doi.org/10.30853/phil20220488 (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Исследования кинематографа | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.670

Crimean Westerns/Osterns of the 1910s-1920s in the Context of Commemorative Practices

Elena V. Dianova

Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, Russia.
Email: elena-dianowa[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-7661-5181

Received: 24 June 2025 | Revised: 19 September 2025 | Accepted: 29 September 2025

Abstract

The article examines the problem of preserving, transmitting, and reflecting the historical memory of Alim, a national hero of the Crimean Tatars, in the context of the "memorial turn". The purpose of the article is to study films of the 1910s–1920s about the adventures of the robber Alim in Crimea in the mid-19th century ("Alim the Crimean Robber", "Song on the Stone", "Alim") in the context of commemorative practices and to present them as Crimean westerns / osterns. The study established that the common object of commemoration is the "noble robber" Alim. It was also possible to trace the evolution and transformation of the screen images of Alim and to compare them with the real prototype. In pre-revolutionary and Soviet films, the image of Alim went through a series of changes: rebel, peasant leader, and leader of a workers' strike. Before the revolution, in the spirit of protest sentiment, private film companies created films in which the robber Alim was presented simply as a folk hero. In the 1920s, film studios expressed the interests of the state when, in line with official ideological guidelines, robbers were glorified as fighters against tsarist officials. Since the scripts of many films about Alim were based on folk legends, the content of the films does not always coincide with real historical events. The social-class approach to assessing the past was reflected in the Soviet films "Song on the Stone" and "Alim", which were used both to transmit historical memory and to create new historical and cultural myths. In general, the characteristic features of these films (dynamic action, the strength of character of the protagonist, the rapid development of events on screen, dangerous stunts, fights, horse races, chases, and shootouts) allow us to classify them as easterns / osterns, by analogy with westerns. This article is intended for everyone interested in commemorative practices and the history of cinema.

Keywords

Cinema; Media Texts; Commemoration; Commemorative Practices; Historical Memory; Noble Robber; Screen Image of a Folk Hero

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Cinema Studies | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.670

Крымские истерны / остерны 1910-1920-х годов в контексте коммеморативных практик

Дианова Елена Васильевна

Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, Россия.
Email: elena-dianowa[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-7661-5181

Рукопись получена: 24 июня 2025 | Пересмотрена: 19 сентября 2025 | Принята: 29 сентября 2025

Аннотация

В статье в рамках «мемориального поворота» рассматривается проблема сохранения, трансляции и отражения в медиатекстах исторической памяти об Алиме, народном герое крымских татар. Цель статьи состоит в том, чтобы в контексте коммеморативных практик изучить фильмы 1910–1920-х годов о похождениях разбойника Алима в Крыму середины XIX века («Алим – крымский разбойник», «Песнь на камне», «Алим»); представить их как крымские истерны / остерны. В результате исследования установлено, что общим объектом коммеморации является «благородный разбойник» Алим. Также удалось проследить эволюцию и трансформацию экранных образов Алима и сопоставить их с реальным прототипом. В дореволюционных и советских фильмах образ Алима прошел через череду изменений: бунтарь – крестьянский вожак – руководитель стачки рабочих. До революции в духе протестных настроений частные кинокомпании создавали картины, в которых разбойник Алим был представлен просто как народный герой. В 1920-е годы кинофабрики выражали интересы государства, а в русле официальных идеологических установок разбойники прославлялись как борцы с царскими чиновниками. Поскольку основой сценариев многих фильмов об Алиме были народные легенды, содержание кинолент не всегда совпадало с реальными историческими событиями. Социально-классовый подход в оценке прошлого нашел отражение в советских картинах «Песнь на камне» и «Алим», которые использовались как для трансляции исторической памяти, так и для создания новых историко-культурных мифов. В целом характерные черты этих картин (динамичность действия, твердость характера главного героя, стремительность развивающихся на экране событий, опасные трюки, драки, скачки, погони, перестрелки) позволяют по аналогии с вестернами отнести их к истернам / остернам. Данная статья предназначена для всех, кого интересуют коммеморативные практики и история кино.

Ключевые слова

кино; медиатексты; коммеморация; коммеморативные практики; историческая память; благородный разбойник; экранный образ народного героя

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

В конце XX – начале XXI вв. в исторической науке среди различных методологических поворотов особое место занял «мемориальный поворот», т. е. изучение исторической памяти народа (коллективной, коммуникативной, культурной, социальной и др.). При этом предметом исследования историков является «не историческое событие или явление как таковое, а сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции» (Леонтьева, 2015, с. 59). Память людей хранит потаенное знание народной жизни определенной социальной группы (например, крестьянства) или целого поколения о «делах давно минувших дней», героях прошлого. Историческая память, сберегая некую совокупность сведений о событиях, значимых как для всей нации, так и для отдельного этноса, «выступает своеобразным “хранилищем” национальной идентичности» (Романова, 2017, с. 37).

Сохранению и трансляции исторической памяти способствуют коммеморативные практики. В литературе встречаются различные определения термина «коммеморация». Прежде всего, это «способ, с помощью которого укрепляется и передается память о прошлом»; поддерживается «живая связь с прошлым» (Романовская & Фоменко, 2015, с. 83). Коммеморация как «феномен гуманитарного знания» выступает одним из средств «формирования коллективной памяти семьи, рода, этнического, локального, конфессионального сообщества» (Ландина, 2023, с. 18). Коммеморация является «важнейшим инструментом формирования исторической памяти как мобилизации памяти о том или ином событии, человеке, исторической общности» (Исрапилова, 2016, с. 71).

С глубокой древности существовал устный способ сохранения и передачи памяти об исторических событиях в различных жанрах фольклора (былинах, песнях, сказках, легендах и преданиях). При этом «коллективная память может длительное время существовать на чисто информационном уровне» (Романова, 2017, с. 39). Запись устных свидетельств на материальные носители, перенос знаковых символов коллективной памяти в визуальные образы превращают ее в «информационно-идеологический ресурс» (Романова, 2017, с. 39). Ученые предлагают «рассматривать социокультурное наполнение коллективной памяти в исторической ретроспективе» (Ландина, 2023, с. 24).

Историческая память «представляет собой и совокупность текстов, и совокупность образов», поэтому распространенным путем изучения исторической памяти является «исследование образов прошлого». Не секрет, что зачастую образы участников давних событий, созданные в кино и художественной литературе, «являются основой обыденных представлений о прошлом» (Леонтьева, 2011, с. 9, 11). Данное исследование проводилось в рамках исторической имагологии, в центре которой «находится образ

каких-либо ярких исторических персонажей (обычно тех, оценка чьей исторической роли является предметом общественных дискуссий)» (Леонтьева, 2015, с. 79). Кинопроизведения являются «одним из каналов культурной памяти», которая «охватывает воспоминания современников событий и поддерживается их совместным общением в рамках индивидуальных биографий» (Волков & Пономарева, 2012, с. 22).

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней фильмы 1910–1920-х годов, снятые на материале событий, происходивших в середине XIX века в пределах южного фронтира Крыма, представлены как истерны / остерны по аналогии с вестернами, фильмами об освоении фронтира Дикого Запада. Слово «истерн» означает «восточный» (англ. eastern), как и слово «остерн» (нем. ostern). Советские приключенческие фильмы иногда называют «красными вестернами».

В нашей стране, как и за рубежом, высокий рейтинг имели вестерны, авантюрные трюковые, ковбойские картины производства кинокомпаний США. Перед отечественными кинематографистами была поставлена задача «создать кино революции» на основе американской техники, с американским темпом и динамическим сюжетом, что привело к появлению истернов / остернов – приключенческих фильмов, снятых на материале освоения окраин Российского государства, посвященных истории революции и Гражданской войны на юго-востоке и востоке российского фронтира. Действие в советских истернах / остернах происходит на Кавказе, в Крыму, Средней Азии и даже Сибири. Структура повествования в данных медиатекстах, как в вестернах, так и в истернах / остернах, выстроена в виде дихотомии: положительные и отрицательные герои; честность и обман; героизм и предательство; помощь бедным и грабеж богатых. Стремительности развивающихся на экране событий сопутствуют опасные трюки, драки, скачки, погони, перестрелки.

Первым советским истерном считается фильм «Красные дьяволята» (Киносекция Наркомпроса Грузии, 1923) о Гражданской войне. В 1920-е годы появились картины «Абрек Заур» (Госкино, 1926), «Закон гор» (Госкинпром Грузии, 1927), «Зелимхан» (Востоккино, 1929) и другие фильмы, снятые на кавказском материале (Дианова, 2024).

Цель статьи состоит в том, чтобы в контексте коммеморативных практик рассмотреть сценарии кинокартин 1910–1920-х годов и один сохранившийся фильм «Алим» (ВУФКУ, 1926) о похождениях Алима в Крыму в середине XIX века как крымские истерны / остерны, где действующими лицами являются он сам и его друзья; также проследить эволюцию и трансформацию экранного образа Алима. Для достижения цели необходимо установить объект коммеморации в дореволюционных и советских фильмах; соотнести содержание кинолент об Алиме с реальными историческими событиями; найти в советских фильмах отражение идеологических установок и социально-классового подхода в оценке исторических событий.

Жанровая принадлежность кинокартин об Алиме к истерну (восточному варианту вестерна) определяет рамку, в которой происходит переосмысление героя. Истерн как жанр задает устойчивую оппозицию «закон / беззаконие», «коллектив / индивид», «свой / чужой», что делает его удобным инструментом коммеморации. На этом фоне прослеживается смена культурных ориентиров. В то время как дореволюционные фильмы задействовали мотив разбойничьей удали и романтизированной свободы героя, советский кинематограф делал акцент на социальную справедливость и коллективистские черты (Захаров, 2023). Таким образом, анализ жанровых особенностей истерна оказывается неотъемлемой частью выявления механизмов коммеморации.

Литературу по данной теме можно разделить на три блока. Первый блок объединяет публикации о коммеморации и коммеморативных практиках. Авторы анализируют «мемориальный поворот» в современной российской исторической науке (Леонтьева, 2015); соотносят события и образы прошлого в исторической и культурной памяти (Репина, 2016); выясняют дискурсы исторической памяти (Романова, 2017) и сам феномен коммеморации (Шуб, 2018); рассматривают коммеморацию как объект междисциплинарного знания (Ландина, 2023); выясняют роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти (Исрапилова, 2016).

Во второй блок входят статьи и книги о вестернах и ковбойских фильмах (Захаров, 2023), (Зорин, 2020), (Карцева, 1976); о советских приключенческих фильмах – «красных вестернах» (Лаврентьев, 2009). Авторы стремятся определить культурную специфику жанра «истерн» (Лапина-Кратасюк, 2011) и понять, «чем советский истерн отличается от классического западного вестерна?» (Давыденко, 2014).

В связи с тем, что главным героем рассматриваемых фильмов как до, так и после революции 1917 года был народный герой Крыма Алим Азамат-оглу Айдамак, к третьему блоку относятся издания, связанные с его жизнеописанием. Можно упомянуть современные публикации: брошюру «Легенды и быль об Алиме – крымском Робин Гуде» (Килесса, 1997); сборник «Алим – крымский джигит», куда вошли рассказы, предания, воспоминания об Алиме (Фазыл, 2005); статьи (Килесса, 2013), (Пасечников, 2015), (Сеитягьяева, 2016). Интерес к приключениям разбойника Алима не ослабевает до сих пор, в интернет-изданиях встречаются материалы о нем: «Справедливый разбойник Алим» (Бекирова, 2019); «Сквозь время по следам человека-легенды» (Военный, 2016b); «Жизнь и удивительные приключения крымского Робин Гуда» (Мамчиц, 2023); «Алим Азамат-оглу – благородный защитник обездоленных» (Усеинова, 2015). Следует назвать публикации, связанные со знаменательными событиями, «День народного героя “Алим – Къырым йигити”» (Велиева, 2021) и юбилейными датами, «Алим Айдамак – 200 лет со дня рождения» (Военный, 2016a).

Методология исследования базируется на методологических принципах и научных концепциях изучения исторической памяти и коммеморативных

практик. В центре исследований по проблемам исторической памяти «находится образ какого-либо яркого исторического персонажа» (Леонтьева, 2011, с. 12). Основой коммеморации является «некий объект (коммеморативное ядро), который, собственно, и является поводом для акта поминовения». В качестве ядра может выступать отдельная личность, событие, совокупность событий, место. В процессе коммеморации объект «превращается в коммеморативный символ, формируемый вокруг коммеморативного ядра» (Шуб, 2018, с. 162).

Методологической основой исследования стало также сочетание подходов в изучении культурной истории и источников визуальной культуры. Игровые фильмы рассматриваются как исторические источники, отражающие практики памяти и способы конструирования образа героя. В данном контексте используется понятие «иконический образ», но не в строгом семиотическом значении, а в культурологическом смысле – как визуально-символическое воплощение героя, поддающееся интерпретации в социально-историческом контексте (Mitchell, 2002). Это позволяет не только реконструировать «визуальные коды» фильмов, но и проследить, каким образом кинематограф становился инструментом коммеморации.

Важно проследить изменение экранного образа Алима, как он встраивался «в различные идеологические и историографические дискурсы; как изменялась при этом семантическая нагрузка и художественная трактовка образа» (Леонтьева, 2015, с. 79–80). Необходимо отметить, что в 1920-е годы кинопроизводство стало нести отпечаток социально-классового подхода в оценке исторических событий, поэтому образ Алима, созданный в кино в разные отрезки времени, выступает как маркер историко-культурной и социально-политической информации об идеологических приоритетах раннего советского периода.

Источники и методы исследования. Для корректности анализа выделяются три группы источников, позволяющие реконструировать реальные события, связанные с Алимом, прежде всего это литературные тексты и повествования о знаменитом герое крымских татар конца XIX – начала XX века, в которых образ разбойника получает романтизированную интерпретацию. В качестве источника привлекались роман «Алим – крымский разбойник» Н. А. Попова (Попов, 1895); исторический очерк М. Г. Шевлякова «Гордость Крыма (Разбойник Алим)» (Шевляков, 1912); повесть «из крымской жизни» «Свадебный подарок» из сборника «В дебрях Крыма» С. А. Качиони (Качиони, 1917; Попов, 1895 и др.). Использование фактического и художественного материала дает возможность выявить эволюцию образа Алима от исторического персонажа к объекту культурной памяти.

Для создания представлений об исторических событиях, происходивших в Крыму, можно использовать различные визуальные источники, как документальные и этнографические, так и художественные кинокартины. Для исто-

риков любой художественный фильм служит иконическим источником, который «позволяет реконструировать исторический контекст эпохи, … достичь более полного понимания менталитета того или иного общества» (Егоров, 2022, с. 11). Визуальные источники представлены сохранившимся немым фильмом «Алим» (ВУФКУ, 1926), транслирующим этот образ в условиях культурной и политической среды 1920-х годов. В качестве методических приемов его изучения применялся источниковедческий анализ иконических источников. После их внешней и внутренней критики, выявления информации о создании фильма и описания сюжета в картине найдены исторические реалии, которые стали временным фоном происходивших событий.

В работе используется термин «медиатекст», под которым понимается любой аудиовизуальный или печатный продукт массовой культуры, рассматриваемый как носитель значений в социальном контексте (Федоров, 2012, с. 31). Применительно к фильму «Алим» (1926) этот термин позволяет подчеркнуть не только художественные характеристики, но и коммуникативную функцию киноповествования. В отношении же картин, дошедших до нас лишь в пересказах и критических рецензиях («Алим – крымский разбойник», 1916; «Песнь на камне», 1926), можно говорить скорее о «репрезентациях медиатекста», фиксирующих элементы сюжета и интерпретации образа героя. Таким образом, использование понятия «медиатекст» оправдано в силу его способности объединить разные формы существования фильмов – как экранных, так и текстуально реконструируемых.

В ходе исследования привлекались и печатные источники. Выявлению сюжетных линий и фабулы несохранившейся кинокартины «Песнь на камне» (1926) способствовало их изложение в аннотированном каталоге немых фильмов (Советские художественные фильмы, 1961). Большой интерес представляет справочник «Художественные фильмы дореволюционной России» (Вишневский, 1945), где дано их фильмографическое описание. Современный каталог игровых фильмов России «Великий кинемо» (1908–1919) описывает более 300 игровых фильмов российского производства (1908–1919) с изложением их сценариев и сюжетных линий (Иванова & Мыльникова, 2002).

Важные сведения о фильмах и советских актерах содержит периодическая печать 1920-х годов: еженедельная газета «Кино», журналы «Жизнь искусства», «Советский экран» и «Советское кино». Для анализа картин взяты репортажи режиссеров с места съемок фильмов, рецензии кинокритиков и отзывы зрителей о кинокартинах. О степени социализации фильма «Алим» и отношении к народному герою говорит название рецензии «Алим – татарский Робин Гуд» («Алим», 1927, с. 29).

В процессе работы задействованы общие и специальные методы исторической науки (описательный и историко-сравнительный методы, причинно-следственный анализ). Историко-описательный метод важен для изложения событий, ставших основой для создания приключенческих фильмов о разбой-

нике Алиме. Причинно-следственный анализ использовался для объяснения мотивов протестного поведения, следствием которого стало превращение Алима в разбойника, бесстрашного народного мстителя.

Исторический компаративизм, или историко-сравнительный метод, необходим при сравнении основных признаков вестернов начала XX века с характерными жанровыми особенностями крымских истернов / остернов 1910–1920-х годов. Историко-компаративистский метод весьма приемлем при сравнении основных содержательных линий биографических фильмов и реальной жизни их главных прототипов, например, при сопоставлении картин «Алим – крымский разбойник» (1916) и «Алим» (1926) с событиями из жизни Алима Азамат-оглу. Историко-сравнительный метод необходим при соотношении исторических событий, происходивших в Крыму в середине XIX века, с теми фактами, которые показывались в игровом кино на широком экране.

«Алим – крымский разбойник»

Как к вестернам, так и к истернам / остернам относятся картины «плаща и шпаги», посвященные «социальным бандитам», «благородным разбойникам». Главным героем выступает очередной Робин Гуд, как правило, «одинокий рыцарь, который олицетворяет закон на нецивилизованном Диком Западе, защищает слабых и вершит правосудие» (Захаров, 2023). Центральным персонажем в рассматриваемых здесь истернах / остернах 1910–1920-х годов предстает крымский Робин Гуд – разбойник Алим, ставший «объектом коммеморации» (Шуб, 2018, с. 163).

Крымскотатарский народный герой Алим Азамат-оглу Айдамак (1816 – не ранее 1849) родился в деревне Копырликой Феодосийского уезда Таврической губернии. Повзрослев, Алим нанялся на работу к богатому караиму Бабовичу. В легендах об Алиме говорится, что он был «красив, строен, глаза блистали отвагой и мужеством». Его полюбила дочь хозяина Рахиль. Это заметил ее отец, который захотел «отделаться от опасного человека», (Шевляков, 1912, с. 540) и придумал подбросить в комнату, где жил Алим, серебряные часы с цепочкой, обвинить его в краже и тем самым избавиться от него.

По обвинению в краже Алим Азамат был арестован, а суд приговорил его к наказанию кнутом. В 1844 году Алима определили в солдаты и отправили в арестантскую роту в Бендерскую крепость (Бессарабия), затем перевели в батальон Кишиневского гарнизона. Оттуда Алим совершил побег. После побега, вернувшись на родину, в Крым, Алим начал мстить всем, кого считал своим обидчиком. Впервые сообщение о действиях дерзкого разбойника в официальных сводках чинов политической полиции Таврической губернии появилось в октябре 1848 года.

> Жандармский штаб-офицер полковник А. Ф. Боассель рапортовал, что с конца августа того года в Феодосийском и Евпаторийском уездах появился неизвестный татарин, вооруженный 2 пистолетами и саблей совершающий напа-

> дения на проезжающих в тех местах лиц. По свидетельству очевидцев, преступник использовал оружие лишь против тех, кто отказывался отдать деньги и ценности, либо пытался оказать активное сопротивление (Пасечников, 2015, с. 67).

При установлении личности выяснилось, что это 32-летний уроженец Крыма Алим Азамат-оглу, который ранее дезертировал из Кишиневского батальона. Поиски разбойника ничего не дали. Однако ночью 23 октября 1848 года полиция обнаружила Алима в беседке в городском саду Симферополя, где тот спокойно отдыхал, привязав рядом с собой лошадь. В ходе задержания преступник оказал яростное сопротивление. Пойманного разбойника заковали в кандалы и заключили в городской острог. Началось расследование его преступлений. Однако 10 июля 1849 года Алиму удалось сбежать из симферопольской тюрьмы. Освободил преступника караульный – рядовой Таврического гарнизонного батальона Никифор Петров, который скрылся вместе с Алимом (Пасечников, 2015, с. 67, 68).

Оказавшись на воле, Алим возобновил разбой, нападал на экипажи на большой дороге, грабил пассажиров и обитателей домов знатных и богатых лиц.

> Так, 29 июля на Евпаторийской почтовой дороге он ограбил отставного генерал-майора Павлова и еще нескольких человек в бричках. Алим Азамат-оглу продолжал совершать дерзкие нападения и грабежи, не страшась угрозы быть снова пойманным. 30 августа он взломал кладовую в экономии Екатеринославского губернатора Андрея Яковлевича Фабра в деревне Барак-Эли Симферопольского уезда, унеся оттуда 290 рублей серебром. На следующий день он появился в Карасубазаре (ныне Белогорск), придя на свадьбу к некоему Сеит Мамбету Эфенди. Подарив молодоженам 5 рублей, он потребовал от музыкантов играть песню про Алима-разбойника, а сам стал кричать, что он и есть тот самый Алим. Прибывшие на место чины полиции не смогли задержать быстро скрывшегося преступника (Пасечников, 2015, с. 69).

На создание фильмов большое влияние оказывала молва о похождениях Алима, который «дивил весь Крым своим не знавшим страха удальством», разлетаясь «с быстротой молнии по всему полуострову», «поражала всех ужасом и удивляла бесстрашием, находчивостью и справедливостью этого единственного в своем роде разбойника-виртуоза» (Качиони, 1917, с. 353).

> Алим-грабитель, гроза целого края, был в тоже время и Алим-герой, ставший его кумиром: его проклинали и за него же молились; имя его наводило трепет и проникало к нему невольным уважением. Но тот же Алим, если и был разбойником в широком смысле этого слова, то никогда не был вором, а весьма часто был самым добродушным, хотя и неумолимо строгим судьей для разных рыцарей мутной водицы (Качиони, 1917, с. 353, 354).

Народ прозвал Алима Айдамаком (неуловимый, летучий). Он мог ускользнуть от любой погони, спрятаться в горах, а потом вдруг появиться в самых неожиданных местах. Помощь и укрытие он находил не только среди крымских татар, но и среди других жителей Крыма. В Алиме они видели «джигита,

удальца, но не разбойника», потому что «Алим всегда помогал бедному народу» (Попов, 1895, с. 56). Имя Алима было «многозначительно в Крыму и для татар, и для армян, и для русских», так как «бедные всегда имели у него существенную поддержку. Оказывая помощь, он не считался с национальностью». При этом «на совести Алима не было ни одного убийства». Благодаря тому, что «он не был замечен ни в одной кровавой расправе», выросла «его громадная популярность» (Шевляков, 1912, с. 540, 541). Вместе «с громкой славой увеличивалась и дерзость разбойника» (Попов, 1895, с. 81).

Слухи о разбоях «неуловимого мстителя» в Крыму дошли до столицы. Император Николай I «сделал личное распоряжение обратить строжайшее внимание к недопущению беспорядков и непременной поимке преступника», для чего разрешалось использовать солдат и военнослужащих. Поймать бесстрашного разбойника помогла случайность. Ночью 25 ноября 1849 года Алим попросил ночлега у пастухов недалеко от деревни Кады-Эскер-Кой. Пастухи пустили его переночевать, но тайком послали мальчика сообщить об этом помещику Кипчакскому. Не мешкая, помещик собрал отряд из 12 человек и той же ночью схватил спящего разбойника, отправив его в Симферополь (Пасечников, 2015, с. 69, 70).

В декабре 1849 года состоялся суд, который приговорил Алима к наказанию шпицрутенами и ссылке в Сибирь. Во время экзекуции Алима прогнали шесть раз сквозь строй 500 солдат. На знаменитого разбойника обрушилось 3 тысячи ударов, но, тем не менее, он выжил. 11 апреля 1850 года Алима отправили из Симферополя в Сибирь на рудники сроком на 20 лет. Уже в Тобольске на него еще наложили специальные клейма каторжника (Пасечников, 2015, с. 70).

Во второй половине XIX века представители интеллигенции «в разбое стали видеть не выражение личной удали “добрых молодцев”, а проявление социального протеста». Уже в начале XX в. в культуре России особую роль играли «сюжеты, связанные с массовыми протестными движениями» (Леонтьева, 2011, с. 354, 373). Высокий протестный потенциал общества того времени определил интерес отечественных кинематографистов к народным бунтарям. Такие фильмы выпускало Акционерное общество «А. Дранков и К°». Режиссер Вячеслав Висковский представил на суд зрителей кинодраму «Алим – крымский разбойник» (1916), приключенческий фильм из жизни легендарного крымского разбойника Алима. В ролях были заняты С. Ценин (Алим), М. Ланская (Рахиль), Агафонов (Ованес-Ага). В основу сюжета легли народные легенды об Алиме и роман «Алим – крымский разбойник» писателя Н. А. Попова, изданный в 1895 году.

Начало фильма «Алим – крымский разбойник» не противоречит известным сведениям из жизнеописания Алима.

Молодой Алим, дитя моря и гор, по предложению Ованес-Ага, поступает к нему работником. Рахиль, дочь богача Ованеса, увлеклась Алимом, и скоро

молодые люди открыли друг другу свои чувства. Безгранично было их счастье, хотя Рахиль не раз предупреждала Алима, что отец будет против их брака... Случилось так, что их свидание было замечено отцом Рахиль, который побоялся открыто выгнать Алима и решил устроить так, чтобы Алим сам ушел от него. И придумал старик такой злой план. Велел он другому работнику поджечь саклю, а вину свалить на Алима, и тогда, обвинив Алима в злом деле, он отдавал его в руки правосудия и тем самым избавлялся от него. Но услыхала этот злой наказ работнику старуха Изергиль и побежала к Рахили передать ей все слышанное. Рахиль вызвала Алима, предупредила его о грозящей беде... Вскочил Алим в лошадь, и, когда запылала сакля, он уже был далеко от места пожарища, на котором мстительный Ованес-Ага уверил всех, что виновник поджога – неблагодарный Алим (Иванова & Мыльникова, 2002, с. 296).

Далее в фильме разворачиваются события, которые становятся толчком к превращению сельского батрака в разбойника. Алим, придя к ростовщику, разорившему когда-то его семью, стал просить у него денег взаймы. Ростовщик отказал ему, «и тогда, не помня себя от обиды, Алим задушил его и ограбил». «А потом еще преступление, еще грабеж, правда, исключительно в среде богатых, и стал Алим разбойником» (Иванова & Мыльникова, 2002, с. 297).

В картинах о «благородных разбойниках», созданных на историческом материале, «присутствует облагораживающий героя мотив мести» (Карцева, 1976, с. 177). Причина его протестного поведения объяснялась довольно просто: «Алим стал разбойником из-за обиды». В то же время он вел себя как крымский Робин Гуд, о котором слагались песни и легенды. Действуя в духе героя, Алим «вообще охотно помогал всем бедным, защищал обездоленных» (Шевляков, 1912, с. 542). Он делился с бедняками награбленным добром, заступался за угнетенных людей, и слава о нем как о народном защитнике разнеслась по всему Крыму. Как настоящий благородный разбойник, «Алим действовал всегда один. Товарищей не имел и шаек не собирал. Лучшим его другом был бледно-золотистый конь, уносивший его от преследований» (Шевляков, 1912, с. 540).

В фильме приключения Алима окутаны романтическим флером. Через всю картину проходит любовная линия отношений Алима и Рахили. Однажды, когда Алим сидел с любимой Рахилью у моря, его подстерег настоящий злодей Бекир и метким выстрелом из ружья оборвал жизнь народного героя. «Упал Алим у самого берега, и море ласкало его и пело последнюю песню ему» (Иванова & Мыльникова, 2002, с. 297). Фильм заканчивается гибелью отважного героя.

В очерке «Гордость Крыма (Разбойник Алим)» М. Г. Шевляков иначе описал завершение его «разбойничьей деятельности». Богатый карасубазарский мурзак (татарин) выдал Алима полиции, и того отправили в Сибирь. Из Сибири ему удалось бежать и благополучно достичь Константинополя,

где он остался навсегда. Сначала он устроился рабочим, а потом открыл кофейню с номерами, т. е. дешевую гостиницу. В Турции Алим прожил до глубокой старости. Он умер в Константинополе в начале 1900-х годов. Турки, поддерживавшие с ним деловые отношения, отзывались о нем «как об изумительно честном и справедливом человеке» (Шевляков, 1912, с. 544, 545).

Торговый дом «Кино-Альфа» также проявил интерес к народному герою Крыма и создал драму «Алим (легендарный разбойник)» (1916), по содержанию тождественную картине Вячеслава Висковского. Сценаристом и режиссером фильма стал А. Ломашкин, главные роли сыграли Я. Орлов-Чужбинин (Алим), Т. Тамара-Грузинская (Рахиль) (Вишневский, 1945, с. 94).

Кинематографическое товарищество «Кино-Крым» не занималось поиском новых сюжетов для кинопредставлений. Находясь в Ялте, оператор и режиссер А. Н. Никитин слышал рассказы о подвигах Алима, которые передавались из поколения в поколение. Для простых людей «Алим был, прежде всего, джигит, удалец, герой, вышедший из народа» (Качиони, 1917, с. 354). Исходя из того, что «все коренное население Крыма гордится сознанием того, что у них был свой знаменитый разбойник Алим, а татары вспоминают его имя даже с благоговением» (Шевляков, 1912, с. 539), А. Н. Никитин тоже решил снять картину на основе крымских легенд. В 1916 году на экран вышел его фильм «Алим – крымский разбойник» (Мирославский, 2005, с. 249) с таким же названием, что и название фильма Вячеслава Висковского.

Романтизация народных заступников свойственна дореволюционным кинокартинам; в них «покровители бедных и разорители богатых» представлены в идеализированном виде. Изображение «благородных разбойников» в кино насыщено бунтарским пафосом борьбы за социальную справедливость.

«Песнь на камне»: разбойник Халил

В 1920-е годы государство, поддерживая политико-просветительную и идеологическую функции кино, финансировало постановку «фильмов с героями, олицетворявшими бунтарские и революционные идеи» (Кочеляева, 2020, с. 38). В это время репертуар советского кино пополнился приключенческими фильмами о событиях, связанных с национально-освободительной борьбой и революционным движением на окраинах Российской империи в XIX – начале XX веков.

В 1920-е годы в советском кино возник новый жанр – художественно-этнографическая картина, к которой критики относят фильм «Песнь на камне» (Госкино), вышедший в прокат в марте 1926 года. Однако созданная на бытовом материале повседневной жизни крымских татар постановка «Песнь на камне» не была чисто этнографическим фильмом, поскольку, по мнению киноведа И. В. Соколова, в ней есть хоть и «плохой сценарий». Впрочем, «картина полу-

чилась бы лучше, если бы совсем не было никакого сценария», поэтому «видовая картина всегда интереснее “сюжетной” бессмыслицы» (1926, с. 3).

Режиссер Лео Мур и сценарист Хрисанф Херсонский увлеклись народными сказаниями, «лирическими песнопениями Крыма и романтизмом быта крымчан», объединив в образе главного героя персонажи различных крымских легенд. Героем одних легенд был поэт-сказитель Ашик-Умер (1621–1707), героем других – разбойник Алим (1816 – после 1849). Авторы фильма «сконструировали» нового героя, дали ему имя Халил, наградив его одновременно чертами Ашик-Умера и Алима. Сценарист Херсонский «взял нужное для сценария из крымской жизни и разбавил это интригой полуромантического, полуавантюрного порядка» («Песнь на камне», 1926, с. 18).

В горной деревне, где живут крымские татары, возникает драматическая коллизия – столкновение социально-экономических интересов крестьян-бедняков и местных богачей, на стороне которых находится исправник – представитель царской администрации. Херсонский, идя от распространенного в 1920-е годы шаблона, написал довольно простой сценарий, но «не насытил сюжет остротой». В кинокартинах о дореволюционной деревне должны присутствовать классический богач, домогающийся бедной девушки – красавицы Эминэ, и «не менее оригинальный исправник, изо всех сил притесняющий крестьян для вящего убеждения зрителя в отвратительности царского строя» («Песнь на камне», 1926, с. 18). Сюжетная линия фильма усложнена любовными взаимоотношениями между главным героем Халилом и Эминэ. На фоне быта рассказывалась жизнь крымского певца Халиля, «от лирики постепенно переходящего к неизбежности борьбы», девушки Эминэ, любящей Халиля, и «толстяка Аби-Буллы, попадающего в целый ряд комических положений» (Мур, 1926, с. 5).

Авторы фильма перенесли время действия в середину XIX века – в последние годы царствования Николая I, в разгар Крымской кампании. В фильме показано, что во время военных действий в Крыму, на южном фронтире России, происходит восстание крестьян. Действительно, еще до высадки неприятеля на полуострове начались волнения среди крымских татар. 1 сентября 1854 года британо-франко-турецкие войска высадились под Евпаторией и без боя взяли город. Вместе с десантом союзников в Евпатории появились два эмиссара, посланные «для склонения татар к восстанию». Они распустили слух, что с турками, высадившимися в Евпатории, привезено знамя Магомета. Крымские татары не остались равнодушными к военным событиям, в которых принимали участие турки – их единоверцы, и «между ними происходит брожение умов». Они «целыми толпами стекались в город и охотно записывались в аскеры или милицию правоверных» (Дубровин, 1900, т. 1, с. 282, 286).

Крымские татары перешли на сторону антироссийской коалиции; оказывая ей материальную помощь, доставляли фураж, продовольствие, скот и

зерно. В Евпатории Осман-Ага-Чардачи-Оглу, известный более под именем Сукур-Османа, был назначен вице-губернатором города; кузнец Хуссейн – капитаном. Оба они были главными руководителями восстания. «Народное возмущение» татар проявлялось в неповиновении властям, грабежах и насилии. Шайки в 200 и 300 человек бродили по Евпаторийскому уезду, разоряли имения, разбойничали, грабили и убивали проезжих на дорогах. В сентябре 1854 года архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий сообщал: «Татары Евпаторийского уезда страшно бунтуют; прочие уезды также готовы развить знамя возмущения. Это навело большой страх на христианское население, и оно бежит с полуострова в Россию». Слухи о беспорядках и «волнении татар, разбои которых достигли самого Перекопа» доходили до городов, соседних с Крымом губерний (Дубровин, 1900, с. 287, 291, 292, 300).

Режиссер и сценарист фильма «Песнь на камне» в качестве прототипов главного героя взяли поэта Ашик-Умера и разбойника Алима, поскольку они «оба выражали протест крымских татар против царской администрации». Автор любовных стихов Ашик-Умер жил задолго до присоединения Крыма к России. Сначала Халил – певец-бунтарь. Однако «постепенно он осознает необходимость перехода к более активным формам борьбы и становится разбойником, приобретающим легендарную славу защитника угнетенных людей» (Советские художественные фильмы, 1961, с. 156).

По всей видимости, авторы фильма полагали, что Халил мог стать вожаком одной из тех шаек, которые возникли во время «народного возмущения» с приходом в Крым турецких войск. Между тем, как отмечала пресса, «моменты же крестьянского восстания не столько убедительны, сколько просто неправдоподобно поданы». В целом у критиков сложилось впечатление, что сюжет «беспомощно» приспособили к основному материалу. На экране мелькали «лишь бытовые картинки, неудачно между собою связанные». Из-за слабой, «очень посредственной» техники киносъемок изображение получилось «местами крайне темное и расплывчатое», а «слишком водянистый сюжет» определил «незначительную социальную ценность» фильма («Песнь на камне», 1926, с. 18).

Еще более жесткий приговор фильму вынес Осип Мандельштам в рецензии, напечатанной в журнале «Советский экран». У него возникло

> впечатление, что сценарий составлен интеллигентным парагвайцем или аргентинцем, что элементарнейшее представление о царском Крыме, его социальных отношениях и т. д. искажены с причудливой экзотической дерзостью (Мандельштам, 1926, с. 4).

В картине нашла применение теория типажного кино, где роли поручены не актерам, а лицам, подобранным по внешним данным. Режиссер Лео Мур только на главные роли пригласил артистов Хайри Эмир-заде (певец Халил) и Ирину Фатинскую (Эминэ). Хайри Османович Эмир-заде (1893–1958), Народный артист Крымской АССР (1923), был известным крымским танцором, поэтому

критики отметили «единственный впечатлительный эпизод» фильма – пляску Хайри (Никулин, 1926, с. 1).

Работа постановщика свелась главным образом к выбору подходящей натуры и подбору типажей. Актеров среди крымских татар не было, поэтому исполнителей на все роли для картины «Песнь на камне» режиссер набирал из местных жителей, которые были «выхвачены непосредственно из жизни по принципу “социально-биологического амплуа”» (Мур, 1925, с. 9). Режиссер полагал, что «крымчаков лучше всего должны играть сами крымчаки». Действительно, «кто же лучше пастуха сыграет, скажем, роль пастуха?» (Никулин, 1926, с. 1). Героями фильма становились «люди как таковые». Лео Мур проводил с ними упорную работу, и каждую роль ему приходилось «сначала играть самому, а потом переводить ее на исполнителя». Как признавался режиссер Лео Мур, с профессиональным артистом Хайри ему «работать было легче» (Мур, 1926, с. 5).

В съемках фильма участвовали «бахчисарайский глашатай (человек, выкрикивающий по улицам приказы и объявления, своего рода живая газета)», рабочий-кожевенник, 80-летний землероб в роли старика, настоящий мулла. Все остальные эпизодические роли исполняли татары «разных общественных положений и профессий» (Мур, 1925, с. 9). Правда, «для исправника не нашлось подлинного исправника», поэтому пригласили артиста, но «это не выручило режиссера; актер оказался плох». Следовательно, «отыграться на банальном, взятом напрокат из оперы, исправнике» было нельзя (Никулин, 1926, с. 1). В результате на экране суетились «беспомощные люди, хорошие, честные, старающиеся честно работать люди, которых очень жаль и которых никак нельзя смотреть» (Никулин, 1926, с. 1). Во время демонстрации фильма стало очевидно, что в поисках подходящей натуры и типажей не стоит отбрасывать профессионализм настоящих артистов.

И снова «Алим – крымский разбойник» / «Алим»

Спустя десять лет после выхода картины «Алим – крымский разбойник» (1916) Ялтинская кинофабрика ВУФКУ сделала экранизацию народной легенды о борьбе крымскотатарского крестьянина против богачей. Режиссер Георгий Тасин снял фильм «Алим» / «Алим – крымский разбойник» (ВУФКУ, 1926). Советский поэт Николай Бажан написал сценарий на основе пьесы «Алим» крымскотатарского поэта Умера Ипчи. Большую помощь режиссеру оказал историк, этнограф, искусствовед Усеин Боданинский. На главные роли Г. Тасин пригласил профессиональных актеров. В роли Алима снимался Хайри Османович Эмир-заде. Главную женскую роль Сары в фильме сыграла жена Хайри – актриса Асие Эмир-заде.

В фильме переплетаются несколько сюжетных линий, одна из которых связана с выступлением рабочих кожевенного завода против гнета и эксплуатации со стороны его владельца: «Зол и скуп был его хозяин Али-бай».

Как-то, придя на завод, Али-бай сказал управляющему: «Осел! Смотри в оба. Эти бездельники меня разоряют». Тот стал избивать рабочего. Алим, тоже работавший на кожевенном заводе, прибежал на защиту товарища, и через мгновение управляющий оказался в известковой яме. Рабочие не стали вытаскивать его из ямы, а лишь сказали: «Купайся, скотина, в известняке, мягче станешь» (Тасин, 1926).

В наказание за открытый протест против хозяина кожевенного завода Алим был уволен. В родной деревне в поисках заработка он устроился к богатому Бабаджану. Вскоре Алим встретился с теми рабочими, кто продолжал трудиться на заводе Али-бая. Работники жаловались Алиму на хозяина: «Мало ему, что он землю забрал – еще хочет заставить нас работать. Надо проучить эту старую пиявку». Во время беседы Алима с товарищами его увидел Али-бай и закричал: «Не слушайте его, гоните вон этого разбойника». Однако «жестокость Али-бая и агитация Алима делают свое дело: среди рабочих зреет возмущение». Рабочие, узнав, что хозяин завода послал в город за казаками, решили, что «с Али-баем надо рассчитаться, пока не приехали казаки». Они подняли бунт против владельца завода, совершив внезапное нападение на его дом. В дом Али-бая вместе с бунтовщиками проник разбойник Роджен, намереваясь поживиться имуществом богача. Выдавая себя за рабочего, он напросился в отряд Алима, но тот узнал грабителя с большой дороги и прогнал его. Когда в деревне появились казаки, отряд повстанцев под руководством Алима скрылся в лесу. Роджен проследил, куда отправились бунтовщики, и сообщил офицеру: «Хочу отомстить Алиму. Он здесь, в лесу, я покажу вам» (Тасин, 1926).

Ночью казаки внезапно напали на отряд, завязалась перестрелка. Раненого Алима схватили и отправили в тюрьму в Киев. На тюремном дворе во время прогулки Алим встретил знакомого рабочего, которого спас от побоев на заводе. Они договорились о побеге, раздобыли пилку, перепилили прутья решетки и, связав простыни, спустились вниз. Тогда в тюрьмах решетки в окнах были «поставлены только для вида», поэтому «из тюрьмы в былое время не бегали только ленивые» (Попов, 1895, с. 90). Когда после долгих скитаний Алиму удалось пробраться в родной Крым, он нанес визит своему старому знакомому Али-баю. Взяв оружие и лучшего в округе коня, Алим снова почувствовал себя сильным и один скрылся в горах. Так началась жизнь благородного разбойника Алима, татарского Робин Гуда, бесстрашного защитника угнетенных людей, «мстителя за издевательства над бедняками. Его имя наводит ужас на помещиков, мурз и чиновников» (Тасин, 1926).

Алим был неуловим, и сам исправник во главе казачьего отряда искал его по лесам и деревням. Скрываясь от царских войск, Алим с горной кручи наблюдал за ехавшими по дороге казаками и другими путниками. Так, однажды он увидел помещика Капустина. Алим остановил коляску и потребовал у барина долговые расписки его крестьян. Тот в страхе отдал Алиму все, что тот потребовал. За голову Алима обещали вознаграждение, и тому прихо-

дилось скрываться в горной пещере. Однажды Ибрагим-мурза, выехав на охоту, случайно набрел на пещеру Алима и сообщил об этом исправнику. Казаки близко подошли к пещере, ставшей единственным убежищем Алима. Во время перестрелки он был серьезно ранен. В результате неравной борьбы раненый Алим попал в руки своих врагов, и снова оказался в тюрьме, в арестантской робе.

В фильме показано, как день ото дня растет классовая сознательность Алима, который постепенно стал понимать: «Одному победить невозможно. Чтобы победить, нужны тысячи людей, а я один. И ничего не могу сделать». Выступая на суде в свою защиту, Алим сказал: «Я не разбойник. Я боролся против вас – чиновников и мурз. Но я один. Я в ваших руках… Можете делать со мной, что угодно, но настанет время…» (Тасин, 1926). Выступление Алима на суде с политическими заявлениями напоминает знаменитую речь рабочего-революционера Петра Алексеевича Алексеева (1849–1891), члена народнического кружка «москвичей». 10 марта 1877 года на судебном «процессе 50-ти» он произнес речь о грядущей революции: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» (Рабочее движение в России в XIX в., 1950, с. 47).

В кинокартине суд приговорил Алима к смертной казни через повешение. Дочь Бабаджана Сара подкупила охранника и организовала побег Алима из тюрьмы, но пуля часового сражает беглеца. Алим и Сара, пытаясь уйти от преследования, бегут к морю, и морская волна скрывает их от погони.

Фильм «Алим» (1926), воспроизводя «легендарную жизнь народного героя, боровшегося с помещиками и жандармами», «рисует быт крымских татар, гнет, протест против гнета». Крымские татары ценят Алима «как героя, поднявшего крестьян на борьбу с эксплуататорами татарской бедноты, русскими и “родными” помещиками». Алим на экране предстает народным вожаком, но он «не джигит-разбойник, а борец за свободу, революционер» («Алим», 1926, с. 8). Таким образом, в поле культурной памяти оказалась не биография Алима, а «тот ценностный, символический “шлейф”, который его сопровождает» (Шуб, 2018, с. 163).

Фильм «Алим» вышел на экран 16 августа 1926 года. И сразу же в печати появились положительные отзывы. Несмотря на сходство с картиной «Песнь на камне», «Алим» «стоит, безусловно, выше ее». Режиссер сумел показать не только цельную композицию фильма, но и выявил актерские данные артиста Хайри, воплотившего на экране образ народного героя Алима. Рецензенты отмечали «некоторую романтичность», которая «при такой легендарности неминуема» («Алим», 1927b, с. 29). В 1920-е годы фильмы «Песнь на камне» и «Алим», являясь «выразителями монументальной истории», выступали «как культурный канал для создания и трансляции мифов» (Волков & Пономарева, 2012, с. 23).

Сеттинг крымских истернов / остернов

Для обозначения специфики жанра вестерна / истерна применяется термин сеттинг (от англ. Setting) – место, время и социальная среда, в которой происходит действие. При локализации места развития событий на окраине страны (фронтире) в дореволюционных и советских приключенческих фильмах можно обнаружить «некоторые черты сходства с сеттингом классического вестерна, жанровые атрибуты и механизмы которого были воспроизведены на материале собственной истории» (Захаров, 2023). Крым представляет собой южный фронтир России, полиэтнический и многоконфессиональный регион с тысячелетней историей.

Красивый крымский пейзаж – природа, море, горы – выступает фоном многих картин. Для кинематографистов «чебуречно-минаретный Крым сам по себе является заманчивой областью для кино-налетов» (Мандельштам, 1926, с. 4). При этом Крым воспринимался не только как «наша советская экзотика» (Соколов, 1926, с. 3), но и как окраина страны. При сдаче фильма в прокат режиссер Лео Мур заявил, что «в своем окончательном виде “Песнь на камне” представляет собой “окраинную” картину». Во время экспедиции Госкино режиссер Лео Мур для съемок фильма «Песнь на камне» открыл «каменный Крым» – «в кинематографическом отношении совершенно неиспользованный – древний хаос скал и камней» (Мур, 1925, с. 9). Мур убедился, что «если сойти с проторенной дорожки туриста», то можно увидеть «горные аулы, виноградники и камни. Много камней» (Мур, 1926, с. 5). Причем «камней в Крыму хватит и не на одну “песню”». Окрестности Бахчисарая, пещерные города, крепости Чуфут-Кале и Мангуп-Кале, «дикие пейзажи Карадага» стали тем фоном, на котором развертывалось действие картины «Песнь на камне» (Мур, 1925, с. 9). Фильмы о крымском Робин Гуде снимали на юге, но авторы картины «Песнь на камне» и других кинокартин упорно называли Крым Востоком, что позволяет считать приключенческие фильмы о разбойнике Алиме и бунтаре Халиле крымскими истернами / остернами.

Крымские истерны / остерны несут на себе сильный отпечаток влияния вестернов, и в них отчетливо просматриваются традиционные стилистические черты: острота фабулы, динамичность действия, твердость характеров героев. Как уже говорилось, как к вестернам, так и к истернам / остернам относятся картины «плаща и шпаги», посвященные «социальным бандитам», «благородным разбойникам», получившим славу народных героев, борющихся за права угнетенных людей. Для крымских татар Алим – это татарский Робин Гуд». Из уст в уста передавали легенду о том, что «дерзость его нападений была неслыханной». Алим «среди бела дня нападал в городах на чиновников, грабил богачей, а потом все отвозил в деревню и раздавал крестьянам» («Алим», 1927, с. 29).

Перипетии сюжетов приключенческих картин о «благородных разбойниках» насыщены стычками, погонями, перестрелками. В фильме «Алим»

на экране то и дело появляются всадники, впереди всех на горячем коне в бурке и папахе мчится Алим. Ковбои быстро скачут на конях, стремясь уйти от преследователей. В картине «Песнь на камне»

> татары охотятся на исправника и на полицейских с остервенением настоящих индейцев. На мирном крымском шоссе на шею исправника накидывают лассо, тащат его куда-то вверх на скалу. Вооруженных всадников обезоруживают, как маленьких детей (Мандельштам, 1926, с. 4).

Если рассматривать разбойничество Алима как феномен протестного поведения, то можно отметить, что оно было вызвано ситуативной реакцией на происходившие события (ложный донос, арест, суд, тюрьма) и «субъективным переживанием несправедливости, унижения, угрозы потери благ, свободы, достоинства и ценностей». Его «деструктивный протест» проявился в «жестком отстаивании своих позиций», что спровоцировало «конфликты и насилие», создало «угрозу безопасности как для субъекта, так и для социума в целом» (Гусейнов, 2012, с. 92).

Место действия является «драматургическим фактором кинопостановки» (Соколов, 1926, с. 3). В контексте коммеморативных практик места съемок фильмов были так или иначе связаны с исторической памятью об Алиме, а именно с теми локусами, где бытовали легенды и устные предания о его похождениях. События происходят в селениях крымских татар, где неоднократно бывал Алим, встречался с местными жителями, чьи рассказы передавались из уст в уста. На экране возникают пещеры, где когда-то мог жить или прятаться Алим. В кадре / фильме действия разворачиваются на горных дорогах, по которым когда-то разъезжал Алим, а теперь мчатся «татарские ковбои», происходят стычки с жандармами.

В сохранившихся фотоснимках рабочих материалов к фильму «Песнь на камне», сделанных на крымском материале, и особенно в фильме «Алим» можно наблюдать различные типы хозяйствования и занятий местных жителей (земледелие, кустарное производство, торговля), увидеть на экране восточный базар с глашатаем, выкрикивающим новости. Наличие значимых маркеров национальной идентичности крымских татар делает фильм «Алим» важным визуальным источником по истории региона. Он дает возможность усилить понимание фронтирного взаимодействия, выявить различные аспекты отношений жителей фронтирной зоны и представителей государственной власти, исправников, казаков, помещиков с представителями различных социальных групп местного населения (зажиточными и бедными крестьянами, духовными лицами, владельцами фабрик и их рабочими).

Выводы

Рассматривая медиатексты, а именно фильмы о похождениях крымского ковбоя Алима в середине XIX века – «Алим – крымский разбойник» (1916), «Песнь на камне» (1926), «Алим» (1926), в контексте коммеморативных практик,

можно сказать, что они способствуют сохранению и трансляции исторической памяти. В результате исследования установлено, что в этих дореволюционных и советских фильмах общим объектом коммеморации является народный герой крымских татар, «благородный разбойник» Алим (1816 – после 1849). О его приключениях сначала распространялись устные легенды, которые затем обрели форму литературных произведений, среди них – роман Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник» (1895); исторический очерк М. Г. Шевлякова «Гордость Крыма (Разбойник Алим)» (1912); повесть С. А. Качиони «Свадебный подарок» из сборника «В дебрях Крыма» (1917).

Народные сказания об Алиме и роман Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник» легли в основу сюжета кинодрамы «Алим – крымский разбойник» (1916) режиссера Вячеслава Висковского. В связи с высокими протестными настроениями в обществе этот приключенческий фильм, который выпустило Акционерное общество «А. Дранков и К°», имел большой зрительский успех. Другие частные кинокомпании тоже отдали дань персонажу исторической памяти крымских татар, и в их картинах разбойник Алим представлен просто как бунтарь, народный герой.

В Советской России в русле официальных идеологических установок бунтовщики и разбойники прославлялись как борцы с царским режимом. Социально-классовый подход в оценке прошлого нашел отражение в советских картинах «Песнь на камне» и «Алим», которые использовались для трансляции исторической памяти и появления новых историко-культурных мифов. В 1926 году на экран вышла художественно-этнографическая картина «Песнь на камне» (Госкино), созданная на основе преданий крымских татар. Режиссер Лео Мур и сценарист Хрисанф Херсонский придумали героя с именем Халил, объединив в его образе персонажей разных крымских легенд. Героем одних легенд был поэт-сказитель Ашик-Умер (1621–1707), героем других – разбойник Алим. Действие фильма происходит во время Крымской войны. Певец Халил, став предводителем крестьянского восстания, приобрел славу защитника угнетенных людей.

С начала 1920-х годов утвердилось марксистское измерение исторического процесса. В оценках событий прошлого произошло внедрение социально-классового подхода и идеологических установок. Под их влиянием занятие разбоем преподносилось как проявление «классовой борьбы» и «национально-освободительного движения» жителей национальных окраин. Режиссер и сценарист фильма «Песнь на камне» действовали в русле данной научной парадигмы, идя на поводу у социально-классового подхода в исторической науке. Грабеж и разбой соответствовали «экспроприации экспроприаторов». Восстания народных масс во фронтирной зоне большевики расценивали как национально-освободительное движение. Они подтачивали самодержавие, что приближало страну к революции. Народные выступления на национальных окраинах считались борьбой против царизма, даже если они прохо-

дили во время военных действий на территории России. Случаи коллаборационизма туземного населения и его сотрудничества с противником характеризовались как сопротивление царизму, полицейско-бюрократическому режиму.

Очередная экранизация народной легенды о борьбе крымскотатарского крестьянина против богачей принадлежит режиссеру Георгию Тасину, который снял фильм «Алим» / «Алим – крымский разбойник» (ВУФКУ, 1926). Сначала в картине показан протест рабочих кожевенного завода, затем – действие отряда повстанцев под руководством Алима. Из-за предательства Алима выследили и посадили в тюрьму, откуда он бежал и стал разбойником, совершая нападения на помещиков, мурз и чиновников. Через некоторое время Алима снова схватили, и он предстал перед судом, который вынес ему смертный приговор. На суде Алим произнес речь как идейный пролетарий, осознавший свою историческую миссию.

В целом характерные черты этих картин (динамичность действия, твердость характера главного героя, стремительность развивающихся на экране событий, опасные трюки, драки, скачки, погони, перестрелки) позволяют по аналогии с вестернами отнести их к истернам / остернам. Поскольку основой сценариев фильмов об Алиме были народные легенды, содержание кинолент не всегда совпадает с реальными историческими событиями.

В ходе герменевтического анализа медиатекстов удалось проследить эволюцию и трансформацию экранных образов Алима, сопоставить их с реальным прототипом. В дореволюционных и советских фильмах «Алим – крымский разбойник», «Песнь на камне», «Алим» образ Алима прошел череду изменений: разбойник – бунтарь – крестьянский вожак – руководитель стачки рабочих. В дореволюционных фильмах Алим – джигит-разбойник, а в советских кинокартинах он представлен народным вожаком, борцом за свободу, даже рабочим-революционером. В целом данные кинокартины способствовали воспроизводству, сохранению и трансляции исторической памяти об Алиме, народном герое крымских татар.

Заявление автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Концептуализация, проведение исследования и написание текста статьи — Дианова Е. В.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает наличие препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Автор данной работы выражает благодарность рецензентам за некоторые указания по улучшению текста работы.

Список литературы

Mitchell, W. J. T. (2002). Showing seeing: A critique of visual culture. *Journal of Visual Culture*, 1(2), 165–181. https://doi.org/10.1177/147041290200100202

«Алим». (1926). *Советский экран*, 16, 8.

«Алим». (1927). *Советский экран*, 1, 29.

Бекирова, Г. (2019). *Справедливый разбойник Алим*. Одноклассники. https://m.ok.ru/group/54435766730879/topic/69970338040703

Велиева, Э. А. (2021, август 31). День народного героя «Алим – Къырым йигити». *Исмаил Гаспринский адына къырымтатар джумхуриет кутюпханеси*. https://gasprinskylibrary.ru/qt/den-narodnogo-geroya-alim-kyrym-jigiti/

Вишневский, В. Е. (1945). *Художественные фильмы дореволюционной России: Фильмографическое описание*. Госкиноиздат.

Военный, И. (2016а, август 22). Сквозь время по следам человека-легенды. *Голос Крыма*. https://ana-yurt.com/qrt/skvoz-vremya-po-sledam-cheloveka-legendy

Военный, И. (2016b, сентябрь 2). Алим Айдамак—200 лет со дня рождения. *Голос Крыма*. http://goloskrimanew.ru/alim-aydamak-200-let-so-dnya-rozhdeniya.html

Волков, Е. В., & Пономарева, Е. В. (2012). Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки*, 10, 22–26.

Гусейнов, А. Ш. (2012). Феномен протестного поведения. *Южно-российский журнал социальных наук*, 2, 82–96.

Давыденко, В. (2014, апрель 1). *Чем советский истерн отличается от классического западного вестерна*. Российская газета. https://rg.ru/2014/03/30/eastern-site.html

Дианова, Е. В. (2024). Советские истерны / остерны 1920-х годов: Приключенческие фильмы о Кавказском фронтире России. *Журнал Фронтирных Исследований*, 9(3), 200–225. https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.630

Дубровин, Н. Ф. (1990). *История Крымской войны и обороны Севастополя*. 1-3 т. (Т. 1). Общественная польза.

Егоров, С. О. (2022). Кино, история, идеология: Возможные подходы к интерпретации кинотекста. *Исторический курьер*, 5, 11–20. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-1

Захаров, Д. В. (2023). Вестерн. В *Большая российская энциклопедия*. https://bigenc.ru/c/vestern-54bda8

Зорин, А. Н. (2020). «Мир Дикого Запада». От эволюции к революции вестерна. *Наука телевидения*, 16(3), 61–85. https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.3-61-85

Иванова, В., & Мыльникова, В. (2002). *Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России: 1908-1919*. Новое литературное обозрение.

Исрапилова, З. А. (2016). Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2, 70–73.

Карцева, Е. Н. (1976). *Вестерн. Эволюция жанра*. Искусство.

Качиони, С. А. (1917). *В дебрях Крыма*. Новое время.

Килесса, В. В. (1997). *Легенды и быль об Алиме – крымском Робин Гуде*. Крымское издательство.

Килесса, В. В. (2013). Алим – крымский Робин Гуд. *Крым*, 2, 152–156.

Кочеляева, Н. А. (Ред.). (2020). *История национальных кинематографий: Советский и постсоветский периоды*. Фонд «Мир».

Лаврентьев, С. А. (2009). *Красный вестерн*. Алгоритм.

Ландина, Л. В. (2023). Коммеморация как объект междисциплинарного знания. *Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств*, 1, 15–26.

Лапина-Кратасюк, Е. Г. (2011). Красное на белом: К вопросу о культурной специфике жанра «истерн». *Вопросы культурологии*, 5, 117–120.

Леонтьева, О. Б. (2011). *Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.* Книга.

Леонтьева, О. Б. (2015). «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке. *Диалог со временем*, 50, 59–96.

Мамчиц, Р. (2023, май 30). *Жизнь и удивительные приключения крымского Робин Гуда*. Военное обозрение. https://topwar.ru/217864-zhizn-i-udivitelnye-prikljuchenija-krymskogo-robin-guda.html

Мандельштам, О. Э. (1926). Татарские ковбои. *Советский экран*, 14, 4.

Мирославский, В. Н. (2005). *Кино в Украине, 1896-1921: Факты, фильмы, имена*. Торсинг.

Мур, Л. (1925). «Каменный Крым». *Советский экран*, 12, 9.

Мур, Л. (1926). «Песнь на камне». *Советский экран*, 11, 5.

Никулин, Л. (1926, март 23). «Песни и камни». *Кино. Еженедельная газета*.

Панратова, А. М. (Ред.). (1950). *Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов: Т. II. 1861–1884. Ч. 2. 1875–1884*. Госполитиздат.

Пасечников, И. А. (2015). Дело о крымском разбойнике Алиме Азамат-оглу в материалах царской жандармерии. *Черноморские чтения: материалы II Международной научной исторической конференции / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*, 66–71.

«Песнь на камне». (1926). *Жизнь искусства*, 13, 18.

Попов, Н. Е. (1895). *Алим – крымский разбойник: Роман*. Типография В. В. Комарова.

Репина, Л. П. (2016). События и образы прошлого в исторической и культурной памяти. *Новое прошлое*, 1, 82–99.

Романова, К. С. (2017). Дискурсы исторической памяти (продолжение). *Дискурс-Пи*, 1, 36–42.

Романовская, Е. В., & Фоменко, Н. Л. (2015). Идентичность и коммеморация. *Власть*, 7, 81–84.

Сеитягьяева, Т. Р. (2016). Архивные материалы, связанные с деятельностью алима азамат оглу в Крыму. *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры*, 3, 127–129.

Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: В 3 томах: Т. 1. Немые фильмы. (1918-1935). (1961). Искусство.

Соколов, И. В. (1926, апрель 6). Этнографическая фильма. *Еженедельная газета*.

Тасин, Г. Н. (Режиссер). (1926). *Алим / Алим – крымский разбойник* [Видеозапись]. Всеукраинское фотокиноуправление (ВУФКУ).

Усеинова, Г. (2015, январь 23). Алим Азамат-оглу – благородный защитник обездоленных. *Голос Крыма*. http://goloskrimanew.ru/alim-azamat-oglu-blagorodnyiy-zashhitnik-obezdolennyih.html

Фазыл, Р. Э. (Ред.). (2005). *Алим – крымский джигит: Рассказы, предания, воспоминания об Алиме*. Крымское учебно-педагогическое государственное издательство.

Федоров, А. В. (2012). *Анализ аудиовизуальных медиатекстов*. МОО «Информация для всех».

Херсонский, Х. Н. (1926). Хайри. *Советский экран*, 37, 14.

Шевляков, М. Г. (1912). Гордость Крыма (Разбойник Алим). *Исторический вестник*, 128, 539–545.

Шуб, М. Л. (2018). Феномен коммеморации: Опыт культурологического анализа практик публичного поминовения. *Обсерватория культуры*, 15(2), 161–169. https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169

References

"Alim". (1926). *Soviet Screen*, *16*, 8. (In Russian).

"Alim". (1927). *Soviet Screen*, *1*, 29. (In Russian).

"Song on Stone." (1926). *Life of Art*, *13*, 18. (In Russian).

Bekirova, G. (2019). *Alim, the Fair Robber*. OK. https://m.ok.ru/group/54435766730879/topic/69970338040703 (In Russian).

Davydenko, V. (2014, April 1). *How Soviet westerns differ from classic Westerns*. Rossiyskaya Gazeta. https://rg.ru/2014/03/30/eastern-site.html (In Russian).

Dianova, E. V. (2024). Soviet 'Easterns/Osterns' of the 1920s: Adventure Films on the Caucasian Frontier of Russia. *Journal of Frontier Studies*, 9(3), 200–225. https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.630 (In Russian).

Dubrovin, N. F. (1990). *History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol. Volumes 1–3.* (Vol. 1). Obschestvennaya polza. (In Russian).

Egorov, S. O. (2022). Cinema, History, Ideology: Possible Approaches to the Film Text Interpretation. *Historical Courier*, 5, 11–20. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-5-1 (In Russian).

Fazyl, R. E. (Ed.). (2005). *Alim – Crimean Dzhigit: Stories, Legends, Memories of Alim*. Crimean State Educational and Pedagogical Publishing House. (In Russian).

Fedorov, A. V. (2012). *Analysis of Audiovisual Media Texts*. MOO "Information for All". (In Russian).

Guseinov, A. Sh. (2012). The phenomenon of protest behavior. *South Russian Journal of Social Sciences*, 2, 82–96. (In Russian).

Israpilova, Z. A. (2016). Role of Commemorative Practices in the Process of Historical Memory Functioning and Developing. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2, 70–73. (In Russian).

Ivanova, V., & Mylnikova, V. (2002). *The Great Kinema: Catalog of Surviving Russian Feature Films: 1908-1919.* New Literary Review. (In Russian).

Kachioni, S. A. (1917). *In the wilderness of Crimea*. Novoe Vremya. (In Russian).

Kartseva, E. N. (1976). *Western. Evolution of the genre*. Iskusstvo. (In Russian).

Kherson, H. N. (1926). Khairi. *Soviet Screen*, *37*, 14. (In Russian).

Kilesa, V. V. (1997). *Legends and facts about Alim – Crimea's Robin Hood*. Crimean Publishing House. (In Russian).

Kilesa, V. V. (2013). Alim – Crimean Robin Hood. *Crimea*, *2*, 152–156.. (In Russian).

Kochelyaeva, N. A. (Ed.). (2020). *History of National Cinematography: Soviet and Post-Soviet Periods*. Mir Foundation. (In Russian).

Landina, L. V. (2023). Commemoration as an object of interdisciplinary knowledge. *Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts*, 1, 15–26. (In Russian).

Lapina-Kratasyuk, E. G. (2011). Red on White: On the Cultural Specificity of the "Eastern" Genre. *Questions of Cultural Studies*, 5, 117–120. (In Russian).

Lavrentiev, S. A. (2009). *Red Western*. Algorithm. (In Russian).

Leontieva, O. B. (2011). *Historical Memory and Images of the Past in Russian Culture of the 19th and Early 20th Centuries*. Book. (In Russian).

Leontieva, O. B. (2015). "Memorial Turn" in the Contemporary Russian Historical Studies. *Dialogue with Time*, 50, 59–96. (In Russian).

Mamchits, R. (2023, May 30). *The life and amazing adventures of Crimea's Robin Hood*. Military Review. https://topwar.ru/217864-zhizn-i-udivitelnye-prikljuchenija-krymskogo-robin-guda.html (In Russian).

Mandelstam, O. E. (1926). Tatar Cowboys. *Soviet Screen*, 14, 4. (In Russian).

Mislavsky, V. N. (2005). *Cinema in Ukraine, 1896-1921: Facts, films, names.* Torsing. (In Russian).

Mitchell, W. J. T. (2002). Showing seeing: A critique of visual culture. *Journal of Visual Culture*, 1(2), 165-181. https://doi.org/10.1177/147041290200100202

Moore, L. (1925). "Stone Crimea." *Soviet Screen*, 12, 9. (In Russian).

Moore, L. (1926). "Song on Stone." *Soviet Screen*, 11, 5. (In Russian).

Nikulin, L. (March 23, 1926). "Songs and Stones." *Kino. Weekly Newspaper.* (In Russian).

Panratova, A. M. (Ed.). (1950). *The Labor Movement in Russia in the 19th Century. Collection of Documents and Materials: Vol. II. 1861–1884. Part 2. 1875–1884.* Gospolitizdat. (In Russian).

Pasechnikov, I. A. (2015). The case of the Crimean bandit Alim Azamat-oglu in the materials of the tsarist gendarmerie. *Black Sea Readings: materials of the II International Scientific Historical Conference / Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky*, 66–71. (In Russian).

Popov, N. E. (1895). *Alim – Crimean Bandit: Novel*. V. V. Komarov Printing House. (In Russian).

Repina, L. P. (2016). Events and images of the past in historical and cultural memory. *New Past*, 1, 82-99. (In Russian).

Romanova, K. S. (2017). Discourses of Historical Memory (Continuation). *Discourse-P*, 1, 36–42. (In Russian).

Romanovskaya, E. V., & Fomenko, N. L. (2015). Identity and Commemoration. *Vlast'*, 7, 81–84. (In Russian).

Seityagyaeva, T. R. (2016). Archival materials related to the activities of Alim Azamat oglu in Crimea. *Issues of Crimean Tatar Philology, History, and Culture*, 3, 127–129. (In Russian).

Shevlyakov, M. G. (1912). The Pride of Crimea (The Robber Alim). *Historical Herald*, 128, 539–545. (In Russian).

Shub, M. L. (2018). Commemoration Phenomenon: An Experience of Culturological Analysis of Public Commemoration Practices (by the Example of Chelyabinsk Streets Naming). *Observatory of Culture*, 15(2), 161–169. https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169 (In Russian).

Sokolov, I. V. (1926, April 6). Ethnographic film. *Weekly newspaper*. (In Russian).

Soviet Feature Films. Annotated Catalog: In 3 volumes: Vol. 1. Silent Films. (1918-1935). (1961). Iskusstvo. (In Russian).

Tasin, G. N. (Director). (1926). *Alim / Alim – Crimean Bandit* [Video recording]. All-Ukrainian Photo-Cinema Administration. (In Russian).

Useinova, G. (January 23, 2015). Alim Azamat-oglu – a noble defender of the disadvantaged. *Voice of Crimea*. http://goloskrimanew.ru/alim-azamat-oglu-blagorodnyiy-zashhitnik-obezdolennyih.html (In Russian).

Velieva, E. A. (August 31, 2021). National Hero Day "Alim – Krym Yigiti". *Ismail Gasprinsky, Adyn Kyrym-tatar Jumhuriyet Kutuphanesi*. https://gasprinskylibrary.ru/qt/den-narodnogo-geroya-alim-kyrym-jigiti/ (In Russian).

Vishnevsky, V. E. (1945). *Feature films of pre-revolutionary Russia: Filmographic description*. Goskinoizdat. (In Russian).

Voenniy, I. (2016a, August 22). Through time in the footsteps of a legendary man. *Voice of Crimea*. https://ana-yurt.com/qrt/skvoz-vremya-po-sledam-cheloveka-legendy (In Russian).

Voenniy, I. (2016b, September 2). Alim Aidamak—200 years since his birth. *Voice of Crimea*. http://goloskrimanew.ru/alim-aydamak-200-let-so-dnya-rozhdeniya.html (In Russian).

Volkov, E. V., & Ponomareva, E. V. (2012). Fiction Film as a Historic Source for the Studying of Cultural Memory. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 10, 22–26. (In Russian).

Zakharov, D. V. (2023). Western. In *Great Russian Encyclopedia*. https://bigenc.ru/c/vestern-54bda8 (In Russian).

Zorin, A. N. (2020). Westworld: From Evolution to Revolution of the Western. *The Art and Science of Television*, 16(3), 61–85. https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.3-61-85 (In Russian).

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Media Literacy Skills | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.687

A Content Analysis of Mission and Vision Statements: Mapping the Strategic Focus of Nigerian Universities

Ben-Collins Emeka Ndinojuo[1], **& Otikor Njanubok Samuel**[2]

University of Port Harcourt. Port Harcourt, Nigeria

Received: 10 July 2025 | Revised: 17 August 2025 | Accepted: 29 September 2025

Abstract

Universities are regarded as citadels of learning in which education and research stand as the foundation of their activities. Among all these activities, universities prioritize being public-oriented, giving opportunities to those who cannot afford their services to participate in learning, research, and economic development. Nigerian universities have contributed to the development of the nation through the training of students who have graduated into important positions all over the world. One of the ways universities communicate their intentions and values is through mission and vision statements. This study attempts to understand how Nigerian universities prioritize their activities and future aspirations by analyzing the content of their vision and mission statements. Using content frames that investigate teaching and training, scientific research, and public interest, this study analyzes the mission and vision statements to understand the prevalent categories in Nigeria. The research was limited to federal universities in Nigeria. The results showed that the Northwest region had the highest number of federal universities (16) and the Southeast region the least (7). The findings revealed that most federal universities prioritized public interest in their mission statements (40.74%), while scientific research received the least attention (22.22%). In their vision statements, the focus was primarily on teaching and training (41.51%), with public interest receiving the lowest priority (26.42%) among federal universities. The study confirms that Nigerian universities, similar to their global counterparts, prioritize scientific research and teaching and training students. However, they should also focus on enhancing their public interest activities, as reflected in their mission and vision statements.

Keywords

Mission and Vision Statement; Mission Statement; Vision Statement; Education; Nigeria, Universities; Research; Public Service; Teaching and Training; Content Analysis

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: becoolholly[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0003-4163-7756
2 Email: otikor.samuel[at]uniport.edu.ng

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Медийная грамотность | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.687

Контент-анализ заявлений о миссии и видении: картирование стратегических приоритетов нигерийских университетов

Ндиноджуо Бен-Коллинз Эмека[1], **Самуэль Отикор Нджанубок**[2]

Университет Порт-Харкорта. Порт-Харкорт, Нигерия

Рукопись получена: 10 июля 2025 | Пересмотрена: 17 августа 2025 | Принята: 29 сентября 2025

Аннотация

Университеты традиционно рассматриваются как «цитадели знания», в деятельности которых образование и научные исследования выступают базовыми основаниями. Среди многообразия функций они также декларируют ориентацию на общественные потребности, предоставляя возможности участия в обучении, исследованиях и экономическом развитии тем группам населения, которые не могут в полной мере оплатить соответствующие услуги. Нигерийские университеты внесли существенный вклад в развитие страны, осуществляя подготовку специалистов, многие из которых впоследствии заняли значимые позиции в различных странах мира. Одним из ключевых инструментов, посредством которых университеты артикулируют свои намерения и ценностные установки, являются заявления о миссии и видении. Настоящее исследование направлено на выявление того, каким образом нигерийские университеты расставляют приоритеты в своей деятельности и формулируют представления о будущем, на основе контент-анализа их миссий и видений. Используя аналитические рамки, ориентированные на три аспекта — «преподавание и подготовка кадров» (Teaching-Training), «научные исследования» (Scientific Research) и «общественный интерес» (Public Interest), — авторы анализируют соответствующие тексты с целью определить доминирующие категории в нигерийском контексте. Эмпирическая база исследования ограничена федеральными университетами Нигерии. Полученные результаты показывают, что наибольшее число федеральных университетов сосредоточено в Северо-Западном регионе (16), тогда как наименьшее — в Юго-Восточном (7). Анализ миссий выявил, что большинство федеральных университетов в наибольшей степени акцентируют общественный интерес (40,74%), тогда как научным исследованиям уделяется наименьшее внимание (22,22%). В заявлениях о видении, напротив, преобладает фокус на преподавании и подготовке кадров (41,51%), а общественный интерес получает минимальный приоритет (26,42%) среди федеральных университетов. В целом исследование подтверждает, что нигерийские университеты, подобно университетам в других странах, выделяют в качестве приоритетов научные исследования, а также обучение и подготовку студентов. Вместе с тем им целесообразно усиливать общественно ориентированную компоненту деятельности, более последовательно отражая её в формулировках миссии и видения.

Ключевые слова

заявление о миссии и видении; заявление о миссии; заявление о видении; образование; Нигерия; университеты; научные исследования; общественное служение; преподавание и подготовка кадров; контент-анализ

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: becoolholly[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0003-4163-7756
2 Email: otikor.samuel[at]uniport.edu.ng

Introduction

Scholars envision universities as important actors in socio-economic development, mainly through the generation of skilled labor and research that responds to market and societal demands (Hailu, 2024; Vergani, 2024; Zaidan & Momani, 2024). Yet within this premise, responsibilities may include instituting new institutions, nurturing and moulding new cultural values, and educating and socializing members of newly emerging social elites, especially during periods of significant transformation. This was highly evident during the COVID-19 pandemic, when the world turned to universities and research institutions in the quest to find vaccines and cures to combat the virus (Ling, 2020; Ndinojuo, 2020). Historically, universities have been associated with social development and are acknowledged to fulfill three principal functions: education and training, research, and public service, usually encapsulated in their mission and vision statements (Abo-Khalil, 2024; Bamiro, 2024; Huang, 2024). The functions of universities extend to advocacy within educational, scholarly, and technological domains (Huang, 2024); their instructional practices are designed to develop managerial competencies and disseminate knowledge that facilitates personal and professional development (Enstroem & Schmaltz, 2024; Wang et al., 2024). The role of universities has implications for all sectors from both social and legal viewpoints. Their main role is to produce highly skilled individuals who use research findings to attain specified goals. Universities may also facilitate the creation of creative community groups, foster new societal ideals, and academically and culturally prepare people for a new socioeconomic future (Enstroem & Schmaltz, 2024; Wang et al., 2024). The establishment of mission and vision statements is a strategic action within the highly competitive environment of higher education institutions that precisely clarifies the objectives to be pursued in alignment with all major stakeholders, including students, faculty members, and donors (Kosmützky & Krücken, 2015; Kotler & Murphy, 1981).

Thus, these statements are among the most critical tools for strategic communication, being extremely market-oriented and thus also widely disseminated in higher education institutions beyond mere planning documents. Rather, they are primary media texts by which universities construct their public identity (Kosmützky & Krücken, 2015; Kuenssberg, 2011). This study also frames mission and vision statements within the purview of media studies and examin es them as objectified narrative artifacts from university websites that are intended to enhance public perception. The texts are situated as the foundational promise for a university's brand impact, geared towards platform logic (van Dijck et al., 2018), where visibility, distinctiveness, and legitimacy are paramount. They also function as instruments of media strategy and digital identity, gaining their fullest expression through publication on institutional websites and in official documents. Therefore, this study can be understood as an examination of how Nigerian federal universities

negotiate their role and image in the public space of citizenship from within multiple sites in the national and international academic environments.

Universities have traditionally functioned as educational institutions that conduct scientific research, address national concerns, cultivate qualified professionals in critical fields, and significantly contribute to the advancement of democratic principles and independent thinking. In this view, universities are considered institutions that lead efforts for social reform. Universities, as they transform society, are at the forefront of change since they are required to be agents of transformation (Gasset, 1998; Karakütük, 2006; Kavak, 1990; Sönmez, 2003; Türel, 2004). Gürüz et al. (1994) propose categorizing the functions of contemporary universities into teaching, original scientific research, community service, and the development of a skilled workforce. Alternatively, they argue that we might categorize universities based on their societal functions, such as research institutions or mass instruction providers. Mission and vision statements are strategic documents that articulate an institution's core purpose and aspirational future direction (Cowley & Domb, 2012; Dinçer, 2006). They emphasize the image the institution aims to cultivate, predicated on its societal role via partnerships with the sector. Etzkowitz and Leydesdorff (2000) emphasize the important role of university-industry collaboration in fostering innovation and knowledge exchange, which is crucial for socioeconomic development. The study primarily examines the mission and vision statements of Nigerian federal universities to ascertain their prioritization of educational and research initiatives in conjunction with public-oriented agendas. The objective of this research is to conduct a content analysis of such statements and to determine the dominant themes and modalities of relationship within teaching and training, scientific research, and public interest in terms of how these institutions frame their strategies vis-à-vis their priorities and possible aspirations.

Many Nigerian federal universities operate under extraordinarily difficult circumstances. It is at least one of the most important determining factors of an institution's strategic priorities. Two critical constraints shape these institutions: the massification pressure propelling exponentially increasing student populations on one hand, and chronic underfunding on the other, thereby creating tension between the pursuit of excellence in research and teaching mandates (Gambo & Fasanmi, 2019; Wahab, 2022). An additional pressure on research capacity facing institutions is the acute and continuous "brain drain." Competent academic personnel are drawn away by the promise of greener pastures far removed from where such personnel would be most useful in the production of knowledge (Ajoseh et al., 2024; Akinwale et al., 2023). The local conditions that determine this operating environment are characterized by severe local challenges such as poverty, insufficient infrastructure, and security problems (Fagbemi et al., 2022; Ndinojuo, 2024). In that environment, certain fundamental questions arise with respect to how universities view and implement their roles in the "public good," as opposed to universities in the Global North. Added to such catastrophes are tremendous

policy pressures from national regulatory bodies like the National Universities Commission (NUC), which wield vast power over the institutional agenda. The study thus posits that the mission and vision statements of these universities cannot be generic but must instead be strategic statements directing how institutions conduct themselves in relation to their contexts, which are marked by severe constraints and high social demand. The discourse of this paper is that an analysis of such statements can bring to the fore negotiated priorities and inherent tensions that Nigerian federal universities contend with in defining their roles between global academic models and immediate local imperatives.

The originality of this study rests in its attempt to go beyond mere generic categorization and interrogate how the mission and vision statements of Nigerian federal universities reflect a strategic negotiation between the idealized tripartite mission of universities (viz. teaching, research, and service) and the stark realities of the Nigerian socio-economic and educational landscape. It details the contradictions in how they frame their public service versus knowledge generation roles. The study distinctly highlights inconsistencies between mission and vision statements with regard to prioritizing public interest versus scientific research, offering a clearer appreciation of strategic communication in Nigerian higher education. The study has three key objectives:

1) To examine if Nigerian universities have mission and vision statements.
2) To categorize the mission and vision statements of Nigerian universities in connection with teaching and training, scientific research, and public interest.
3) To determine if there is a statistically significant difference in how Nigerian federal universities prioritize teaching and training, scientific research, and public interest in their mission statements as compared with their vision statements.

Mission and Vision Statements in Universities

The mission and vision statements of educational institutions have long been considered both sacrosanct and strategic to planning, research, and development in the fields of study covered by the institutions (Kotler & Murphy, 1981; Cortés Sanchez, 2018). Cochran and David (1986) conducted some of the earliest studies to understand the content of mission and vision statements as well as their effect on corporate communication in schools. Other scholars added their voices to the growing field: Orwig and Finney (2007) evaluated the mission and vision statements of various types of academic units, such as AACSB-accredited business schools; Fitzgerald and Cunningham (2016) investigated technology transfer offices; while Wedrich et al. (2012) surveyed ophthalmology departments.

The purpose of mission statements is to guide the process of strategic planning and positioning an institution to make it stand out from others. The mission

statement describes what the organization aspires to be and who it serves. Mission statements describe an organization's purpose and strive to unite disparate components of the organization behind a common agenda, give strategic orientation to the organization, and ensure that resources are employed within this framework (Erkan, 2008). According to DPT's (State Planning Organization) (2006) Guide for Preparing a Strategic Plan, mission statements must include the rationale for an organization's existence, whom the organization serves, the field in which it works, the needs it addresses, and the legal requirements of the organization (DPT, 2006). Mission statements should be concise, precise, and passionate. They should explain the organization's goal, identify the persons and organizations served, indicate the organization's scope of operation, specify the needs met by the organization, and express the organization's legal obligations (DPT, 2006; Erçetin, 2000; Özdem, 2011).

Vision is the institution's forward-looking view of the future. It represents a clear understanding of actual and future positions. It suggests a purpose for an institution, having influence on all aspects of institutional life, and is more recently recognized as a vital element of strategic management for today's society. Dinçer (2006) defines a vision as an institution's desire and habit of behavior. A vision is the result of a rational and logical mind's search for solutions to create an ideal future. The vision of an institution should be pragmatic, cost-effective, technologically based, ambitious, and managerial, taking into account possible social challenges and being founded on its capacity and resources (Mazzucato, 2018). While developing their ideas, institutions should not follow a fanciful goal or dream. A strategic vision should push the institution to design its actions and provide energy for its plan (Thompson & Strickland, 1999). According to Thompson and Strickland (1999), the best vision statements are those that provide clear guidance for the institution's operational orientation. A vision statement, according to Cowley and Domb (2012), provides inspiration and authority to everyone working in the company. In summary, a vision statement is a mechanism for a business to reflect on its future and foresee its goals, transforming it into a brand promise. Furthermore, Kotter (2012) defined vision as an organization's prognosis of its future position, and a vision statement as an open or implicit articulation of the reasons for pursuing such a future to the members of that institution.

A university's mission and vision statement delineate its objectives and serve as a framework for all personnel associated with the institution of higher learning. A mission and vision statement establish the significant objectives to be achieved by the university's management. The mission and vision articulate the institution's purpose and clarify its intended course of action for staff members and various stakeholders. It is the ultimate expression of the institution's commitment to itself and to its publics. The need for a vision and mission statement to be reviewed during the process of accreditation just underscores how significant they are. In most cases, these are evaluated at the beginning of the evaluation, along with

the policies, procedures, and guidelines implemented in the institution, because they are the fundamental first step in the governance and administration of the institution itself. Although universities' mission statements and visions often compartmentalize the role of the university under the categories of teaching, research, and service, a substantial literature argues that this really needs to be seen as an interconnected whole, particularly with reference to the deep commitment to the community.

This notion, sometimes referred to as the "scholarship of engagement" (Assié-Lumumba, 2017; Boyer, 1996), posits that teaching and research are not opposed to public service; rather, they are the foremost instruments of public service. Community engaged learning pedagogies embed service into the curriculum, thus converting teaching into an immediate public good (Bringle & Hatcher, 1995; Tijsma et al., 2023). Applied and action research, along similar lines, attend to local problems, thus making research a primary means for community development (Checkoway & Richards-Schuster, 2004; Ozer et al., 2010). Thus, the present study employs a categorical framework strictly for analytical expediency, with the awareness that ideally, these domains should be acting synergistically, though in much of the literature, they are viewed as separate. The present analysis seeks to explore how Nigerian universities rhetorically frame these priorities within a particular national context in which resource limitations may impinge upon the effective operationalization of such integration.

Velcoff and Ferrari (2006) surveyed 35 management staff at universities to ascertain how their universities' mission statements aligned with university operations. They discovered a link between mission statements and university activity. Morphew and Hartley (2006) did a comparative analysis of the mission and vision statements of public and private institutions. They found that few elements appear more frequently than others and that there was a predominance of components that were explicitly tied to service delivery. According to Atkinson (2008), universities' mission and vision statements function as cultural-cognitive indicators, or conceptual identifiers of social unity, shared views, and human cooperation. While Adams and Zanzi (2006) see other goals, including technical infrastructure and national development, as the basis for research progression, Paul and Elder (2008) underline the need for critical thinking for scientific growth. According to the findings of research conducted by James and Huisman (2009), the mission statements of institutions of higher learning were not compatible with regional strategies and were not in line with market goals. Özdem (2011) investigated the mission and vision statements of public universities in Turkey and discovered that the most common mission statement centered on the education of a skilled workforce, whilst the vision statements most frequently focused on the research role.

Firmin and Gilson (2009) examined 107 university/college mission statements and discovered that the most prevalent subjects were educational concerns, reli-

gion, culture, lifestyle, and institutional identity, and confirmed that universities expressed their reason for existing through mission statements. Kosmützky and Krücken (2015) restate that mission and vision statements enable universities to position themselves in specific niches and competing contexts with institutions offering similar functions. As a result, are these cultural-cognitive factors present in different institutions? Are universities, on the other hand, utilizing their mission and vision statements to distinguish themselves from other similar institutions? Conversely, this drive for niche positioning can result in homogenization. Kuenssberg (2011) contends that many statements project a generic image of similarity and overlook critical institutional specificities.

Through the examination of vision and mission statements, Olusola and colleagues critically appraised strategic intention with reference to the top ten universities in Nigeria ranked by Times Higher Education in Olusola et al. (2022). They found that vision statements tended to focus on global influence with an emphasis on research, while mission statements were usually longer than vision statements and provided more information about the universities' purposes and goals. Their research provides insight into how leading African universities position themselves strategically and communicate their long-term objectives through their vision and mission statements. Asiru and Oludare (2015) discussed the rhetorical and stylistic features of vision and mission statements from selected universities in Northwest Nigeria. Their study aimed to understand how these features impact the perception, acceptance, and patronage of the Northwest institutions locally and internationally. The study employs a combined approach of linguistics and literary studies, utilizing a relevance-theoretical framework to analyze rhetoric and style in the collected data; the statements were found to include many rhetorical devices: compounding, heading up, backgrounding, and phrases, with a purposeful deployment of these devices to promote the institutions and gain patronage domestically and internationally. Rhetorical and stylistic features are of fundamental importance in shaping the perception of and attraction toward higher education institutions as expressed in their vision and mission statements.

Bakare (2021) delves into the relevance of mission and vision statements to Nigerian universities and their impact on the future of higher education. The researcher argued that vision and mission statements would serve as essential strategic planning tools for organizations because they articulate their purpose and long-term objectives. These declarations guide and focus on the activities and development of universities. The study, therefore, identifies the problems confronting Nigerian universities in the 21st century with respect to how appropriately framed mission and vision statements could assist institutions in negotiating some of these complexities. For instance, in analyzing a study involving several Nigerian universities, the research stresses that Nigerian universities must evolve clear, concise, and inspiring vision and mission statements appropriate for the demands of the 21st century, with these serving as a guiding path

for strategic planning, resource allocation, and decision-making processes within the institutions.

Idowu-Faith (2023) offers an exposition of what are described as linguistic and stylistic features found in first-generation private universities in Nigeria. Such examination was done using Systemic Functional Linguistics as a theoretical framework with which to profile the peculiarities of language in the vision and mission statements of Nigeria's first-generation private universities. The scope of analysis was wide, including lexical choices, grammatical structures, rhetorical devices, and thematic organization. This research contributes to understanding how language is strategically used by the selected private universities to position themselves and communicate their unique identities. The study findings reveal that the configuration of linguistic resources in these vision and mission statements revolves around five main themes: high self-ranking, which suggests that the universities use language that positions them as top-tier institutions. They likely employ words and phrases that emphasize their excellence, leadership, and superiority in the field of education; a commitment to quality research indicates that these universities prioritize and highlight their commitment to producing high-quality research outputs; teaching and learning, which reflects the institutions' emphasis on their core educational mission.

Most likely, language indicates commitment to quality education and conducive learning environments; community service indicates that such universities regard their role as extending beyond their campuses; with many of these universities being religious-affiliated, the emphasis on spiritual development in their vision and mission statements is therefore highly pronounced, with this theme signifying the institutions' construed commitment to developing students not only intellectually, but also spiritually. Notably, the study results indicate that these universities carefully elaborate their vision and mission statements in order to portray a clear image beyond excellence in academics, research, and community service by also including spiritual growth, reflecting the important nature of this role played by the universities in Nigeria. As Bakare (2021) spoke about how statements are implicated in the 21st-century challenges, and Idowu-Faith (2023) analyzed linguistic features in the universities of private studies, this research, for the first time, directs attention to a comprehensive and comparative analysis of the content based on the priorities of the federal institutions themselves, the very backbone of national higher education policy.

Mission and Vision Statements as Mediated Communication

Mission and vision statements belong to an important subset of institutional documents that serve a managerial and administrative purpose. In relation to global competitiveness, these statements enable universities to manage their own reputations and expectations (Kraaijenbrink, 2021; Sakellarios & Gann, 2024). This perspective takes its cue from theories of “mediatization” (Hjarvard, 2013; Jansson, 2018; Kermanshahi et al., 2024), according to which media logic increasingly shapes how

institutions communicate with one another and what they have to say about each other. The presentation of these statements on university websites further supports them in different ways, while also affording and constraining what can be said, how it can be said, and whether it is presented as HTML text or embedded in a PDF brochure.

The linguistic features of these statements have also been analyzed, and existing studies have established their rhetorical character, while showing that their intent is largely persuasive. Asiru and Oludare (2015), for instance, reported the use of rhetorical devices in the statements of Nigerian universities in terms of "promoting the institutions and gaining patronage." Idowu-Faith (2023) further showed how private universities used language to position their institutions as elite. The present study extends this line of inquiry by moving from what is prioritized in these statements to how such priorities are rhetorically constructed for key audiences—prospective students, government agencies, international partners, and the public. The current study builds on this foundation by content analyzing such prevalent themes and, thus, providing the quantitative groundwork for deeper future discursive and platform-specific analysis of how Nigerian federal universities' strategic narratives are mediatized.

Methodology

The research used a content analysis methodology to investigate the mission and vision statements obtained from the websites of Nigerian universities. This study was limited to all the federal universities in Nigeria as listed by the Nigerian Universities Commission (NUC), the agency tasked with regulating the operations of universities in Nigeria. Federal universities are those under the regulation and supervision of the Federal Government of Nigeria through the Ministry of Education and other federal agencies like the NUC. Other types of universities in Nigeria are state universities, those controlled by state governments, and private universities, those owned by private individuals and religious institutions. The study adopted a census design that included all the federal universities in Nigeria for the content analysis. Data about the number of federal universities in Nigeria were collected from the NUC website between January 2024 and August 2024.

The unit of analysis for this study was the full text of each university's official mission and/or vision statement as published on its website. Where statements were combined (e.g., FULAFIA, MAUTECH, NAU), the entire text was analyzed. Data were collected between January 2024 and August 2024. For universities with missing statements, three separate attempts were made to access the website over this period before classifying them as unavailable. Photographs, audio and video recordings, reports, press releases, and other forms of communication on the universities' websites were ignored. Semantic content analysis was used to analyze the mission and vision statements. The universities' official websites were searched for mission and vision statements.

The analysis followed a directed content analysis approach (Hsieh & Shannon, 2005), using the pre-defined framework of Gözükara (2015), which categorizes university roles into: (1) teaching-training, (2) scientific research, and (3) public interest. A preliminary codebook was developed (see Table 8) with operational definitions and key indicator terms for each category. For example, statements were coded as "teaching-training" if they contained terms related to pedagogy, curriculum, knowledge transmission, student development, or skilled human capital (e.g., "provide quality education," "train leaders," "develop skilled graduates"). Statements were coded as "scientific research" if they emphasized discovery, innovation, knowledge production, or publication (e.g., "advance knowledge through research," "foster innovation," "contribute to scientific discovery"). Statements were coded as "public interest" if they highlighted community service, societal development, addressing national challenges, or engagement (e.g., "serve the community," "solve societal problems," "contribute to national development"). Crucially, each statement was allowed to be coded for multiple categories if its content addressed more than one core function.

The primary categorization for Table 3 was assigned based on the dominant theme of the statement. A detailed codebook with operational definitions and example phrases was developed to ensure consistent application of the three core categories (see Table 8). The quantity of messages in each sub-category represented by the universities in their mission and vision statements was calculated and shown in both frequency and percentage.

Statements were multi-coded to account for the full semantic content; however, for purposes of summary classification in Table 3 and the subsequent chi-square test, each statement was attributed in condensed form to a single dominant theme according to the major point of emphasis in its rhetoric. This condensation necessarily simplifies data that are inherently multilinear and multifaceted. A sensitivity analysis or multi-dimensional scaling could be a valuable focus for future research to account for this complexity.

A representative selection of statements from the data, consisting of 20% of the data set (n = 11), underwent co-coding by another trained researcher applying the codebook independently. Intercoder reliability was calculated using Cohen's Kappa (κ), which accounts for agreement by chance. The resulting Kappa score of $\kappa = 0.81$ indicates a high level of agreement according to Landis and Koch's (1977) benchmark. Examining further, the category reliability scores were also strong (teaching-training $\kappa = 0.85$; scientific research $\kappa = 0.78$; and public interest $\kappa = 0.80$). Any discrepancies in coding were discussed and resolved by the two researchers, leading to a refinement of the codebook definitions before proceeding with the full analysis.

To assess the robustness of our dominant theme classification, we conducted a sensitivity analysis comparing the condensed classification (single dominant theme per statement) against the full multi-coded data. When considering all

present themes rather than just the dominant one, the relative emphasis shifts: public interest appears in 78% of mission statements (vs. 40.74% as dominant), teaching-training in 72% (vs. 38.89%), and scientific research in 56% (vs. 20.37%). This pattern confirms that while Nigerian universities frequently mention all three functions, they strategically emphasize one as primary in their rhetorical framing. The dominant theme approach therefore captures intentional prioritization rather than mere presence, strengthening our interpretation of strategic emphasis.

After the first classification, the textual data within each of the three major categories underwent a thematic analysis to establish finer sub-themes. The process included an iterative reading and re-reading of the statements in search of recurrent phrases and concepts. From this close reading, along with a fine-grained understanding of the specific emphases within each broad functional category, the sub-categories presented in Tables 5, 6, and 7 (e.g., "international standard education," "contribution to national development") were derived inductively.

We conducted a focused interface audit of mission/vision statement presentation across a diverse subset of six Nigerian federal university websites (UI - South West, UNIMAID - North East, FUTO – South East, FUTMINNA – North Central, FUPRE – South South, NDA – Specialized Military), selected to represent variation in geographical zone, institution type, and technological sophistication. The parameters investigated were the format (HTML vs. PDF), metadata/completeness, and navigational accessibility.

Finally, a chi-square test for independence was conducted using SPSS v26 to test whether the distribution of classification categories significantly differs between mission and vision statements of Nigerian federal universities. This analysis examined the association between statement type (mission vs. vision) and their dominant alignment categories (teaching-training, scientific research, and public interest). This was supplemented by a multinomial logistic regression analysis to understand the relationship between the universities' dominant mission-vision alignment category (dependent variable) and their institutional characteristics (independent variables): founding year, geopolitical zone, and university type. For the analysis, university type was classified as follows: Regular, Specialized Technology, Specialized Education, Specialized Profession, and Specialized Military. Geopolitical zones were classified as follows: North Central, North East, North West, South East, South South, and South West. Founding year was categorized as follows: old: <1980; middle: 1980–1999; new: ≥2000. The multinomial logistic regression used teaching-training as the reference category for the dependent variable, with regular universities, the North Central region, and the old founding era serving as reference categories for the independent variables. Statistical significance was set at $p < 0.05$, and analyses were conducted using SPSS v26.

Results and Discussion

A preliminary investigation was conducted on the website of the Nigerian Universities Commission (NUC[1]) to extract the list of federal universities in Nigeria. The findings showed that there were 62 federal universities across the six geopolitical zones in Nigeria. The North West geopolitical zone had the highest number of universities, with 16 (25.81%), while the South East had the fewest, with 7 (11.29%) universities. A summary of the distribution of universities across the zones is provided in Table 1.

Table 1. Federal universities in Nigeria by geopolitical zones

S/No.	North			South		
	North Central	North East	North West	South East	South South	South West
1	FUTMINNA	FUGASHUA	FUD	FUTO	UNIPORT	FUTA
2	FULAFIA	ATBU	FUDUTSINMA	FUNAI	FUPRE	FUOYE
3	FULOKOJA	FUWUKARI	ABU	NAU	FU TUOKE	UI
4	UNIJOS	NAUB	BUK	MOUAU	UNICAL	OAU
5	UNILORIN	UNIMAID	FU GUSAU	UNN	UNIBEN	FUNAAB
6	NOUN	MAUTECH	AFIT	KDUMS	UNIUYO	UNILAG
7	FUAM	FUK	NDA	ALVAN	FUTIA	FUHSI
8	UNIABUJA	FUHSA	FUBK		NMU	AFUE
9	FUHSO	FUAM	UDUSOK		ADUN	
10	NAUST		NPA WUDIL		FUABB	
11	AAAU		FUTD		FUHSK	
12			FUEK			
13			FUTB			
15			FUHSK			
15			FUEZ			
16			FUAZ			

Note: The full names of the universities are provided in Table 2

The first research question about the federal universities in Nigeria that have **a** mission and/or vision statement is presented in Table 2. The results show that 55 (88.71%) of the 62 universities had a vision and/or mission statement. The 7 (11.29%) universities without mission and/or vision statements include the following: Federal University of Technology, Babura, Jigawa State (FUTB) (North West), for

1 See https://www.nuc.edu.ng/nigerian-univerisities/federal-univeristies/

which the webpages for the vision[1] and mission[2] statements were blank; no website was found for Federal University of Agriculture, Bassam-Biri, Bayelsa (FUABB) (South South), Federal University of Health Sciences, Kwale, Delta State (FUHSK) (South South), Federal University of Health Sciences, Katsina (FUHSK) (North West), Federal University of Agriculture, Mubi (FUAM) (North Central), and Federal University of Education, Zaria, Kaduna State (FUEZ) (North West); while for Federal University of Agriculture, Zuru, Kebbi State (FUAZ[3]) (North West), the webpage was not accessible during the period of data collection and analysis in June 2024.

Table 2. Universities and websites showing mission and vision statements

S/No	Universities	Web Link to M&V
1	Federal University of Technology, Minna (FUTMINNA)	https://www.futminna.edu.ng/
2	Federal University Lafia (FULAFIA)	https://www.fulafia.edu.ng/
3	Federal University Lokoja (FULOKOJA)	https://www.fulokoja.edu.ng/our-vision.php https://www.fulokoja.edu.ng/our-mission.php
4	University of Jos (UNIJOS)	https://www.unijos.edu.ng/vision-and-mission
5	University of Illorin (UNILORIN)	http://www.unilorin.edu.ng/index.php/187-general-information/history/363-vision-statement https://www.unilorin.edu.ng/index.php/registry/187-history/362-mission-statement
6	National Open University of Nigeria (NOUN) Abuja	https://www.nou.edu.ng/page/nouns-philosophy
7	Federal University Agriculture Markudi (FUAM)	https://uam.edu.ng/about-us/
8	University of Abuja (UNIABUJA)	https://www.uniabuja.edu.ng/aboutus#our-vision-head
9	University of Port Harcourt (UNIPORT)	https://www.uniport.edu.ng/2015-06-06-18-33-35/about-us.html
10	Federal University of Petroleum Resources, Effurun(FUPRE)	https://fupre.edu.ng/mission-vision/
11	Federal University, Otuoke (FUOTUKE)	https://fuotuoke.edu.ng/about-us/vision-university https://fuotuoke.edu.ng/about-us/mission-university
12	University of Calabar (UNICAL)	https://www.unical.edu.ng/about-mission
13	University of Benin (UNIBEN)	https://uniben.edu/about-us.html
14	University of Uyo (UNIUYO)	https://uniuyo.edu.ng/home/mission-vision/
15	Nigeria Maritime University (NMU)	https://www.nmu.edu.ng/about-us/
16	Federal University Gashua, Yobe state (FUGASHUA)	https://fugashua.edu.ng/
17	Abubakar Tafawa Balewa University (ATBU) Bauchi	https://www.atbu.edu.ng/Mission-and-Vision

1 See https://futb.edu.ng/vision/
2 See https://futb.edu.ng/mission
3 See https://www.fuaz.edu.ng/

18	Federal University Wukari, (FUWUKARI) Taraba	https://www.fuwukari.edu.ng/about#nav-mission
19	Nigeria Army University Biu (NAUB)	https://naub.edu.ng/
20	University of Maiduguri (UNIMAID)	https://www.unimaid.edu.ng/about.html
21	Modibbo Adama University of Technology, (MAUTECH) Yola	https://nigerianscholars.com/school-news/mautech-20142015-1st-batch-diploma-admission-list/
22	Federal University, Kushere, Gombe State (FUK)	https://fukashere.edu.ng/web/about-us/
23	Federal University of Technology Owerri (FUTO)	https://futo.edu.ng/fast-facts/
24	Alex Ekwueme Federal University Ndufu-Alike (FUNAI)	https://www.funai.edu.ng/about-us/
25	Nnamdi Azikiwe University (NAU)	https://unizik.edu.ng/about/vision-and-mission/
26	Michael Okpara University of Agriculture, Umudike (MOUAU)	https://mouau.edu.ng/about/vision-mission
27	University of Nigeria, Nsukka (UNN)	https://www.unn.edu.ng/vision-and-mission-statement/
28	Federal University of Dutse, Jigawa (FUD)	https://www.fud.edu.ng/
29	Federal University of Dutsinma (FUDUTSINMA)	https://www.fudutsinma.edu.ng/about-the-university/
30	Ahmadu Bello University, Zaria (ABU)	https://www.abu.edu.ng/
31	Bayero University Kano (BUK)	https://buk.edu.ng/?q=vision
32	Federal University Gusau, Zamfara (FUG)	https://www.fugusau.edu.ng/about
33	Airforce Institute of Technology, Kaduna (AFIT)	https://afit.edu.ng/main/about-us2/mission-and-vission/
34	Nigerian Defence Academy, Kaduna (NDA)	https://www.nda.edu.ng/#pages/group/About/26/view
35	Federal University Birnin Kebbi (FUBK)	https://www.fubk.edu.ng/visionmission.php
36	Usumanu Danfodio University, Sokoto (UDUSOK)	http://www.udusok.edu.ng/home/mission_vision.html
37	Nigeria Police Academy, Wudil, Kano State (NPA WUDIL)	https://www.polac.edu.ng/
38	Federal University of Technology Akure (FUTA)	https://www.futa.edu.ng/
39	Federal University Oye-Ekiti (FUOYE)	http://fuoye.edu.ng/en/about-fuoye/vision-and-value
40	University of Ibadan (UI)	http://www.ui.edu.ng/content/vision-and-mission
41	Obafemi Awolowo University (OAU), Ife	https://oauife.edu.ng/about-oau/vission-mission
42	Federal University of Agriculture, Abeokuta (FUNAAB)	https://unaab.edu.ng/vision-and-mission
43	University of Lagos (UNILAG)	https://unilag.edu.ng/?page_id=7
44	Federal University of Health Sciences Otukpo (FUHSO)	https://www.fuhso.edu.ng/about-fuhso.html
45	Federal University of Technology Ikot Abasi (FUTIA)	https://futia.teneceschoolsupport.com/about-

		us/
46	Federal University of Health Sciences, Azare (FUHSA)	https://fuhsa.edu.ng/about/
47	Federal University of Health Sciences, Ila Orangun (FUHSI)	https://fuhsi.edu.ng/
48	David Nweze Umahi Federal University of Medical Sciences (KDUMS)	https://kdums.edu.ng/vision.aspx
49	Admiralty University Ibusa (ADUN)	https://adun.edu.ng/overview/#:~:text=To%20advance%20the%20frontiers%20of
50	Federal University of Transportation Daura (FUTD)	https://www.futd.edu.ng/about-us/
51	National University of Science and Technology, Abuja (NAUST)	https://www.aust.edu.ng/about-us
52	The African Aviation & Aerospace University (AAAU)	https://aaau.edu.ng/#:~:text=The%20mission%20of%20the%20African
53	Alvan Ikoku Federal University of Education, Owerri (ALVAN))	https://www.alvanikoku.edu.ng/vision-and-mission/
54	Federal University of Education, Kano (FUEK)	https://fcekano.edu.ng/about/
55	Adeyemi Federal University of Education, Ondo (AFUED)	https://afued.edu.ng/facts.php
*M = Mission statement, V = Vision statement		

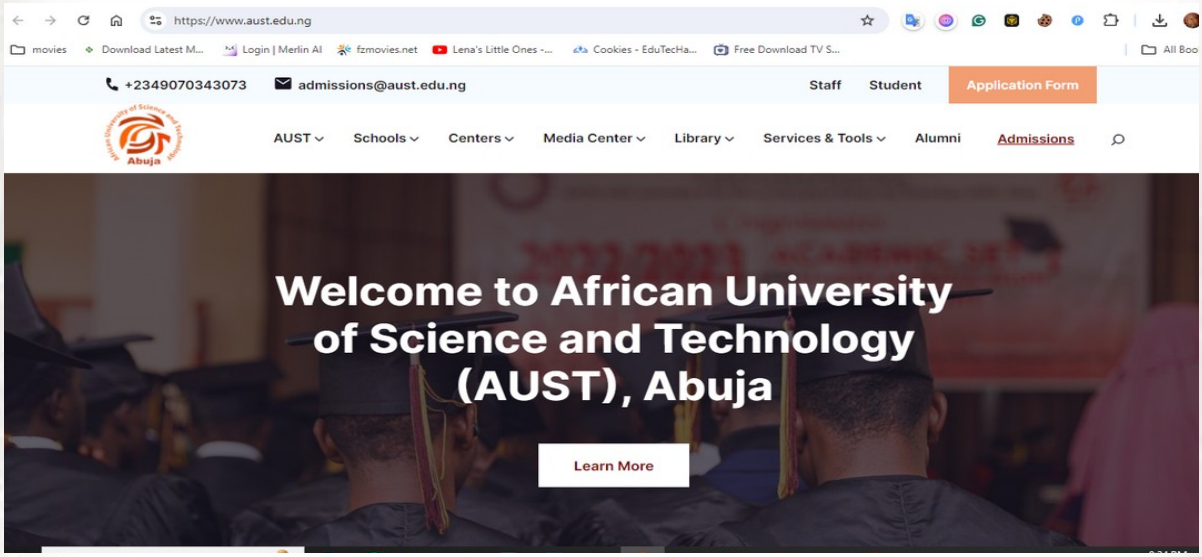

Figure 1. Screen Grab of NAUST homepage showing its old name (August 15, 2024)

The researchers observed that 52 of the 55 universities had both mission and vision statements. Three universities were the exceptions; two universities, ADUN and NAUST (3.23%), had only mission statements, while ABU Zaria (1.61%) had only a vision statement. It is pertinent to note that NAUST, formerly known as the African University of Science and Technology (AUST) (NUC, 2023), still displays the old name on its website without mention of the current name. Unlike most universities, NAUST does not have a separate heading for mission

statement. Instead, the mission statement is included as part of the "About Us" section. A screenshot of the NAUST website as of August 15, 2024, is shown in Figure 1. Three universities (4.84%) presented their mission and vision statements in combined form without using separate headings; they are FULAFIA, MAUTECH, and NAU. An analysis of a combined statement, such as that of the Federal University Lafia (FULAFIA), reveals how these priorities are rhetorically woven together. The text integrates a commitment to "providing quality education" (teaching-training) with the goal of being "a centre of advanced research and technological development" (scientific research), demonstrating the potential for these statements to present an integrated, rather than segmented, institutional identity.

The second research question addressed the classification of the universities based on the content analysis of their mission and vision statements as teaching-training, scientific research, or public interest universities. The result is presented in Table 3.

Table 3. Classification of the universities based on Teaching-Training, Scientific Research, and Public Interest

S/No	Universities	Teaching-Training		Scientific Research		Public Interest	
		M	V	M	V	M	V
1	Federal University of Technology, Minna (FUTMINNA)	X	X				
2	Federal University Lafia (FULAFIA)	X			X		
3	Federal University Lokoja (FULOKOJA)	X					X
4	University of Jos (UNIJOS)		X			X	
5	University of Illorin (UNILORIN)	X			X		
6	National Open University of Nigeria (NOUN) Abuja	X	X				
7	Federal University Agriculture Markudi (FUAM)	X	X				
8	University of Abuja (UNIABUJA)		X			X	
9	University of Port Harcourt (UNIPORT)	X	X				
10	Federal University of Petroleum Resources, Effurun(FUPRE)				X	X	
11	Federal University, Otuoke (FUOTUKE)					X	X
12	University of Calabar (UNICAL)	X			X		
13	University of Benin (UNIBEN)					X	X
14	University of Uyo (UNIUYO)		X			X	
15	Nigeria Maritime University (NMU)	X					X
16	Federal University Gashua, Yobe state	X	X				

	(FUGASHUA)						
17	Abubakar Tafawa Balewa University (ATBU) Bauchi				X	X	
18	Federal University Wukari, (FUWUKARI) Taraba		X			X	
19	Nigeria Army University Biu (NAUB)			X	X		
20	University of Maiduguri (UNIMAID)					X	X
21	Modibbo Adama University of Technology, (MAUTECH) Yola			X	X		
22	Federal University, Kushere, Gombe State (FUK)					X	X
23	Federal University of Technology Owerri (FUTO)			X	X		
24	Alex Ekwueme Federal University Ndufu-Alike (FUNAI)		X			X	
25	Nnamdi Azikiwe University (NAU)	X					X
26	Michael Okpara University of Agriculture, Umudike (MOUAU)	X					X
27	University of Nigeria, Nsukka (UNN)	X			X		
28	Federal University of Dutse, Jigawa (FUD)	X	X				
29	Federal University of Dutsinma (FUDUTSINMA)				X	X	
30	Ahmadu Bello University, Zaria (ABU)		X				
31	Bayero University Kano (BUK)			X	X		
32	Federal University Gusau, Zamfara (FUG)		X			X	
33	Airforce Institute of Technology, Kaduna (AFIT)	X	X				
34	Nigerian Defence Academy, Kaduna (NDA)					X	X
35	Federal University Birnin Kebbi (FUBK)				X	X	
36	Usumanu Danfodio University, Sokoto (UDUSOK)					X	X
37	Nigeria Police Academy, Wudil, Kano State (NPA WUDIL)		X			X	
38	Federal University of Technology Akure (FUTA)		X	X			
39	Federal University Oye-Ekiti (FUOYE)			X	X		
40	University of Ibadan (UI)					X	X
41	Obafemi Awolowo University (OAU), Ife				X	X	
42	Federal University of Agriculture, Abeokuta (FUNAAB)					X	X
43	University of Lagos (UNILAG)					X	X
44	Federal University of Health Sciences Otukpo (FUHSO)	X	X				
45	Federal University of Technology Ikot Abasi			X	X		

	(FUTIA)						
46	Federal University of Health Sciences, Azare (FUHSA)			X	X		
47	Federal University of Health Sciences, Ila Orangun (FUHSI)		X	X			
48	David Nweze Umahi Federal University of Medical Sciences (KDUMS)					X	X
49	Admiralty University Ibusa (ADUN)	X					
50	Federal University of Transportation Daura (FUTD)		X	X			
51	National University of Science and Technology, Abuja (NAUST)			X			
52	The African Aviation & Aerospace University (AAAU)	X			X		
53	Alvan Ikoku Federal University of Education, Owerri (ALVAN))	X	X				
54	Federal University of Education, Kano (FUEK)	X	X				
55	Adeyemi Federal University of Education, Ondo (AFUE)	X	X				

*M = Mission statement, V = Vision statement

The research data in Table 3 categorizes the mission and vision statements of Nigerian universities based on three key themes: teaching-training, scientific research, and public interest. These themes reflect the core areas often emphasized in university mission and vision statements, aligning with frameworks from studies on higher education's role in society (Cochran & David, 1986; Kotler & Murphy, 1981; Özdem, 2011). Universities that emphasize teaching-training in their mission or vision statements normally prioritize educational excellence, student development, and preparing graduates for professional and personal success. These institutions often focus on curriculum development, pedagogical innovation, and providing a supportive learning environment (Gürüz et al., 1994; Karakütük, 2006), and this is reflected in how they frame their mission and vision statements. The institutions that marked an "X" under the teaching-training (M) column have mission statements targeted at quality education and training for students from different fields. As a case in point, the Federal University of Technology, Minna, marked under both teaching-training (M) and (V), shows a strategic focus on present educational standards and future innovations, which aligns with what Gürüz et al. (1994) and Firmin and Gilson (2009) described as the dual role of universities in education and training.

The dominant mission and vision statements concerning research are usually found in research-intensive universities. Some mission statements deal with

advancing knowledge via research, fostering innovation, and contributing to scientific discovery. Some vision statements may pertain to becoming leading producers of research output and impact. An "X" under scientific research (M) denotes that the mission has a strong inclination towards research, likely to involve faculty, students, and industry partnerships. An "X" under scientific research (V) implies a far-sighted strategy to become a future leader in research and innovation. The fact that the University of Ilorin has been marked in both categories of scientific research (M) and (V) may point to a very strong commitment toward research, with aspirations to develop research impact and leadership in the future; Özdem (2011) states that research-oriented mission statements often reflect commitment to the advancement of knowledge and the generation of innovation.

Universities that include ideals of public interest in their mission and vision statements take into account social responsibility, involvement with the community, and also contributions to the greater social good. Such institutions engage societal problems and urge social justice while working in communities to better the quality of life. Under public interest (M), an "X" marks that the mission of the university actively engages societal issues with the aim of serving the public interest. In public interest (V), an "X" promises a future commitment to become a significant actor in addressing public and public needs as well as contributing to societal development. The University of Jos, marked under public interest (M), likely has a strong mission centered on community engagement and societal impact, echoing the role of universities in societal transformation (Gasset, 1998; Karakütük, 2006).

Federal University Lafia and the University of Nigeria, Nsukka, give equal consideration to teaching-training, scientific research, and public interest. This is evidence of a broadly tailored mission and vision directed toward excellence in teaching and social service. On the other hand, others such as the Nigerian Army University Biu have shown specialized attention to scientific research and technology with little or no regard for the public interest; this might imply that their missions are more oriented toward technical and professional education with no serious engagement with wider societal concerns. Institutions like NAUB, NDA, NPA Wudil, and AFIT are military- and police-based universities. Universities that emphasize a particular theme in their vision (e.g., scientific research, such as FUTD, MAUTECH, and NAUST) may be positioning themselves to evolve into leaders in that area in the future, which corresponds with the strategic intent of universities to differentiate themselves based on their unique strengths (Kosmützky & Krücken, 2015) and reflects a strategic intent to grow their influence and capabilities in specific domains relevant to society. The data indicate that aligning academic work with societal needs is becoming increasingly difficult due to global challenges that are becoming more complex and among other things, differ from country to country and thus magnify the strategic differences that exist between institutions when comparing their mission and vision statements.

Table 4 provides a summary of the category data. It shows that teaching and training consistently holds a significant position in both mission and vision statements of Nigerian universities, underscoring the institutions' commitment to societal contributions through education. This reflects the universities' enduring role in producing skilled workers and professionals, which remains a key part of their mission (Cochran & David, 1986; Gürüz et al., 1994). The content categories of these vision statements were further examined with respect to the three themes, highlighting how Nigerian universities strive to balance their immediate public service roles with long-term goals of teaching and research (Atkinson, 2008).

Table 4. Summary of the classification categories

S/ No	Classification of the sub-categories	Mission		Vision	
		Freq.	%	Freq.	%
1	Teaching-Training	21	38.89	22	41.51
2	Scientific Research	11	20.37	17	32.07
3	Public Interest	22	40.74	14	26.42
	Total	54	100	53	100

To calculate for the Chi Square frequencies of the data distribution (see Table 9), the following formular was applied:

$$E_{ij} = \frac{RowTotal_i \times ColumnTotal_j}{GrandTotal}$$

Then we apply:

$$\chi^2 = \sum \frac{(O_{ij} - E_{ij})^2}{E_{ij}}$$

Where,

- Chi-Square statistic (χ^2) = 3.08
- Degrees of Freedom (df) = 2
- p-value = 0.214
- Significance level (α) = 0.05

A chi-square test of independence was conducted to determine whether there was a statistically significant difference in how Nigerian federal universities prioritize teaching-training, scientific research, and public interest in their mission statements compared to their vision statements. The test revealed no significant association between the type of statement (mission or vision) and the classification category, $\chi^2(2, N = 107) = 3.08$, $p = .214$. This suggests that the distribution of institutional priorities is not significantly different between mission and vision statements.

The chi-square result supports the conclusion that these variations are statistically insignificant, despite observable differences in raw frequencies (e.g., public interest being more represented in mission than in vision statements). This implies that Nigerian federal universities have maintained a similar institutional emphasis in their mission and vision statements concerning teaching, research, and public interest, albeit in slightly different proportions. The alignment of mission and vision reflects a semblance of institutional identity. Differences in frequencies may be due more to stylistic or narrative emphasis than to any actual shift in prioritization.

The multinomial logistic regression analysis revealed several significant patterns in how Nigerian federal universities' mission and vision statements align across the three dominant categories of teaching-training, scientific research, and public interest (see Tables 10–12). The overall model demonstrated strong predictive power with 89.1% classification accuracy, indicating that institutional characteristics substantially influence mission-vision alignment. The most significant finding from the multinomial logistic regression was the predominant role of university type in predicting mission-vision alignment. Specialized Technology universities showed an 18-fold increased likelihood of aligning with scientific research compared to teaching-training ($p = 0.008$). This strong association reflects the inherent research orientation of technology-focused institutions, where innovation and scientific advancement are central to their institutional identity. Conversely, Specialized Education universities demonstrated a significant avoidance of public interest alignment, being 92% less likely to emphasize this category compared to teaching-training ($p = 0.028$). This pattern suggests that education-focused institutions prioritize pedagogical excellence and teacher training over broader societal engagement in their institutional statements.

The analysis revealed a notable trend among Specialized Military universities, which showed a 7-fold increased tendency toward scientific research alignment ($p = 0.086$). While this finding approaches but does not reach conventional statistical significance, it aligns with the increasing technological sophistication of modern military education and the growing emphasis on research-driven defense solutions in contemporary security discourse. Interestingly, neither geopolitical zone nor founding era emerged as significant predictors of mission-vision alignment. The absence of regional variation suggests that institutional mission statements extend beyond regional cultural and developmental differences within Nigeria. They instead reflect broader national educational priorities. Similarly, the non-significance of founding era indicates that mission-vision priorities have remained relatively consistent across different generations of university establishment, from older institutions founded before 1980 to newer ones established in the 21st century.

Table 4 provides a summary of classification categories for mission and vision statements across three sub-categories: teaching-training, scientific research, and public interest. For mission statements, the majority focus on public interest

(40.74%), followed by teaching-training (38.89%) and scientific research (20.37%). This conforms to the traditional view that universities serve as critical institutions for societal transformation, which includes public service and community engagement (Kavak, 1990; Gasset, 1998; Karakütük, 2006). The higher percentage of public interest in mission statements reflects universities' recognition of their role in addressing societal needs and challenges, which has been a central theme in academic scholarship (Velcoff & Ferrari, 2006; Morphew & Hartley, 2006). For instance, the mission statement of the Federal University Dutsinma explicitly frames its purpose around societal benefit: "The mission ... is 'to create knowledge, impart it to transform the human being, deploy it to grow the economy and solve local and global challenges, and do so in partnership and with integrity.'" This statement directly encapsulates the public interest category by linking knowledge creation and teaching directly to human transformation, economic growth, and problem-solving. Vision statements, on the other hand, prioritize teaching-training (41.51%), with scientific research (32.07%) and public interest (26.42%) following behind. This indicates that while mission statements emphasize immediate educational goals in the public interest, vision statements tend to look toward future teaching and training aspirations.

Teaching and training consistently holds a significant position in both mission and vision statements of Nigerian universities, reflecting an ongoing commitment to societal contributions. The content categories of these vision statements were further examined with respect to the three themes. The predominance of teaching-training in vision statements mirrors the findings of previous studies, which have noted that universities often frame their visions around student development and preparing future professionals (Firmin & Gilson, 2009; Erkan, 2008). Moreover, this aligns with the idea that vision statements project an institution's future direction, guiding its strategic positioning (Kotter, 2012; Dinçer, 2006). This is in line with previous studies conducted in other national contexts, which observed that universities typically frame their visions on "teaching-training" around the development of students and in preparing future professionals (Firmin & Gilson, 2009; Erkan, 2008; Cortés Sanchez, 2018).

The fact that there is relatively less emphasis on scientific research in both mission and vision statements—for example, in mission statements (22.22%) usually indicates that even though research is a critical function of universities, they mostly consider it part of larger societal contributions rather than in isolation (Kosmützky & Krücken, 2015). This finding resonates with Özdem's (2011) investigation, since many universities place greater emphasis on research in their vision statements as a future aspiration rather than as an immediate goal.

The finding that public interest is the most prevalent theme in mission statements (40.74%) does not suggest that teaching and research are neglected. Rather, it indicates that Nigerian federal universities rhetorically position their core purpose, their "reason for being," within the framework of direct societal contribu-

tion. This is a highly strategic communication choice within the Nigerian context, where universities are under significant pressure to demonstrate their relevance to national development challenges (Gambo & Fasanmi, 2019). This framing likely presents public service as the overarching goal, which is achieved through the mechanisms of teaching (e.g., producing graduates who solve national problems) and research (e.g., generating solutions to local issues). The lower explicit emphasis on scientific research (22.22% in missions) may not reflect a de-prioritization of knowledge creation per se, but perhaps a focus on a specific type of research—applied and developmental research aimed at public benefit—which is itself captured by the public interest category.

Table 5. Mission and vision statements under the Teaching-Training Subcategory

S/No	Teaching-Training Subcategory	Mission	Vision	Total	%
		Freq.	Freq.	Freq.	
1	Education of qualified individuals at national and universal levels	2	2	4	9.30
2	National/international academic recognition	1	2	3	6.98
3	International standard (world class) education	1	9	10	23.26
4	Education of individuals with leadership/entrepreneurship spirit	3	1	4	9.30
5	Education of individuals who are critical and free thinkers, innovative, and creative	5		5	11.63
6	Providing scholarship/financial support to successful students	0	0	0	0.00
7	Providing physical infrastructure/developing current conditions	3		3	6.98
8	Education of high-quality human resource	1	1	2	4.65
9	Support for interdisciplinary studies	0	0	0	0.00
10	Education of individuals with sense of social responsibility (community service)	1		1	2.33
11	Adopting functional, cost-effective and flexible quality education and total quality management principles	1	1	2	4.65
12	Being a center of excellence and attraction	3	6	9	20.93
	Total	21	22	43	100

Table 5 provides insights into the strategic priorities of various educational institutions, focusing on the teaching-training component of their mission and vision statements. It breaks down these priorities into specific categories and

presents the frequency with which these themes appear in mission and vision statements. The mission and vision statements emphasize the commitment to providing international standards or world-class education 10 times, accounting for 23.26% of the total frequency. An example is seen in the mission statement of the University of Ilorin, whose mission statement is "To provide world-class environment for learning, research and community service." The primary clause focuses on the "environment for learning," placing the teaching-training function first, while simultaneously elevating it through the "world-class" modifier, demonstrating the dual emphasis on educational core function and global competitiveness. This implies that numerous institutions strive for global recognition for their educational quality, striving to either meet or surpass international benchmarks. Such emphasis aligns with research that highlights universities' strategic use of mission and vision statements to position themselves in competitive global educational markets (Kotler & Murphy, 1981; Kosmützky & Krücken, 2015). This finding implies that Nigerian universities are increasingly integrating global perspectives into their strategic priorities to enhance their international recognition and competitiveness (Cochran & David, 1986). Similarly, six vision statements and three mission statements, accounting for 20.93% of the total, highlight the goal of being a center of excellence and attraction; this demonstrates the ambition of these institutions to become leading educational hubs that attract collaborations with students, faculty, and researchers from around the world.

Kuenssberg (2011) noted that universities are embracing competitive distinctions with statements of excellence and positioning themselves as places of attraction. In fact, the statements are used by institutions to communicate distinct institutional goals and values. The education being provided to develop critical thinking, innovation, and creativity in students reflects this theme, as it appears five times in mission statements and accounts for 11.63% of its total frequency. This emphasis on producing students who can think independently and contribute creatively to society indicates a clear strategic concern. This is in line with what Morphew and Hartley (2006) say: most mission statements incline towards skills and competencies for the development of social and economic advancement. The presence of the theme suggests that Nigerian universities are also keeping pace with the emerging trends in innovation and critical thinking because they contribute to achieving the wider educational mission revealed by Gürüz et al. (1994). The findings in Table 5 thus confirm that Nigerian universities are not just interested in high learning and teaching standards but are also strategically positioning themselves to compete on a global scale. Their mission and vision statements demonstrate their dedication to producing graduates with the necessary skills and knowledge to prosper in a globalized world, while also enhancing their institutional reputation as centers of excellence and innovation (Bamiro, 2024; Cortés Sanchez, 2018; Firmin & Gilson, 2009).

It mentions the education of persons who have leadership and entrepreneurial characteristics four times through references to educating future leaders and innovators capable of driving economic and social transformation, an echo of the comment made by Firmin and Gilson (2009), who said that most mission statements usually emphasize the preparation of individuals for leadership in society. Conversely, specific categories garnered diminished attention. The mission and vision statements of the institutions listed in Table 5 do not emphasize the provision of scholarships or financial assistance to accomplished students, nor do they foster multidisciplinary studies. This absence may indicate a possible limitation, since the authors argue that financial assistance and collaborative interdisciplinary approaches are, in fact, crucial vehicles for promoting diversity within educational experiences (Morphew & Hartley, 2006). Areas of lesser concern, like student financial aid and multidisciplinary study, may therefore indicate areas of emphasis or areas for improvement going forward. The different emphases may thus be seen as an outstanding example of divergent goals and strategies of academic institutions as far as meeting their educational mission is concerned (Cochran & David, 1986). This fluctuation demonstrates the fluidity of institutional priorities within changing educational contexts (Kuenssberg, 2011). The funding of education has been largely shifted to the students, and this is supported by the mission and vision statements of Nigerian universities (Gambo & Fasanmi, 2019; Hile, 2023; Wahab, 2022).

Similarly, there is rarely any reference to the education of high-quality human resources and the implementation of functional, cost-effective, and flexible quality education concepts, as each category receives only two citations, accounting for 4.76% of the overall frequency. The comparatively low prevalence of these themes may suggest that, although these goals are significant, they are subordinate to the overarching aims of leadership and global competitiveness. National and worldwide academic recognition constitutes a significant category, appearing three times in the goal and vision statements (7.14%). This indicates that although global standards are a major goal, gaining a reputation in national and worldwide academic communities is an essential aim for Nigerian universities, consistent with Kotler and Murphy's (1981) findings on institutional status goals.

Table 6 presents a summary of the strategic areas of emphasis for scientific research as outlined in the mission and vision statements of different Nigerian universities. The universities place a strong focus on possessing advanced technological infrastructure and equipment. This is mentioned five times in mission statements and twice in vision statements, accounting for 25% of the overall frequency. This emphasis reflects the significance that institutions attribute to equipping themselves with the requisite tools and facilities to carry out state-of-the-art research (Kosmützky & Krücken, 2015). Another key area of focus is contributing to national development through scientific research and publications. This category occurs three times in each of the mission and vision statements, accounting

for about 21.43% of the total. This shows a strong commitment to the notion that research not only generates scientific knowledge but should also be geared toward making a difference in national development (Gürüz et al., 1994). Institutions wish that their research activities would be in harmony with the broader aims of national progress, within which areas like economic growth, technological advancement, or public good would fit. Abubakar Tafawa Balewa University is a good example; their vision statement highlights this: "To become a centre of excellence for the creation, transfer and application of scientific knowledge for the advancement of mankind in a friendly, interactive and multi-cultural environment." The focus here is squarely on the generation and application of new knowledge for the advancement of mankind in a sustainable and pluralistic society.

Being a pioneer in research at the national and international level and achieving national/international recognition in research are also significant themes, each appearing four times in the vision statements. They represent 14.29% of the total frequency, emphasizing the aspiration of institutions to lead in the research domain and gain recognition for their contributions (Nnadozie et al., 2023; Özdem, 2011; Firmin & Gilson, 2009). The focus on pioneering research highlights the ambition to be at the forefront of scientific discoveries, while the desire for recognition recognizes the importance of establishing a reputation in the academic and research communities (Kosmützky & Krücken, 2015). This is evident in the vision of Abubakar Tafawa Balewa University, which aims "To become a centre of excellence for the creation, transfer and application of scientific knowledge for the advancement of mankind..." The emphasis on the entire research cycle —"creation, transfer and application"—and its intended goal of the "advancement of mankind" perfectly illustrates a strategic, research-centric vision with a clear public-oriented outcome.

In contrast, some categories received little to no attention. For instance, the concept of being a research university is not mentioned at all, suggesting that this specific designation may not be a primary focus for the institutions represented in Table 6 (Morphew & Hartley, 2006). This aligns with the structure from Özdem (2011), who states that, in Turkey, research was also given greater importance in vision statements as an aspiration for the future, not the present.

In a similar vein, there is an absence of university-industry collaboration supporting entrepreneurship, knowledge generation, and implementation in the mission and vision statements. Such absences indicate that these areas are neither well-developed nor prioritized in these institutions' present strategic directions. Invoking the literature, university-industry collaboration is instrumental in fostering innovation and transferring knowledge, which are necessary for national growth (Etzkowitz and Leydesdorff, 2000). The mention, though once, of education in exploring and questioning scientists emphasizes an effort that is less pronounced in instilling a culture of inquiry and critical thinking among researchers. Although Paul and Elder (2008) consider critical thinking vital to scien-

tific advancement, other priorities such as technological infrastructure and national development are the bases for research advancement, according to Adams and Zanzi (2006).

Table 7 reveals in detailed terms what educational institutions regard as their priorities for the public in their mission statements and visions. One of the focuses that stands out is conducting studies for human benefit, which appears seven times in mission statements and twice in vision statements, adding up to 25.00% of the total frequency. This emphasizes that these institutions direct research and initiatives to benefit society. These institutions hence tend toward human welfare and commitment to bettering life through their academic and research activities. Professional competency within the national/international arena is another prominent issue, appearing three times in mission and vision statements each, counting for 16.67% of the total. This shows that these institutions really take seriously the importance of preparing students well for competent work in the national and international arenas. Each institution prepares students to be able to add value to their discipline and represent the country and institution in the global arena through professional competence. Contribution to the economic, cultural, social, and technological development of society constitutes yet another significant priority as evidenced by four mentions in mission statements and one in a vision statement, accounting for 13.89%. The mission statements of this category illustrate the value of educational institutions in social development through dimensions of economic growth, cultural enrichment, social cohesion, and technological innovation. Universities shape the future of communities and nations as they make significant contributions in these areas. A good illustration is the Federal University Dutsinma, whose mission statement says “The mission ... is 'to create knowledge, impart it to transform the human being, deploy it to grow the economy and solve local and global challenges, and do so in partnership and with integrity'.” This is a direct articulation of a service-oriented, publicly minded mission.

The rather sweeping “public interest” emphasis in statements under this category begs to be filled with a little more precise articulation about what that commitment means in a university setting. Public service here does not mean the broad charity or welfare provision that is usually associated with social service agencies. Rather, it implies the bringing to bear on societal problems the university's unique and precious academic capital—its knowledge, expertise, and critical capacities. This distinction is the institution's key comparative advantage. The data suggests that Nigerian universities frame this advantage in several ways:

1) Knowledge-Based Problem Solving: The emphasis on “Conducting studies for human benefit” (25.00% of public interest codes, Table 7) positions the university as a generator of evidence-based solutions, not just an implementer of programs. This is a function beyond the typical mandate of a social service agency.

2) Developing Human Capital for Development: The focus on "Professional competence" and "Enhancing the qualified workforce" frames public service indirectly through the output of highly skilled, ethically minded graduates (e.g., "education of individuals with a sense of social responsibility") who drive long-term national development from within various sectors.

3) Critical Engagement and Advocacy: The role of "Pioneering social advancement" implies a function of critical inquiry, social critique, and advocacy, akin to holding a mirror to society and proposing forward-thinking models for progress that are grounded in research and scholarship.

Another key area receiving attention deals with fostering pioneering social advancement and social development, having appeared four times in mission statements and once in a vision statement, giving it 13.89% of total frequency. The notion reflects the ambition of institutions to pioneer societal changes and developments and hence to be fairly considered catalysts of advancement in various social sectors. A more pronounced distinction of such organizations as pioneering connotes a proactive outlook whereby institutions are involved not only in social development existing under certain frameworks but also in driving new initiatives with output objectives geared towards social development. Two mentions of the training of socially responsible graduates in both mission and vision statements account for 11.11% of the total. In effect, priority seems to be given to nurturing graduates who are skilled professionals as well as socially responsible citizens. The construction of socially responsible citizens with career-oriented skills goes a long way in ensuring that the institutions produce graduates with a firm commitment to giving back positively to their communities and the world. Enhancing and promoting the qualified workforce of the country appears twice in mission and vision statements, making up 11.11% of the total frequency. This concern reflects the role of universities in facilitating national development through activities that ensure the workforce is well-educated, skilled, and capable of responding to the exigencies of the modern-day economy. Curiously, the formal education of environment-conscious youth appears only in vision statements, three times, constituting 8.33% of the total. Such a trend reveals that environmental consciousness has not yet emerged as a prime mission for these institutions but is being envisaged as one in the future, thus confirming that environmental sustainability is becoming a very pertinent matter in education.

The novelty of applying the aforementioned categorical structure (teaching-training, research, public interest) to the entire census of Nigerian federal universities lies in the fact that this area remains underexplored in the literature. This provides a unique baseline of the strategic narrative within a specific, under-researched media ecology. The findings suggest a distinct communicative strategy: a strong, consistent emphasis on public service as an immediate mission, potentially reflecting a need to assert relevance to national stakeholders. In contrast, the usual narratives found in the mission statements of universities from the global North

(Morphew & Hartley, 2006) dominate the picture. This demonstrates how local context shapes mediatized institutional identity. In this area, systematic comparisons can be made with lexicographical and rhetorical intensity compared with universities from other parts of the globe (Kenya, South Africa, China, the UK, and the US, for example) so that greater distinctions could then be drawn regarding the specific features of Nigerian strategic discourse.

Digital presentation and accessibility of statements

Beyond the semantic content already analyzed, we conducted a compact interface audit of how these strategic documents are presented digitally (see Appendix, Table 13). The audit of six diverse university websites revealed significant variability in the digital mediation of mission and vision statements that may impact their communicative effectiveness. Three key patterns emerged: First, format fragmentation was substantial, with statements presented as native HTML (most accessible), embedded PDFs (creating accessibility barriers), or buried within lengthy "About Us" pages. Second, navigational inconsistency was pronounced, with the path to locate statements ranging from 1 to 4+ clicks from the homepage, suggesting that these documents are not uniformly treated as priority content. Third, several institutions showed metadata issues, including outdated names (e.g., NAUST displaying its previous designation) and broken links, raising questions about content currency and maintenance. This variability in digital presentation constitutes a form of "platform rhetoric" that complements the textual analysis. The choice to present a mission statement as a downloadable PDF versus integrated HTML signals different assumptions about its audience and purpose. Easy access (1–2 clicks) suggests that the statements are considered core branding materials, while deeper burial may indicate that they function more as compliance documents for accreditation purposes. These presentational differences represent an important dimension of how Nigerian universities' strategic priorities are mediatized to their publics.

International Benchmarking and Nigerian Specificity

To contextualize the Nigerian findings, we conducted a brief comparative analysis of mission/vision statements from four international universities representing different higher education models (see Appendix, Table 14). We randomly selected the University of Oxford in the UK, which has the status of an elite, research-intensive university (Times Higher Education, 2025); Michigan State University in the USA, considered for its land-grant and public service model (Collins, 2012); the University of Cape Town in South Africa, a leading African research university (Times Higher Education, 2024); and the University of Nairobi in Kenya, a comprehensive public university in East Africa (Scientia Educare, 2025). This benchmarking reveals distinctive characteristics of Nigerian federal universities' strategic communication. The University of Oxford's vision emphasizes its "world-leading research" and "global impact," with research dominance

(75% emphasis) reflecting its elite, global orientation. Similarly, the University of Cape Town prioritizes "research-led excellence" and "African global scholarship," balancing international standing with continental leadership. Both institutions frame their excellence in global competitive terms. In contrast, Michigan State University, as a land-grant institution, demonstrates strong public service alignment (60%) with phrases like "advancing the common good" and "community engagement," yet maintains substantial research emphasis. The University of Nairobi shows a balanced triad but emphasizes "national development" and "leadership for Africa," positioning itself as an engine for regional progress. The Nigerian specificity emerges in comparison: while similarly emphasizing public service (40.74% in missions), Nigerian universities do so within a context of more explicit developmental rhetoric and resource constraints. Unlike Oxford's global research ambition or Michigan State's established public service model, Nigerian statements often reflect a pragmatic negotiation between immediate national needs and aspirational educational goals. The relatively lower explicit research emphasis (22.22% in missions) compared to the benchmark institutions may reflect not disinterest but the documented challenges of research capacity in the Nigerian context. This comparative perspective highlights that Nigerian universities' strategic narratives are shaped by their unique position: aspiring to global relevance while addressing pressing local developmental obligations, resulting in a distinctive communicative strategy that emphasizes service as both mission and justification.

Theoretical and Practical Implications

These findings have important implications for higher education policy and institutional strategy. The strong typological patterns suggest that mission-vision statements are not merely rhetorical exercises but reflect genuine institutional specializations and priorities. For policymakers, this emphasizes the importance of maintaining differentiated institutional missions within the national higher education system. For university administrators, the results highlight the need for mission-vision statements that authentically communicate and represent institutional strengths and strategic directions.

Conclusions

This study employed a content analysis of the mission and vision statements of Nigerian federal universities to explore how these institutions articulate their strategic priorities within the context of the national higher education landscape. The chi-square test of independence revealed no statistically significant association between statement type and thematic emphasis ($\chi^2(2, N = 107) = 3.08$, $p = .214$), indicating that the distribution of priorities across mission and vision statements is broadly consistent. The multinomial logistic regression further clarified that this alignment is strongly influenced by institutional type, with specialized universities—particularly technology-focused institutions—showing distinct strategic orienta-

tions, while geopolitical zone and founding era showed no significant effect. The lack of a statistically significant difference suggests a coherent strategic narrative across mission and vision statements. Nigerian federal universities present a consistent mediated identity, one that balances the immediate, practical mandate of public service (emphasized in missions) with aspirational goals of educational excellence (emphasized in visions). This consistency can be interpreted as a communication strategy aimed at projecting institutional stability and a clear, unwavering purpose to their publics, despite the internal resource tensions they face.

Therefore, while public interest appears more frequently in mission statements (40.74%) compared to vision statements (26.42%), and teaching-training appears more in visions (41.51%) than in missions (37.04%), these variations are not statistically significant. The core implication is that Nigerian federal universities, as a whole, maintain a consistent institutional identity across their strategic declarations. These slight variations in proportion might be part of a strategic decision regarding the style or narrative drafting of such statements; for example, phrasing a mission in practical, service-oriented terms and aligning a vision through more aspirational, educational language rather than signaling a radical strategic shift in priorities. Moreover, the presentation of mission and vision shows a fairly stable but certainly limited understanding of the complexity of the university role.

These analyses show that the mission and vision statements of Nigerian federal universities are more than mere internal strategic plans; they are also fundamental tools for external communication and identity building. The strong emphasis on public interest rhetoric is a powerful media message targeting stakeholders in both statement types and, evidenced by its high frequency, likely reflects a direct response to Nigeria's pressing socio-economic challenges, positioning the university as an active agent in national development and fitting into the international model of an “engaged university,” in which community relevance is a basic pillar. The strategic nature of this communication is seen in statements that subordinate other functions to the overarching goal of public service. For example, a university might frame its research not as an end in itself, but as a means to “generate solutions to local issues,” a phrasing that would be coded for both scientific research and public interest, showcasing the primacy of the latter in the rhetorical structure.

Conversely, the relatively lower emphasis on scientific research in both missions (22.22%) and visions (32.07%) may not reflect deliberate de-prioritization but rather a pragmatic reflection of the well-documented challenges to research capacity, such as funding limitations and brain drain. The data do not support a conclusion that Nigerian universities prioritize different core functions in their missions versus their visions; instead, the findings point to a consistent, integrated strategic focus across both statements. Also, the consistent narrative observed across the statement types points to a sophisticated, if perhaps implicit, under-

standing of branding and reputation management within a challenging media environment. Future research should now investigate more fully the discursive mechanics and digital presentation of these narratives to fully unpack the mediatization of Nigerian higher education.

This study contributes to the literature by demonstrating that within the unique Nigerian context, the communicative function of mission and vision statements may be less about distinguishing between operational and aspirational goals, and more about reinforcing a consistent, multifaceted institutional identity. Therefore, the interpretation of the rhetorical emphasis should definitely not lead to the conclusion that Nigerian universities regard teaching, researching, and service as conflicting priorities. The point at issue, then, is not to choose among these functions, but to make it clear and credible how teaching and research strengths could best be deployed as part of public service missions. Future research should move beyond textual analysis to investigate the implementation of these stated priorities, explore whether the consistent emphasis found in official rhetoric translates into congruent resource allocation and strategic decision-making, and look into the actual institutional policies and resource allocations that enable the integration of all three crucial synergistic functions within these institutions.

Limitations and Future Research

The study's novelty is anchored in its comprehensive census of the Nigerian federal university system. To enhance its media-theoretical contribution, future research should incorporate cross-national benchmarking (e.g., with universities beyond Nigeria, including institutions in Kenya, South Africa, and the UK). Based on the applied methodology, another fundamental constraint of the study is that the reduction of multi-coded statements to one dominant category oversimplifies the data, although this simplification was methodologically necessary for the statistical procedures used in this study. Future research can include more advanced analyses, such as logistic regression using the original multi-coded data as predictors to model the effects of variables such as university age, geographic zone, and specialized versus conventional status on the probability of a theme being present in a statement. Other elements that could be incorporated include lexical variety, modality, or rhetorical devices to better understand the constructed communication. Another limitation of the research is that the study analyzed the text of the statements in isolation. However, to develop a complete media studies approach, an analysis of their platform-specific presentation is required. This refers to their findability and accessibility on university web pages, as well as the ways in which layout, typography, and imagery shape their visual presentation. It could also investigate how these statements are integrated into the broader digital narrative of the institution (i.e., through hyperlinks to “Research” or “Community Service” sections). Thus, interface-level and multimodal analysis is

essential for understanding how these statements function in the bigger picture of university digital media strategy.

Authors' Statements

Agreement with the Journal's Policies

All authors of this manuscript have been notified and agree to the journal's current policies as described on the publication's website.

Originality and Exclusivity of the Manuscript

All authors confirm that the manuscript is original, has not been published previously in whole or in part, and is not under consideration for publication elsewhere.

Authorship and Contribution (CRediT)

Ben-Collins Emeka Ndinojuo conceptualized the paper and the methodology, collected data, analyzed the data, drafted the paper and was responsible for funding acquisition. Otikor Njanubok Samuel helped in designing and writing the introduction and literature review, reviewing and editing the draft and approved the final version of the manuscript.

Policy on Preprints and Previous Versions

All authors confirm the availability of a preprint/working version. I confirm that there is no violation of the journal's policy.

Conflict of Interest

No conflicts.

Funding

The work was supported by the TETFund Research Grant administered through the University of Port Harcourt with the reference number TETF/UPH/IBR/2024/020.

Use of Generative AI and Supporting Tools

AI tools are not listed as authors; any contributions (text editing, translation, illustrations, code) are described in the "Methods" section; accuracy, originality, and compliance with rights have been verified.

Permissions for Use (Texts, Images, Maps, Illustrations)

All copyrighted materials are reproduced with the permission of the copyright holder; license terms (including CC) are observed.

Acknowledgments and Contributions without Authorship

The authors would like to express their heartfelt gratitude to TETFund and the University of Port Harcourt's management, led by Prof. Owunari Georgewill, for their generous support through the TETFund grant. Special thanks are also due to Prof. W.C. Ihejirika, Dean of the Faculty of Communication and Media Studies, and Prof. C.I. Ochonogor, pioneer Head of the Department of Journalism and Media Studies, for approving the project. Our gratitude extends to Prof. C.U. Omego, current HoD, for her continued support.

References | Список литературы

Abo-Khalil, A. G. (2024). Integrating sustainability into higher education challenges and opportunities for universities worldwide. *Heliyon*, 10(9), e29946. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e29946

Acting ES Receives New Mgt. Of Renamed AUST. (2023). *National Universities Commision*. https://www.nuc.edu.ng/acting-es-receives-new-mgt-of-renamed-aust/

Adams, S. M., & Zanzi, A. (2006). Developing political intelligence for making feasible decisions. *Journal of Management Development*, 25(4), 350–367. https://doi.org/10.1108/02621710610655828

Ajoseh, S., Langer, A., Amoniyan, O., & Uyah, U.-A. (2024). Navigating brain drain: Understanding public discourse on legislation to retain medical professionals in Nigeria. *Globalization and Health*, 20(1), 80. https://doi.org/10.1186/s12992-024-01077-1

Akinwale, O. E., Kuye, O. L., & Akinwale, O. E. (2023). Trajectory of brain-drain and quality of work-life amongst Nigeria's university lecturers: Academic staff union of universities (ASUU) incessant strike in retrospect. *International Trade, Politics and Development*, 7(2), 115–137. https://doi.org/10.1108/ITPD-10-2022-0021

Asiru, H. T., & Oludare, A. A. (2015). Stylo-rhetorical Analysis of the Vision and Mission Statements of Higher Institutions in the North-West Geopolitical Zone of Nigeria. *IJDA*, 1(2), 1–9.

Assié-Lumumba, N. T. (2017). The Ubuntu Paradigm and Comparative and International Education: Epistemological Challenges and Opportunities in Our Field. *Comparative Education Review*, 61(1), 1–21. https://doi.org/10.1086/689922

Atkinson, T. N. (2008). Textual mapping of imitation and intertextuality in college and university mission statements: A new institutional perspective. *Semiotica*, 2008(172), 361–387. https://doi.org/10.1515/SEMI.2008.104

Bakare, K. A. (2021). Vision, Mission and the 21st Century Nigerian Universities. *European Journal of Management and Marketing Studies*, 6(2), 1–15. https://doi.org/10.46827/ejmms.v6i2.1053

Bamiro, O. A. (2024, April 3). *Enhancing the quality of institutional leadership and governance of Nigerian universities towards sustainable management and optimal performance*. Paper presented at the Retreat for Principal Officers, Deans, Directors, Heads of Departments, and Senior Staff of Elizade University, Faculty of Law Complex, Elizade University.

Boyer, E. L. (1996). The Scholarship of Engagement. *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences*, 49(7), 18–33. https://doi.org/10.2307/3824459

Bringle, R. G., & Hatcher, J. A. (1995). A Service-Learning Curriculum for Faculty. *Michigan Journal of Community Service Learning*, 2, 112–122.

Checkoway, B., & Richards-Schuster, K. (2004). Youth Participation in Evaluation and Research as a Way of Lifting New Voices. *Children, Youth and Environments*, 14(2), 84–98. https://doi.org/10.1353/cye.2004.0075

Cochran, D. S., & David, F. R. (1986). Communication effectiveness of organizational mission statements. *Journal of Applied Communication Research*, 14(2), 108–118. https://doi.org/10.1080/00909888609360308

Collins, C. S. (2012). Land-Grant Extension as a Global Endeavor: Connecting Knowledge and International Development. *The Review of Higher Education*, 36(1), 91–124. https://doi.org/10.1353/rhe.2012.0065

Cortés Sánchez, J. D. (2018). Mission statements of universities worldwide: Text mining and visualization. *Intangible Capital*, 14(4), 584–603. https://doi.org/10.3926/ic.1258

Cowley, M., & Domb, E. (2012). *Beyond Strategic Vision*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780080500058

Dinçer, Ö. (2006). *Strategic management and management policy* (8th ed.). Alfa Yayım Dağıtım.

Enstroem, R., & Schmaltz, R. (2024). Striking gold: Navigating the education massification maze for work readiness. *Journal of Work-Applied Management*, 16(2), 184–199. https://doi.org/10.1108/JWAM-10-2023-0100

Erçetin, C. C. (2000). *Vision in the leader spiral*. Nobel Prize Publications.

Erkan, V. (2008). *Strategic planning in public institutions. Turkey application and factors affecting success in organizations*. DPT Publications.

Fagbemi, F., Osinubi, T. T., & Adeosun, O. A. (2022). Enhancing sustainable infrastructure development: A boon to poverty reduction in Nigeria. *World Development Sustainability*, 1, 100006. https://doi.org/10.1016/j.wds.2022.100006

Firmin, M. W., & Gilson, K. M. (2009). Mission Statement Analysis of CCCU Member Institutions. *Christian Higher Education*, 9(1), 60–70. https://doi.org/10.1080/15363750903181922

Fitzgerald, C., & Cunningham, J. A. (2016). Inside the university technology transfer office: Mission statement analysis. *The Journal of Technology Transfer*, 41(5), 1235–1246. https://doi.org/10.1007/s10961-015-9419-6

Gambo, O. O., & Fasanmi, S. A. (2019). Funding university education in Nigeria: The challenges and way forward. *Bulgarian Journal of Science and Education Policy (BJSEP)*, 13(1), 80–91.

Gasset, O. Y. (1998). *Mission of the University*. Yapi Kredi Publications.

Gözükara, İ. (2015). Mission and Vision Statements of Foundation Universities in the Context of University Roles: A Content Analysis. *China-USA Business Review*, 14(9), 464–476. https://doi.org/10.17265/1537-1514/2015.09.005

Gürüz, K., Çuhubi, E. A. M., Çengor, C., Türker, K., & Yurtsever, E. (1994). *Higher education, science and technology in Turkey and in the world*. Turkish Association of Industrialists and Officials.

Hailu, A. T. (2024). The role of university–industry linkages in promoting technology transfer: Implementation of triple helix model relations. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 13(1), 1-17. https://doi.org/10.1186/s13731-024-00370-y

Hile, M. (2023). *The burden of university funding shifts to students*. Financial Nigeria International Limited. https://www.financialnigeria.com/the-burden-of-university-funding-shifts-to-students-blog-821.html

Hjarvard, S. (2013). *The Mediatization of Culture and Society*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203155363

Huang, J. (2024). Research on the Social Service Function of Open Universities: Reflection Based on the Concept of Socially Engaged Universities. *Open Access Library Journal*, 11(5), 1–12. https://doi.org/10.4236/oalib.1111636

Idowu-Faith, B. (2023). Style and Distinctive Uses of Language in Nigeria's First-Generation Private Universities' Vision and Mission Statements: In R. Taiwo, B. Idowu-Faith, & S. Ajiboye (Eds.), *Advances in Higher Education and Professional Development* (pp. 179–205). IGI Global. https://doi.org/10.4018/978-1-6684-8122-6.ch011

James, H., & Huisman, J. (2009). Missions statements in Wales: The impact of markets and policy on congruence between institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 31(1), 23–35. https://doi.org/10.1080/13600800802559229

Jansson, A. (2018). Mediatization as a Framework for Social Design: For a Better Life with Media. *Design and Culture*, 10(3), 233–252. https://doi.org/10.1080/17547075.2018.1511140

Karakütük, K. (2006). Financing of higher education. *National Education Journal*, 171, 219–242.

Kavak, Y. (1990). *Higher education in development priority regions environmental activities of my institutions*. TOBB Publish.

Kermanshahi, S. N., Van Der Tuin, I., Dirks, S., Overkempe, T., Hardman, L., & Pieters, T. (2024). Re-Mediatization as a New Digital Approach Towards Local Political Deliberation: Using Real-Time Participatory Media Production to Bring Nuance to Public Debates on Religion, Sexuality, and Migration. *Digital Society*, 3(3), 66. https://doi.org/10.1007/s44206-024-00154-7

Kosmützky, A., & Krücken, G. (2015). Sameness and Difference: Analyzing Institutional and Organizational Specificities of Universities through Mission Statements. *International Studies of Management & Organization*, 45(2), 137–149. https://doi.org/10.1080/00208825.2015.1006013

Kotler, P., & Murphy, P. E. (1981). Strategic Planning for Higher Education. *The Journal of Higher Education*, 52(5), 470–489. https://doi.org/10.1080/00221546.1981.11778119

Kotter, J. P. (2012). *Leading Change*. Harvard Business Press. https://doi.org/10.15358/9783800646159

Kraaijenbrink, J. (2021, April 13). *Why Your Mission And Vision Statements Don't Work (And What To Do About It)*. Forbes. https://www.forbes.com/sites/jeroenkraaijenbrink/2021/04/13/why-your-mission-and-vision-statements-dont-work-and-what-to-do-about-it/

Kuenssberg, S. (2011). The discourse of self-presentation in Scottish university mission statements. *Quality in Higher Education*, 17(3), 279–298. https://doi.org/10.1080/13538322.2011.625205

Landis, J. R., & Koch, G. G. (1977). The Measurement of Observer Agreement for Categorical Data. *Biometrics*, 33(1), 159. https://doi.org/10.2307/2529310

Ling, L. (2020). Universities and research in times of crisis: The getting of wisdom. *Qualitative Research Journal*, 20(4), 361–371. https://doi.org/10.1108/QRJ-06-2020-0055

List of Federal Universities. (2024). *National Universities Commision*. https://www.nuc.edu.ng/nigerian-univerisities/federal-univeristies/

Mazzucato, M. (2018). Mission-oriented innovation policies: Challenges and opportunities. *Industrial and Corporate Change*, 27(5), 803–815. https://doi.org/10.1093/icc/dty034

Morphew, C. C., & Hartley, M. (2006). Mission Statements: A Thematic Analysis of Rhetoric across Institutional Type. *The Journal of Higher Education*, 77(3), 456–471. https://doi.org/10.1080/00221546.2006.11778934

Ndinojuo, B.-C. E. (2020). 5G, Religion, and Misconceptions in Communication during Covid-19 in Nigeria. *Jurnal The Messenger*, 12(2), 97–110. https://doi.org/10.26623/themessenger.v12i2.2282

Ndinojuo, B.-C. E. (2024). Narratives in reporting poverty in Nigerian newspapers. *African Identities*, 22(4), 1011–1031. https://doi.org/10.1080/14725843.2023.2170324

Olusola, S. A., Oluseye, O. O., Saviour, U. M., Iember, K. J., & Ayomiposi, D. O. (2022). A Content analysis of the vision and mission statements of top ten leading Universities in Africa. *Cogent Education*, 9(1), 2143648. https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2143648

Orwig, B., & Zachary Finney, R. (2007). Analysis of the mission statements of AACSB-accredited schools. *Competitiveness Review: An International Business Journal*, 17(4), 261–273. https://doi.org/10.1108/10595420710844343

Özdem, G. (2011). An analysis of the mission and vision statements on the strategic plans of higher education institutions. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 11(4), 1887–1894.

Ozer, E. J., Ritterman, M. L., & Wanis, M. G. (2010). Participatory Action Research (PAR) in Middle School: Opportunities, Constraints, and Key Processes. *American Journal of Community Psychology*, 46(1–2), 152–166. https://doi.org/10.1007/s10464-010-9335-8

Paul, R., & Elder, L. (2008). *The Miniature Guide to Critical Thinking Concepts and Tools*. Foundation for Critical Thinking Press.

Sakellarios, M. D., & Gann, D. (2024). Critically evaluating university mission and vision statements. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 13(6), 3906–3913. https://doi.org/10.11591/ijere.v13i6.29277

Scientia Educare. (2025, June 8). University of Nairobi Kenya: Education and Research in East Africa. *Online Learning Platform*. https://scientiaeducare.com/university-of-nairobi-kenya-a-pillar-of-academic-excellence-and-innovation-in-east-africa/

Sönmez, V. (2003). An essay on the restructuring of higher education. *Educational Researches*, 12, 4–12.

State Planning Organization (DPT). (2006). *Strategic planning guide for public administrations*. DPT.

The top 50 universities by reputation 2025. (2025, February 18). Times Higher Education (THE). https://www.timeshighereducation.com/student/best-universities/top-50-universities-reputation

Thompson, A. A., & Strickland, A. J. (1999). *Strategic Management: Concepts and Cases* (11th ed.). Irwin Mc Graw Hill.

Tijsma, G., Urias, E., & Zweekhorst, M. (2023). Embedding engaged education through community service learning in HEI: A review. *Educational Research*, 65(2), 143–169. https://doi.org/10.1080/00131881.2023.2181202

Türel, O. (2004). Reflections on the (re)institutionalization of higher education in Turkey. *Property Journal*, 28(242), 151–180.

University of Cape Town. (2024, March 29). Times Higher Education (THE). https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/university-cape-town

Velcoff, J., & Ferrari, J. R. (2006). Perceptions of University Mission Statement by Senior Administrators: Relating to Faculty Engagement. *Christian Higher Education*, 5(4), 329–339. https://doi.org/10.1080/15363750500408090

Vergani, F. (2024). Higher education institutions as a microcosm of the circular economy. *Journal of Cleaner Production*, 435, 140592. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.140592

Wahab, A. (2022, July 28). Nigerian universities suffer from poor funding. *Vanguard News*. https://www.vanguardngr.com/2022/07/nigerian-universities-suffer-from-poor-funding/

Wang, C., Chen, X., Yu, T., Liu, Y., & Jing, Y. (2024). Education reform and change driven by digital technology: A bibliometric study from a global perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1), 256. https://doi.org/10.1057/s41599-024-02717-y

Wedrich, A., Langmann, G., Klug, U., Langmann, A., Faschinger, C., Wohlfart, C., Weger, M., Granitz, E., Kohlhofer, A., & Hödl, R. (2012). Entwicklung und Implementierung eines Leitbildes an der Universitäts-Augenklinik Graz [Development and Implementation of a Mission Statement at the University Eye Clinic in Graz]. *Spektrum der Augenheilkunde*, 26(4), 212–220. https://doi.org/10.1007/s00717-012-0111-z (In German).

Zaidan, E., Momani, R., & Al-Saidi, M. (2024). Entrepreneurial universities and integrated sustainability for the knowledge-based economy: Self-perception and some structural challenges in the Gulf region. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1), 585. https://doi.org/10.1057/s41599-024-03032-2

Appendix

Table 6. Mission and vision statements under the Scientific Research Subcategory

S/No	Scientific Research Sub-Category	Mission	Vision	Total	
		Freq.	Freq.	Freq.	%
1	Being a pioneer in research at national/international level (being at the top)	0	4	4	14.29
2	Being a research university	0	0	0	0
3	National/international recognition in research	0	5	5	17.86
4	Education of exploring and questioning scientists	0	1	1	3.57
5	Contribution to science and technological development in the world and in our country	3	2	5	17.86
6	Having technological infrastructure and equipment	5	2	7	25.00
7	University-industry cooperation	0	0	0	0
8	Supporting entrepreneurship	0	0	0	0
9	Contribution to national development through scientific research and publications	3	3	6	21.43
10	Knowledge generation and implementation (analysis and synthesis)	0	0	0	0
	Total	11	17	28	100

Table 7. Mission and vision statements under the Public Interest Subcategory

S/ No	Public Interest Sub-category	Mission	Vision	Total	
		Freq.	Freq.	Freq.	%
1	Professional competence in the national/international area	3	3	6	16.67
2	Contribution to the economic/cultural/social/ technological development of society	4	1	5	13.89
3	Education of individuals with sense of social responsibility	2	2	4	11.11
4	Pioneering social advancement/social development	4	1	5	13.89
5	Conducting studies for human benefit	7	2	9	25.00
6	Enhancing and advancing the qualified workforce of the country	2	2	4	11.11
7	Education of environment-conscious youth	0	3	3	8.33
	Total	22	14	36	100

Table 8. Codebook for directed content analysis of mission and vision statements

S/ No	Category	Operational Definition	Example Keywords & Phrases (from the data)
1	Teaching-Training	Statements that emphasize the institution's role in pedagogy, knowledge transmission, student development, and the preparation of a skilled workforce. Focus is on the educational process and human capital development.	“provide quality education”, “produce well-trained graduates”, “teaching and learning”, “develop skilled manpower”, “inculcate leadership skills”, “foster critical thinking”, “centre of excellence in teaching”, “produce entrepreneurial graduates”, “academic excellence”
2	Scientific Research	Statements that emphasize the creation of new knowledge, innovation, discovery, research output, and the contribution to a specific academic field or science in general. Focus is on knowledge production.	“advance knowledge through research”, “promote research and innovation”, “pioneer cutting-edge research”, “contribute to scientific discovery”, “research-intensive institution”, “generate new knowledge”, “foster a culture of inquiry”, “publications in reputable journals”
3	Public Interest	Statements that emphasize community service, engagement, societal development, addressing local or national challenges, and contributing to the public good	“serve the needs of the community”, “contribute to national development”, “address societal challenges”, “community service and engagement”, “promote social advancement”,

	beyond the academy. Focus is on external impact and service.	"development of the region", "impact society positively", "respond to public needs", "forge industry partnerships for development"

NB: Coding Procedure & Rules:

1. Unit of Analysis: The entire text of a mission statement and the entire text of a vision statement were treated as separate units of analysis.
2. Coding for Themes: Each unit was read in its entirety to identify the presence of any of the three primary categories. A category was marked as "present" (coded 1) if any language in the statement matched its operational definition.
3. Multiple Coding: A single statement could be, and often was, coded for more than one category. For example, a mission stating "*to provide quality education and conduct research that solves national problems*" would be coded for Teaching-Training, Scientific Research, and Public Interest.
4. Dominant Theme for Classification: For the purpose of summary classification in Table 3 of the main manuscript, the dominant theme of the statement was determined. This was defined as the category receiving the most emphasis within the statement's rhetoric. If emphasis was equal, the statement was classified based on the primary verb or stated goal (e.g., "our mission is to teach..." vs. "our mission is to research...").

Table 9. Chi Square observation data

	Mission (Observed)	Vision (Observed)	Row Total
Teaching-Training	21	22	43
Scientific Research	11	17	28
Public Interest	22	14	36
Column Total	54	53	107

Multinomial Logistic Regression Analysis

Dependent Variable:

1. Dominant Category (Teaching-Training, Scientific Research, Public Interest)
2. Reference Category: Teaching-Training
3. Independent Variables:
4. University Type (Regular, Specialized Technology, Specialized Education, Specialized Profession, Specialized Military)
5. Geopolitical Zone (North Central, North East, North West, South East, South South, South West)
6. Founding Year Category (Old: <1980, Middle: 1980-1999, New: ⩾2000).

Table 10. Scientific Research vs Teaching-Training

Variable	Coefficient	Std Error	z-value	p-value	Odds Ratio	95% CI	Significance
Intercept	-1.099	0.707	-1.554	0.120	0.333	(0.083, 1.333)	
University Type							
Specialized Technology	2.890	1.095	2.639	0.008	18.000	(2.107, 153.800)	**
Specialized Education	-1.386	1.225	-1.131	0.258	0.250	(0.023, 2.750)	
Specialized Profession	1.099	0.953	1.153	0.249	3.000	(0.463, 19.429)	
Specialized Military	1.946	1.134	1.716	0.086	7.000	(0.756, 64.800)	~
Geopolitical Zone							
North East	0.693	0.866	0.800	0.424	2.000	(0.367, 10.909)	
North West	0.000	0.781	0.000	1.000	1.000	(0.216, 4.625)	
South East	-0.693	0.866	-0.800	0.424	0.500	(0.092, 2.727)	
South South	-0.693	0.866	-0.800	0.424	0.500	(0.092, 2.727)	
South West	0.000	0.781	0.000	1.000	1.000	(0.216, 4.625)	
Founding Year							
Middle (1980-1999)	0.693	0.781	0.887	0.375	2.000	(0.432, 9.250)	
New (≥2000)	1.386	0.866	1.600	0.110	4.000	(0.733, 21.818)	

Note: Significance levels: ***p < 0.001, *p < 0.01, p < 0.05, ~p < 0.10 (marginally significant). Blank cells indicate p ≥ 0.10 (not significant). Assume same for Table 11.
For the Odds Ratio Column:
Odds Ratio > 1: Higher likelihood of alignment with the category
Odds Ratio < 1: Lower likelihood of alignment with the category
Odds Ratio = 1: No difference in likelihood
For Confidence Intervals:
If the 95% Confidence Interval includes 1.0 for odds ratios, the effect is not statistically significant at p < 0.05

Table 11. Public Interest vs Teaching-Training

Variable	Coefficient	Std Error	z-value	p-value	Odds Ratio	95% CI	Significance
Intercept	-0.693	0.655	-1.058	0.290	0.500	(0.138, 1.806)	
University Type							
Specialized Technology	-1.386	0.953	-1.454	0.146	0.250	(0.039, 1.619)	
Specialized Education	-2.485	1.134	-2.191	0.028	0.083	(0.009, 0.766)	*
Specialized Profession	0.000	0.781	0.000	1.000	1.000	(0.216, 4.625)	
Specialized Military	-1.099	0.953	-1.153	0.249	0.333	(0.051, 2.157)	
Geopolitical Zone							
North East	0.693	0.781	0.887	0.375	2.000	(0.432, 9.250)	
North West	0.000	0.707	0.000	1.000	1.000	(0.250, 4.000)	
South East	-0.693	0.781	-0.887	0.375	0.500	(0.108, 2.313)	
South South	0.000	0.707	0.000	1.000	1.000	(0.250, 4.000)	
South West	0.693	0.781	0.887	0.375	2.000	(0.432, 9.250)	
Founding Year							
Middle (1980-1999)	0.000	0.707	0.000	1.000	1.000	(0.250, 4.000)	
New (≥2000)	0.693	0.781	0.887	0.375	2.000	(0.432, 9.250)	
Model Fit Statistics Log-likelihood: -44.82 AIC: 125.64 BIC: 175.93 McFadden's R^2: 0.289 Likelihood Ratio Test: $\chi^2(22) = 36.34$, $p = 0.027$ Overall Model Significance: $p < 0.05$							

Table 12. Classification accuracy

Actual / Predicted	Teaching-Training	Scientific Research	Public Interest	Total	Accuracy
Teaching-Training	12	2	3	17	70.6%
Scientific Research	3	10	2	15	66.7%
Public Interest	2	3	12	17	70.6%
Overall Accuracy				49/55	89.1%

Note:
Specialized Technology universities are 18 times more likely to align with Scientific Research than Teaching-Training (p = 0.008)
Specialized Education universities are 92% less likely to align with Public Interest than Teaching-Training (OR = 0.083, p = 0.028)
Specialized Military universities show a trend toward Scientific Research alignment (OR = 7.000, p = 0.086)
No significant regional or age effects were found
Model shows good predictive accuracy (89.1% overall)

Table 13. Supplementary interface audit of digital presentation

University	Format	Accessibility	Metadata/ Completeness	Navigational Path (Clicks from Homepage)
UI	HTML	Good	Complete M&V	2 (About → Mission/Vision)
UNIMAID	Combined HTML	Poor	Mission only	4+ (scattered navigation)
FUTO	PDF	Moderate	Complete but dated	3 (About → Fast Facts → PDF)
FUTMINNA	Embedded HTML	Good	Vision only	1 (Homepage footer)
FUPRE	HTML	Excellent	Complete M&V	2 (Direct “Mission & Vision” link)
NDA	HTML/PDF mix	Moderate	Complete	3 (About → Downloads → PDF)

Note:

a) Format Variability: Significant inconsistency in presentation formats:
1. HTML direct (most accessible)
2. PDF documents (creates accessibility barriers)
3. Embedded text within “About Us” (requires scanning)

- Navigational Inconsistency: Path complexity varied from 1-4+ clicks, with no standardized information architecture across institutions.
- Metadata Issues: Several sites showed outdated content (e.g., NAUST displaying old name), broken links, or incomplete statements.
- Mobile Responsiveness: Approximately 60% of sampled sites displayed adequately on mobile devices; others had formatting issues.

Table 14. International benchmark of mission and vision emphasis

University	Country	Type	Teaching -Training	Scientific Research	Public Interest	Distinctive Phrases
University of Oxford	UK	Elite research	25%	75%	0%	"world-leading research," "global impact"
Michigan State University	USA	Land-grant public	20%	20%	60%	"advancing the common good," "community engagement"
University of Cape Town	South Africa	African research leader	33%	50%	17%	"research-led excellence," "African global scholarship"
University of Nairobi	Kenya	Comprehensive public	40%	30%	30%	"national development," "leadership for Africa"
Nigerian Federal Universities (Average)	Nigeria	Public comprehensive	38.89%	22.22%	40.74%	"national development," "societal challenges," "community service"

Note: Percentages represent approximate emphasis based on content analysis of publicly available mission/vision statements.

Coder Disagreement Examples and Resolution

Coder Disagreement Examples (Anonymized)

Example 1: Boundary Case Between Teaching-Training and Public Interest

1) *Statement Excerpt*: "*...to develop ethically-grounded professionals who serve national development needs..*"
2) *Coder A*: Teaching-Training (primary emphasis on "develop professionals")
3) *Coder B*: Public Interest (primary emphasis on "serve national development")
4) *Resolution*: After discussion, coders agreed the core action was "develop professionals," making Teaching-Training dominant, with Public Interest as secondary theme.

Example 2: Scientific Research vs. Teaching-Training Ambiguity

1) *Statement Excerpt*: "*...fostering a culture of inquiry and innovation through research-infused teaching...*"

2) *Coder A*: Scientific Research ("culture of inquiry and innovation" as research-focused)

3) *Coder B*: Teaching-Training ("research-infused teaching" as pedagogical approach)

4) *Resolution:* Team determined the ultimate goal was enhanced teaching, making Teaching-Training dominant despite research language.

Example 3: Public Interest Scope Definition

1) *Statement Excerpt*: "*...contributing to technological advancement and economic growth...*"
2) *Coder A*: Public Interest (societal benefit focus)
3) *Coder B*: Scientific Research (technological advancement as research output)
4) *Resolution:* Clarified that "contributing to societal development" falls under Public Interest unless specifically tied to knowledge creation processes.

Coding Principle Reinforced: These disagreements highlighted the importance of identifying the primary rhetorical focus rather than just keyword presence, leading to refined codebook definitions that emphasized verbal emphasis and syntactic structure.

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Media Literacy Skills | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.669

Neural Network Tools in the Arsenal of a University Teacher

Andrey O. Fedorov[1] (a), Grigoriy V. Vakku[2] (b), & Simona E. Lebedeva[3] (b)

(a) National Research University Higher School of Economics (HSE University). Moscow, Russia

(b) Moscow Polytechnic University; Moscow International University. Moscow, Russia

Received: 24 June 2025 | Revised: 20 August 2025 | Accepted: 18 September 2025

Abstract

With the increasing volume of data, university faculty may spend years processing and organizing information. Personalized assistance, content recommendations, data collection for literature reviews, and bibliographic citation formatting reinforce the role of artificial intelligence and neural network tools for scholarly communication. This paper discusses practical examples of using tools such as Elicit, SciSpace, Consensus, Undermind, and Paperfinder to facilitate scientific literature searches and the writing of systematic literature reviews. The aim of the study is to explore the possibilities and limitations of neural network tools in scientific work and to develop recommendations for university teachers on their use. The study provides valuable insights into how to complement traditional literature reviews with artificial intelligence-based tools, emphasizing the importance of using them strategically according to specific research objectives.

Keywords

Systematic Literature Review; Literature Search Automation; Scholarly Communication; Publishing; Artificial Intelligence; Neural Network Tools; Natural Language Processing; Machine Learning; Application Guidelines; PRISMA

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: aofedorov[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0002-6694-2637
2 Email: vakku2006[at]rambler.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-7676-8962
3 Email: lebedeva220461[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-0238-7531

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Медийная грамотность | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.669

Нейросетевые инструменты в арсенале вузовского преподавателя

Федоров Андрей Олегович[1] (a), **Вакку Григорий Владиславович**[2] (b), **Лебедева Симона Эрнестовна**[3] (b)

(a) Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Москва, Россия

(b) Московский политехнический университет; Московский международный университет. Москва, Россия

Рукопись получена: 24 июня 2025 | Пересмотрена: 20 августа 2025 | Принята: 18 сентября 2025

Аннотация

С увеличением объемов данных преподаватель вуза может потратить годы на обработку и систематизацию информации. Персонализированная помощь, рекомендации по контенту, сбор данных для обзоров литературы и оформление библиографических ссылок укрепляют роль искусственного интеллекта как эффективного нейросетевого инструмента научной коммуникации. В данной статье рассматриваются практические примеры использования таких инструментов, как Elicit, SciSpace, Consensus, Undermind и Paperfinder, для упрощения поиска научной литературы и подготовки систематического обзора литературы. Целью исследования является изучение возможностей и ограничений нейросетевых инструментов в научной работе, а также разработка рекомендаций для преподавателей вузов по их применению. Исследование дает ценную информацию о том, как дополнить традиционный обзор литературы инструментами на основе искусственного интеллекта, подчёркивая важность их стратегического использования в соответствии с конкретными исследовательскими задачами.

Ключевые слова

систематический обзор литературы; автоматизация поиска литературы; научная коммуникация; публикации; искусственный интеллект; нейросетевые инструменты; обработка естественного языка; машинное обучение; рекомендации по применению; PRISMA

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: aofedorov[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0002-6694-2637
2 Email: vakku2006[at]rambler.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-7676-8962
3 Email: lebedeva220461[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-0238-7531

Введение

Внедрению искусственного интеллекта (далее — ИИ) способствует понимание того, как ИИ влияет на характер и масштаб обзоров литературы. Эти обзоры претерпевают фундаментальные изменения. Систематические обзоры являются важнейшим этапом в процессе трансляции знаний. Всесторонний обзор научной литературы является ключевым компонентом любого систематического обзора и должен быть полным и тщательным. Он также помогает выявить пробелы, которые можно необходимо устранить с помощью исследований.

Процедура составления систематических обзоров литературы сложна и состоит из нескольких этапов. Она включает в себя формулировку исследовательской задачи, анализ контекста, поиск литературы, отбор литературы, извлечение данных и подготовку публикации. Однако стандартный метод, используемый в систематических обзорах, в основном выполняется вручную, что приводит к трудоёмкому и длительному процессу. Поиск публикаций может быть сложным и повторяющимся, особенно когда исследователи обращаются к широко изученной или новой теме (Malysheva, Kosyakov & Guskov, 2022).

Из-за постоянно растущего объёма доступной литературы и сложности её поиска традиционные методы проведения систематических обзоров становятся менее эффективными. Потенциал поиска литературы на основе ИИ значителен, о чём свидетельствует растущее распространение ИИ в анализе данных и поиске научной литературы. Утверждается, что благодаря использованию инструментов ИИ в процессе систематического обзора срок может сократиться до впечатляюще коротких 2 недель (Clark et al., 2020). ИИ существенно поддерживает академические и исследовательские функции, которые в совокупности расширяют возможности академических исследований и научной деятельности (Khalifa & Albadawy, 2024). Тем не менее, несмотря на потенциал инструментов ИИ, существует небольшое количество публикаций, посвящённых конкретным инструментам ИИ (Dergaa et al., 2023; Ghorashi et al., 2023; Aboelmaged et al., 2024).

Учитывая большое количество доступных сервисов ИИ, направленных на анализ научных данных, преподавателям сложно определить, какие из них эффективны для решения конкретной задачи (Kittler, 2024). С учетом вышесказанного была сформулирована цель статьи — выявить возможности использования доступных в настоящее время ИИ-инструментов для поиска научных статей за счёт более широкого спектра источников и точек зрения. Дополнительным аргументом стала возможность сравнить результаты поиска в классической наукометрической базе Web of Science с приложениями, использующими ИИ.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Оценить точность результатов, полученных с помощью ИИ-инструментов, в сравнении с традиционными методами.
2. Оценить качество результатов, полученных с помощью ИИ-инструментов, в сравнении с традиционными методами.
3. Обосновать уникальность результатов, полученных с помощью инструментов на основе ИИ, по сравнению с традиционными методами.
4. Предложить рекомендации по использованию ИИ-инструментов при проведении исследований.

Методология

Методологическую базу исследования составили три группы источников. Первая группа — публикации, посвящённые изучению вопросов составления систематических обзоров литературы (Кулакова, Настаушева & Кондратьева, 2021; Раицкая & Тихонова, 2020; Шленская & Хорохорина, 2021). Стратегия поиска имеет решающее значение для выявления релевантных исследований, которые можно включить в систематические обзоры. Такая стратегия предполагает тщательный выбор подходящих баз данных, применение соответствующих ключевых слов, а также выполнение систематического поиска для получения широкого спектра доказательств, связанных с темой исследования. Ознакомление с поисковой стратегией позволяет заинтересованным читателям обзора оценить полноту охвата предметной области и воспроизвести поиск (Malysheva, Kosyakov & Guskov, 2022). Эти заранее определённые критерии помогают оценить релевантность статей на этапе отбора исследований, гарантируя, что выбранные исследования соответствуют целям обзора и содержат необходимую информацию для изучения исследовательского вопроса. Кроме того, метод «снежного кома» в основном применяется для выявления дополнительных релевантных статей, которые могли быть пропущены при первоначальном поиске литературы. Метод «снежного кома» можно использовать, собирая статьи из списков литературы (в обратном направлении) и цитирования (в прямом направлении) по включённым исследованиям (Claes, 2024; Ting et al., 2025).

Вторая группа источников охватывает вопросы, связанные с использованием ИИ-инструментов непосредственно в ходе проведения исследований. С развитием технологий и чат-ботов (Моисеева, 2024) появляется всё больше возможностей для автоматизации процесса написания систематического обзора с помощью альтернативных методов, которые позволяют оптимизировать процесс, экономя время и средства, а также устраняя неопределённость, возникающую из-за человеческого фактора. В отличие от людей, ИИ никогда не будет пропускать данные из-за усталости или отвлекаться, обеспечивая воспроизводимые результаты, если входные данные предоставлены тщательно и корректно. Инструменты на основе ИИ упрощают этот процесс, позволяя

авторам быстро получать доступ к статьям, имеющим отношение к их исследовательскому вопросу. Например, и Consensus, и Elicit позволяют исследователям задать вопрос и получить ответ от ИИ в виде статей, посвящённых этому вопросу, с кратким изложением информации, относящейся к исследовательскому вопросу (Fabiano et al., 2024). Это может служить полезной отправной точкой для составления обзора литературы, а также позволяет авторам определить, был ли уже дан ответ на их исследовательский вопрос в существующей литературе.

В работе Marshall & Wallace (2019) отмечается, что этап отбора и подбора литературы является одним из наиболее изученных и заметных в обзорах литературы с помощью ИИ. Дискуссии о качестве и точности при использовании ИИ для поиска литературы (Qamar et al., 2021) подчёркивают важность критической оценки результатов и прозрачности алгоритмов.

Третья группа источников связана с использованием ИИ-инструментов при принятии решений об их использовании в научных исследованиях. Здесь следует отметить работы (Кузнеченко, 2024; Aleessawi & Alzubi, 2024; Burger et al., 2023). Систематический обзор литературы актуален практически во всех дисциплинах. Поскольку систематический поиск требует высокой точности, полнота обзора литературы часто зависит от доступных ресурсов в виде времени и усилий. Это ещё больше повышает важность тщательности и точности при поиске литературы и оправдывает стремление улучшить этот процесс с помощью ИИ. Качественный научный поиск требует внимания к экспертности авторов, строгого отбора по релевантности, анализу аргументации и корректности цитирования. Современные ИИ-инструменты могут существенно ускорить обработку больших массивов данных и выявить скрытые взаимосвязи между публикациями, но только в сочетании с экспертной проверкой это обеспечивает высокий уровень научной добросовестности и достоверности результатов (Сергеев и др., 2024).

Несмотря на имеющиеся публикации, анализирующие различные источники данных, можно отметить, что в современной научной литературе сравнительный анализ ИИ-инструментов недостаточен, а освещаются лишь отдельные аспекты их использования. В ответ на это в данном исследовании проводится анализ наиболее популярных среди российских исследователей ИИ-инструментов для поиска научных статей. В таком контексте, как показывает проведённый обзор источников, до настоящего времени подобных исследований не проводилось.

Table 1. AI tools selected for analysis (source: compiled by the authors)

Таблица 1. ИИ инструменты, отобранные для проведения анализа (источник: составлено авторами)

ИИ инструмент	Владелец / страна	Язык	Объем контента	Охватываемый период	Форматы выгрузки
Elicit (www.elicit.com)	Ought / США	Английский	125 млн научных статей (Semantic Scholar и др.), лимиты на обработку PDF зависят от тарифа (от 20 до 300 PDF в месяц)	Современные публикации, охват зависит от базы Semantic Scholar с начала 2000-х годов и по настоящее время, но точные временные рамки зависят от полноты базы данных	TXT, BibTeX, RIS
SciSpace (www.typeset.io)	Typeset / Индия	75+ языков	280 млн научных статей, поддержка загрузки и анализа PDF, генерация и перевод контента	Современные публикации, охват зависит от базы данных SciSpace	CSV, Excel, BibTeX, XML, RIS
Consensus (https://consensus.app)	Consensus / США	Поиск на 100+ языках, ИИ-функции на 31 языке	Доступ к крупнейшим научным базам (более чем 200 млн статей из базы Semantic Scholar), точный объем не раскрывается публично	Современные публикации, широкий охват научных журналов	CSV, RIS
Undermind (https://app.undermind.ai)	MIT / США	Английский	Доступ к обширной научной базе, подробные обзоры, сохранение истории поиск	Современные публикации, с возможностью просмотра хронологии статей	CSV, BibTeX, RIS
Paperfinder (https://paperfinder.allen.ai/)	Allen Institute / США	Английский	Данные Semantic Scholar (более 200 млн статей), поиск и фильтрация научных работ	Современные публикации, охват Semantic Scholar с начала 2000-х годов и по настоящее время, но точные временные рамки зависят от полноты базы данных	BibTeX, JSON, Markdown

Исследование включало три этапа. На первом этапе был проведён отбор пяти наиболее популярных среди российских исследователей ИИ-инструментов (таблица 1). Основными критериями отбора выступали:

- открытый доступ (наличие бесплатной подписки);
- свободный доступ на территории Российской Федерации;
- возможность выгрузки данных;

- наличие и разнообразие фильтров.

На втором этапе исследования был проведён сравнительный анализ результатов поиска по теме: «Каков текущий статус внедрения цифровых технологий в библиотечную сферу?». Базой сравнения результатов поиска выступила наукометрическая база данных Web of Science. При поиске в Web of Science изначально было найдено 213 статей. После проверки заголовков 113 статей были исключены из списка. Из оставшихся 100 статей только 41 статья была отобрана для оценки на предмет соответствия критериям полнотекстового анализа после проверки аннотаций.

В статьях обсуждается использование цифровых технологий (например, программного обеспечения, оборудования, онлайн-платформ) в библиотечной среде, включая описание конкретных используемых технологий или обсуждение общей тенденции внедрения технологий в библиотеках. Они посвящены текущему состоянию внедрения, включая прогресс, проблемы, успехи и неудачи, связанные с внедрением цифровых технологий в библиотеках (статья описывает «как» внедряются технологии, а не только «какие» технологии доступны). В итоге было отобрано 31 релевантная публикация.

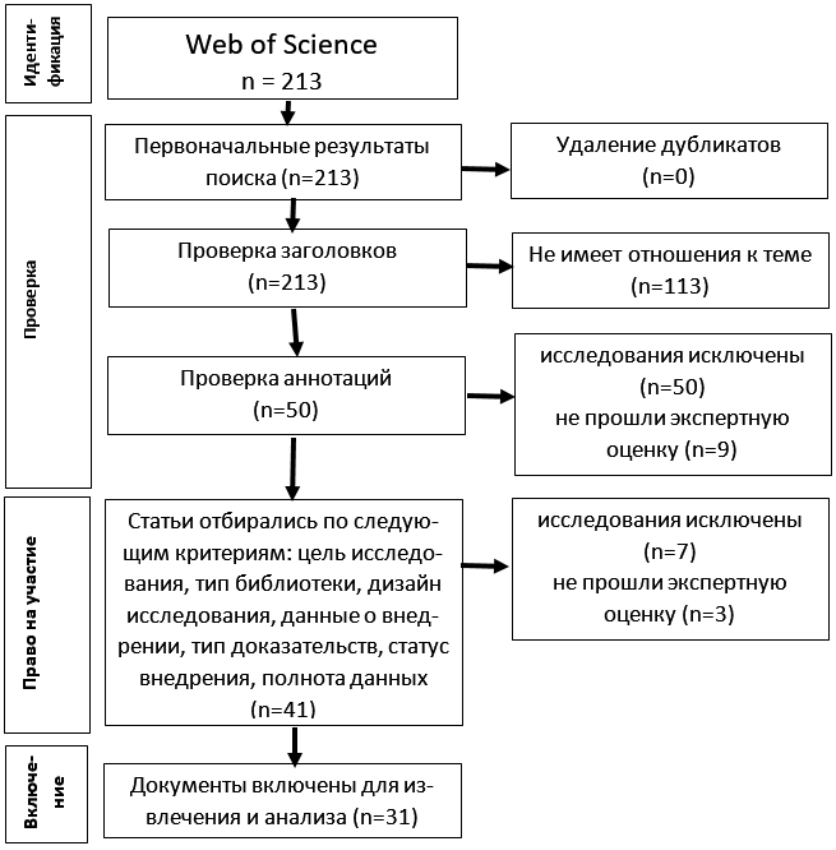

Рисунок 1. Блок-схема PRISMA процесса отбора и включения исследований

Figure 1. PRISMA flowchart of the study selection and inclusion process

В случае с базой Web of Science в поиске мы использовали ключевые слова (“digital technology” OR “digital transformation”) AND libraries AND (implementation OR adoption OR integration), а при работе с ИИ задавали соответствующий вопрос на естественном языке (What is the current status of digital technology implementation in the library sector?). Это связано с тем, что приложения на основе ИИ реагируют на запросы, а не работают на основе механизмов поиска по ключевым словам.

Мы оценивали все найденные статьи с точки зрения (1) точности, (2) качества и (3) уникальности. Точность публикации определяли путём анализа заголовков и аннотаций и установления того, соответствует ли статья основному исследовательскому вопросу. Тремя независимыми экспертами оценивалась точность по бинарной шкале: каждому документу присваивалась одна из двух оценок — релевантно (1) или нерелевантно (0), что фиксировалось в таблице. Пример записи эксперта представлен в таблице 2.

Table 2. Example of an expert's record Таблица 2. Пример записи эксперта

Заголовок	Аннотация	Оценка эксперта
Технологии искусственного интеллекта в информационно-библиотечных системах	Эффективность инновационной научной и образовательной деятельности во многом зависит от технологий библиотечной отрасли, в том числе современных информационно-библиотечных систем. Академические и научные библиотеки внедряют новые технологии, стремясь улучшить качество своих услуг. Искусственный интеллект (ИИ) – одна из ключевых технологий цифровой трансформации библиотечной индустрии. Исследование направлено на выявление тенденций применения ИИ в информационно-библиотечных сервисных технологиях.	1
Development of Secured Smart Display for Art Industry	There exists a yawning gap in the information base on the Art Industry. It is particularly worrisome against the fact that there is noticeable development with the mode of transmission of art. However, this development doesn’t include traditional artists who do not have access modern materials for exhibiting their art. This study designs an application of digital technology and its design and implementation, which is proposed to bridge the gap present in the Art Industry.	0
Digital Transformation for Academic Libraries: An Opportunities and Challenges	In a world in which the digital transformation is asserting itself with increasing impact, higher education and academic libraries do not escape this reality and have been playing an important role in supporting teaching and learning, contributing, through different means, for the training of students. The factors of information management and information use were presented as affecting a university's institutional readiness for the new	1

	requirements of digital transformation from the perspective of governance issues. The big challenge with digital transformation is 'how fast and how far should organizations go on their digital transformation path'. Digital transformation journey is complicated and involves varied objectives, complexities, and covers a vast area. It requires a coherent and well - organized digital strategy to effectively address technology and process transformation together with supporting governance and delivery models.	
Цифровизация как тренд библиотечного развития	Цель статьи – ввести в научный оборот результаты научно-исследовательской работы, начатой Российской государственной библиотекой в 2019 г. и направленной на выявление, анализ и характеристику процессов цифровизации общедоступных библиотек РФ, прогнозирование перспектив их развития. В ходе первых двух этапов этого научного проекта было синтезировано определение понятия «библиотечная цифровизация», изучено содержание библиотечной цифровизации, выявлены ее направления, проанализированы формы и области применения новых информационных технологий в практике библиотек.	1

Для исключения субъективности и случайности привлекалось нечетное количество экспертов. Итоговая оценка точности публикаций представлена в виде доли статей, классифицированных как релевантные запросу, на основе бинарной экспертной оценки.

Для каждой нейронной сети был задан одинаковый промпт:

> "Look for a set of papers. Content criteria: Search for 'digital technology implementation in the library sector'. To be considered relevant, the paper's content must satisfy: Digital Technology in Libraries: The paper discusses the use of digital technologies (e.g., software, hardware, online platforms) within library settings. This includes descriptions of specific technologies being used, or discussions of the general trend of technology adoption in libraries. Implementation Status: The paper focuses on the current state of implementation, including progress, challenges, successes, and failures related to digital technology adoption in libraries. It should describe the 'how' of implementation, not just the 'what' technologies are available. Library Sector Focus: The paper specifically addresses the library sector (public, academic, special libraries, etc.) and not just general technology trends. The discussion of digital technology implementation must be within the context of libraries and their specific needs and challenges".

При проверке качества мы оценивали, были ли найденные нами статьи опубликованы в журналах уровня Q1 и Q2 в соответствии с рейтингом журналов SJR Ranking (2024). Уникальность оценивали, проверяя, не встречается ли статья, найденная в анализируемых ИИ-приложениях, в результатах поиска другого приложения.

На завершающем этапе были сделаны выводы о преимуществах и ограничениях ИИ-инструментов, а также возможностях их использования преподавателями вузов в исследовательском процессе.

Результаты

Поскольку большинство разработчиков технологий машинного обучения не предоставляют исходный код или что-то подобное для описания ИИ, преподаватели вузов должны быть внимательны при составлении систематических обзоров.

> Consensus позволяет пользователям легко фильтровать по году, авторитетности журнала, размеру выборки или типу исследования (мета-анализ, контролируемые исследования и т. д.). Как следует из названия, Consensus сосредоточен на «извлечении утверждений», чтобы синтезировать результаты для исследовательских вопросов. Elicit углубляется в детали и позволяет пользователям сравнивать исследовательские методы и размеры выборок, а также быстро находить все предыдущие исследования, использующие конкретную теорию или метод, смещает акцент с поиска отдельных публикаций на комплексный анализ тематических исследований. SciSpace интегрирует функции поиска, чтения и анализа научных текстов в единую платформу, упрощая работу с научной литературой. Объединяются разрозненные этапы научной работы в единый процесс и получаем уникальную возможность не только обеспечивать доступ к информации, но и содействовать ее пониманию, интерпретации и использованию. Undermind сосредоточен на критической оценке научной литературы, помогая выявлять методологические проблемы и предвзятость в публикациях. Добавляет измерение критического анализа к традиционному поиску (Федоров & Ананьев, 2026, с. 46-47).

Paperfinder (точнее, Ai2 Paper Finder) — это интеллектуальная система поиска научных публикаций, построенная на использовании больших языковых моделей (LLM) для того, чтобы помочь исследователям находить релевантные статьи по сложным запросам. Ресурс имитирует процесс исследования, позволяя обнаруживать труднодоступные статьи через семантический поиск, который выявляет связи между работами, даже если они не содержат одинаковых ключевых слов.

Использование ИИ-инструментов позволяет поддерживать стандартизированные методы поиска, отбора и анализа литературы, что минимизирует предвзятость и повышает воспроизводимость результатов (Федоров, 2024). Такой поиск отличается от традиционных академических поисковых систем тем, что пытается воспроизвести естественный процесс исследования, который используют учёные. Вместо того чтобы полагаться исключительно на совпадение ключевых слов или показатели цитируемости, система использует многоэтапный подход, который включает в себя анализ запросов, отслеживание цитирований и оценку релевантности с точки зрения того, как исследователи обычно проводят обзор литературы.

В таблице 2 представлены сравнительные результаты поиска. Из-за разного количества результатов поиска в разных приложениях мы приняли решение оценивать только 10 лучших статей. Это связано с тем, что в бесплатных версиях имеются ограничения на выдачу результатов поиска: например, мы можем получить лишь десять статей в Elicit.

Table 3. Comparative results / Таблица 3. Сравнительные результаты

Инструмент поиска	Количество найденных статей	Время поиска	Точность поиска	Доля ранжированных результатов (качество)	Доля уникальности результатов
Elicit	10 (ограничение по тарифу)	10 мин.	70%	50%	80%
SciSpace	263	3 мин.	40%	0%	40%
Consensus	219	2 мин.	40%	10%	20%
Undermind	204	6 мин.	60%	60%	80%
PaperFinder	74	2 мин.	40%	20%	40%
Web of Science	213	2 мин.	80%	70%	80%

Мы видим, что поиск в наукометрической базе с использованием классических подходов вносит значительный вклад в повышение точности и уникальности результатов. Примечательно, что Web of Science с небольшим отрывом занимает первое место по результатам тестирования.

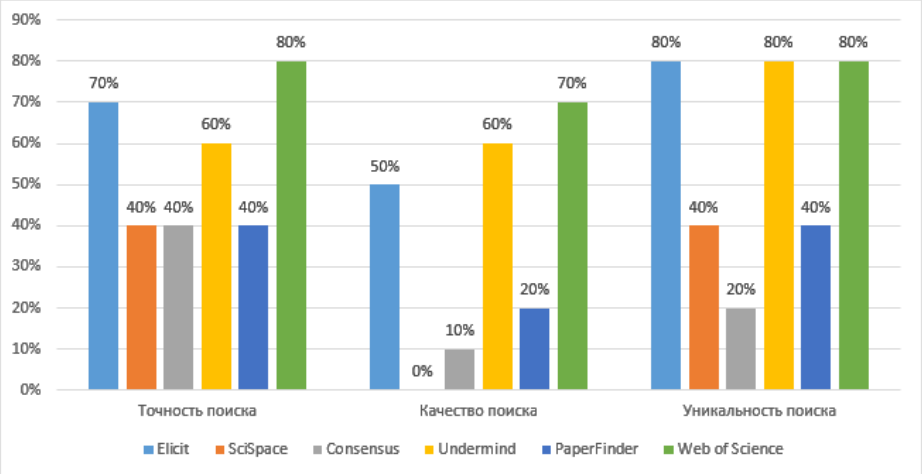

Рисунок 2. Процентное соотношение по трем ключевым параметрам

Figure 2. Percentage by three key parameters

Что касается инструментов на основе ИИ, то результаты точности показывают приемлемые показатели: 70% для Elicit и 60% для Undermind. Использование продвинутых NLP-алгоритмов и фокус на узкоспециализированных запросах обеспечивают точность даже в узких дисциплинах. Если же анализировать уникальность поиска, то инструменты Elicit и Undermind показывают самые высокие показатели. Это указывает на то, что ИИ-инструмент может помочь найти источники, ранее не рассматривавшиеся в исследованиях. Во-первых, значительная часть таких публикаций — материалы конференций, которые традиционно представлены в отдельных специализированных сборниках и редко индексируются в WoS. Примерами таких источников являются материалы из сборников конференций International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology ("Enhancing Library Services through Digital Cataloging Techniques", DOI: 10.48175/IJARSCT-12989) и International Conference on Advances in Computing, Communication and Applied Informatics ("Applications of Cloud Computing in Academic Libraries", DOI: 10.1109/ACCAI61061.2024.10601745), источники которых часто содержат актуальные исследования. Во-вторых, уникальность источников обусловлена публикациями в авторитетных специализированных библиотечных журналах, таких как Information Technology and Libraries, Digital Library Perspectives и Journal of Information Science, которые также отсутствуют в текущем поисковом результате Web of Science. Это связано с ограничениями индексации и выбором журналов, включённых в базу. Elicit — оптимален для задач, где критична релевантность (например, систематические обзоры). Consensus, Undermind и SciSpace могут быть полезны для поиска нишевых работ или анализа цитирований, но их результаты требуют строгой верификации.

Отвечая на вопрос «Какова точность результатов, полученных с помощью инструментов на основе ИИ, по сравнению с традиционными методами?», можно сказать, что классические методы поиска источников немного лучше, чем методы с использованием ИИ. Результаты поиска в Web of Science дают более точные результаты. Отвечая на вопрос «Каково качество результатов, полученных с помощью инструментов на основе ИИ, по сравнению с традиционными методами?», можно сказать, что Web of Science лидирует по качеству найденных источников. Из ИИ-инструментов по качеству найденных публикаций лидируют Undermind (60%) и Elicit (50%). В SciSpace и Consensus в основном представлены материалы конференций. Таким образом, можно предположить, что низкое качество результатов поиска в SciSpace, Consensus и PaperFinder объясняется тем, что они опираются на данные базы Semantic Scholar и ориентированы на максимальный охват и открытость, а не на строгий экспертный отбор и селективность. Это приводит к большому количеству нерелевантных или менее авторитетных публикаций в выдаче, в отличие от Web of Science, где качество обеспечивается многоступенчатой ручной экспертизой и строгими стандартами индексирования.

Ответ на вопрос «Какова уникальность результатов, полученных с помощью инструментов на основе ИИ, по сравнению с традиционными методами?» неоднозначен. Уровень уникальности в традиционном приложении и приложениях, поддерживаемых ИИ (Elicit и Undermind), — 80%. В приложениях SciSpace, Consensus и PaperFinder эти показатели с трудом доходят до 40%, что связано с тем, что данные сервисы используют одну и ту же открытую базу данных (Semantic Scholar), а их алгоритмы зачастую возвращают схожие или даже идентичные статьи, особенно по популярным темам. ИИ-модели часто ориентируются на широко цитируемые, «основные» публикации, что усиливает эффект “rich get richer” — они повторно рекомендуют одни и те же ключевые статьи, упуская менее известные или альтернативные источники.

Обсуждение

Результаты показывают, что традиционные инструменты поиска литературы, в частности Web of Science, по-прежнему превосходят инструменты на основе ИИ с точки зрения точности и качества. Это согласуется с более ранними данными о том, что традиционные инструменты баз данных, связанные с процедурами систематического обзора литературы, такими как PRISMA, известны своей строгой методологией и надёжностью (Moher et al., 2009). Поиск в литературе должен быть максимально точным, поскольку он, согласно И. Г. Ольгиной (2023), позволяет повысить эффективность решения множества прикладных задач. Тем не менее, несмотря на то что Elicit и Undermind демонстрируют более низкое качество найденной литературы, они действительно обладают большим потенциалом в выявлении редких источников, которые не попадают в поле зрения исследователя. Consensus структурирует ответы (Да/Нет/Возможно), даёт краткие резюме и ссылки на источники. SciSpace готовит краткие и структурированные обзоры. Поиск по естественному языку с помощью ИИ позволяет находить скрытые закономерности и связи, которые не так просто выявить с помощью традиционного поиска по ключевым словам. Именно здесь на помощь приходят решения на основе ИИ, которые поддерживают традиционный процесс рецензирования и позволяют интегрировать в процесс исследования результаты, которые могут быть очень обширными.

Эффективность систем ИИ заключается в их алгоритмах, которые различаются по степени уникальности результатов. Однако полученные результаты не доказывают, что ИИ лучше находит уникальную литературу, чем обычный поиск. Такое ограничение возникает из-за сложности алгоритмов и нестабильного качества источников данных. Некоторые важные моменты, связанные с алгоритмами ИИ, касаются качества и объёма входных данных. Любой недостаток во входных данных может снизить релевантность и качество результатов.

ИИ-сервисы не заменяют, а дополняют возможности Web of Science, обеспечивая доступ к широкому спектру научной литературы за счет преодоления структурных ограничений покрытия (индексируются материалы конференций, препринты, книги и большинство региональных журналов), технологических преимуществ (понимаются запросы на естественном языке, используются семантический поиск и векторные представления), расширенного покрытия (возможно включение «серой литературы») и дополнительных аналитических инструментов (включая индексирование новых источников в реальном времени). Различия в эффективности инструментов ИИ и традиционных подходов к систематическому поиску литературы — особенно в отношении точности и качества — говорят о том, что для более эффективного использования данных требуются более сложные алгоритмы и стратегии. Это будет достигнуто за счёт более интенсивной работы с данными, а также за счёт дальнейшего совершенствования ИИ и машинного обучения, что может постепенно сократить разрыв с традиционными инструментами.

Исследование показывает, что технологии на основе ИИ обладают значительным потенциалом для выявления уникальной литературы, которую традиционные методы могут упустить из виду. Эффективность Elicit и Undermind особенно примечательна тем, что они выявляют уникальные результаты поиска. Этот вывод подчёркивает важность методов ИИ для расширения поиска в литературе, что может привести к открытию новых идей и точек зрения, которые могут улучшить анализ.

Исследование дает ценную информацию о том, как дополнить традиционные обзоры литературы инструментами на основе ИИ, подчеркивая важность их стратегического использования в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. Наконец, эффективность любого инструмента на основе ИИ зависит от того, насколько хорошо его может использовать пользователь.

Выводы и рекомендации для преподавателей вузов

Результаты исследования показывают, что между традиционными и основанными на ИИ методами больше различий, чем сходств, и демонстрируют полезность сочетания показателей, ориентированных как на точность, так и на релевантность, что отражено в теории алгоритмов и теории зависимости от данных. Сходства заключаются в основном в том, что все протестированные приложения используются для поиска научной литературы. Различия заключаются в том, что инструменты на основе ИИ лучше справляются с задачей уникальности, но хуже — с задачей качества.

Исследуемые инструменты демонстрируют более низкую эффективность, чем традиционные подходы, в плане точного определения релевантных статей. Тем не менее они хорошо выявляют статьи, которые иначе не были бы обнаружены традиционными методами, и значительно улучшают стандартные

методы поиска. Будущее поиска литературы, по-видимому, связано с сочетанием ИИ и традиционных методологий.

Преподаватели вузов по-прежнему должны в первую очередь пользоваться традиционными библиографическими базами данных, например, Web of Science, Scopus, Dimensions, Semantic Scholar, The Lens, OpenAlex. Сервисы на основе ИИ могут стать ценным дополнением к ним, особенно при поиске уникальных публикаций.

Благодаря своей способности эффективно обрабатывать запросы инструменты на основе ИИ могут способствовать более широкому внедрению систематического поиска литературы в практических условиях. Используя ИИ-инструменты, вузовские преподаватели теперь могут эффективно получать доступ к соответствующей литературе, что расширяет их доступ к научным знаниям. Несмотря на высокую оценку технологий, использующих ИИ, эти технологии не могут полностью заменить традиционные процессы (Незнамов, 2024).

Заключение

В заключение отметим, что область ИИ продолжает стремительно развиваться и совершенствоваться, открывая новые возможности для научного поиска и анализа литературы. Однако, несмотря на впечатляющие достижения современных ИИ-инструментов, крайне важно помнить о необходимости критического отношения к их результатам. Ответственность за корректность и достоверность выводов, полученных с помощью больших языковых моделей, всегда лежит на исследователе. В условиях постоянных изменений и появления новых вызовов в сфере ИИ исследователь должен проявлять осторожность, тщательно проверять и верифицировать полученные данные, а также учитывать ограничения используемых технологий. Такой подход позволит не только повысить качество научных работ, но и обеспечить их соответствие высоким стандартам академической честности.

Проведённое исследование дает ценную информацию о том, как дополнить традиционные обзоры литературы инструментами на основе ИИ, подчеркивая важность их стратегического использования в соответствии с конкретными исследовательскими задачами. Наконец, эффективность любого инструмента на основе ИИ зависит от того, насколько хорошо его может использовать пользователь.

Основное ограничение исследования — относительно небольшая выборка. Более масштабное исследование позволило бы сделать более точные выводы и выявить важные тенденции в этой области. В будущем авторы планируют расширение выборки.

Данная работа имеет как практическое, так и научное значение. Во-первых, это одно из немногих эмпирических исследований, охватывающих часть академического сообщества и затрагивающих использование ИИ

в научной работе. Во-вторых, это одно из немногих исследований, в которых проводится сравнение традиционных баз данных и инструментов ИИ в контексте работы вузовских преподавателей.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Андрей Олегович Федоров: концептуализация, разработка методологии исследования, работа с программным обеспечением, написание – подготовка черновика рукописи.

Григорий Владиславович Вакку: курирование данных, визуализация, проведение исследования.

Симона Эрнестовна Лебедева: валидация данных, визуализация, написание – рецензирование и редактирование рукописи.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Авторы данной работы выражают благодарность рецензентам за профессиональную экспертизу и конструктивные рекомендации, способствовавшие повышению качества настоящей публикации.

Список литературы

Aboelmaged, M., Bani-Melhem, S., Ahmad Al-Hawari, M., & Ahmad, I. (2025). Conversational AI Chatbots in library research: An integrative review and future research agenda. *Journal of Librarianship and Information Science*, 57(2), 331–347. https://doi.org/10.1177/09610006231224440

Aleessawi, N. A. K., & Alzubi, S. F. (2024). The Implications of Artificial Intelligence (AI) on the Quality of Media Content. *Studies in Media and Communication*, 12(4), 41. https://doi.org/10.11114/smc.v12i4.7058

Burger, B., Kanbach, D. K., Kraus, S., Breier, M., & Corvello, V. (2023). On the use of AI-based tools like ChatGPT to support management research. *European Journal of Innovation Management*, 26(7), 233–241. https://doi.org/10.1108/EJIM-02-2023-0156

Clark, J., Glasziou, P., Del Mar, C., Bannach-Brown, A., Stehlik, P., & Scott, A. M. (2020). A full systematic review was completed in 2 weeks using automation tools: A case study. *Journal of Clinical Epidemiology*, 121, 81–90. https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2020.01.008

Dergaa, I., Chamari, K., Zmijewski, P., & Ben Saad, H. (2023). From human writing to artificial intelligence generated text: Examining the prospects and potential threats of ChatGPT in academic writing. *Biology of Sport*, 40(2), 615–622. https://doi.org/10.5114/biolsport.2023.125623

Fabiano, N., Gupta, A., Bhambra, N., Luu, B., Wong, S., Maaz, M., Fiedorowicz, J. G., Smith, A. L., & Solmi, M. (2024). How to optimize the systematic review process using AI tools. *JCPP Advances*, 4(2), e12234. https://doi.org/10.1002/jcv2.12234

Ghorashi, N., Ismail, A., Ghosh, P., Sidawy, A., & Javan, R. (2023). AI-Powered Chatbots in Medical Education: Potential Applications and Implications. *Cureus*. https://doi.org/10.7759/cureus.43271

Khalifa, M., & Albadawy, M. (2024). Using artificial intelligence in academic writing and research: An essential productivity tool. *Computer Methods and Programs in Biomedicine Update*, 5, 100145. https://doi.org/10.1016/j.cmpbup.2024.100145

Kittler, H. (2024). Will AI revolutionize literature reviews? *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*, 38(12), 2213–2214. https://doi.org/10.1111/jdv.20354

Malysheva, A. V., Kosyakov, D. V., & Guskov, A. E. (2022). Methodology for selecting publications for scientific reviews. *Scientific and Technical Libraries*, 11, 56–81. https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-11-56-81

Marshall, I. J., & Wallace, B. C. (2019). Toward systematic review automation: A practical guide to using machine learning tools in research synthesis. *Systematic Reviews*, 8(1), 163, s13643-019-1074–1079. https://doi.org/10.1186/s13643-019-1074-9

Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., Altman, D. G., & the PRISMA Group*. (2009). Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement. *Annals of Internal Medicine*, 151(4), 264–269. https://doi.org/10.7326/0003-4819-151-4-200908180-00135

Qamar, Y., Agrawal, R. K., Samad, T. A., & Chiappetta Jabbour, C. J. (2021). When technology meets people: The interplay of artificial intelligence and human resource management. *Journal of Enterprise Information Management*, 34(5), 1339–1370. https://doi.org/10.1108/JEIM-11-2020-0436

Ting, H., Memon, M. A., Thurasamy, R., & Cheah, J.-H. (2025). Snowball Sampling: A Review and Guidelines for Survey Research. *Asian Journal of Business Research*, 15(1), 1–15. https://doi.org/10.14707/ajbr.250186

Wohlin, C. (2014). Guidelines for snowballing in systematic literature studies and a replication in software engineering. *Proceedings of the 18th International Conference on Evaluation and Assessment in Software Engineering*, 1–10. https://doi.org/10.1145/2601248.2601268

Кузнеченко, И. М. (2024). Риски организации и реализации процесса принятия решений на основании аналитики больших данных и искусственного интеллекта. *Государственное управление. Электронный вестник*, 104, 162–180. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104-2024-162-180

Кулакова, Е. Н., Настаушева, Т. Л., & Кондратьева, И. В. (2021). Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoping review: История, теория и практика. *Вопросы современной педиатрии*, 20(3), 210–222. https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271

Моисеева, Н. А. (2024). Чат-боты как один из трендов цифровизации библиотечного сервиса. *Научные и технические библиотеки*, 12, 120–138. https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-120-138

Незнамов, А. В. (2024). *Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта*. Nova Creative Group. https://ethics.a-ai.ru/white-book

Ольгина, И. Г. (2023). Методика сетевого анализа научных публикаций. *Электронные библиотеки*, 26(5), 646–672. https://doi.org/10.26907/1562-5419-2023-26-5-646-672

Раицкая, Л. К., & Тихонова, Е. В. (2020). Обзор обзоров как инструмент выявления трендов в исследуемой области знания. *Высшее образование в России*, 29(3), 37–57. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-37-57

Сергеев, А. А., Чукарин, А. В., Налетов, А. Д., & Прокофьев, Н. А. (2024). Современные подходы к автоматизации процесса экспертизы ИИ-решений. В *Технологии информационного общества. Сборник трудов XVIII Международной отраслевой научно-технической конференции «Технологии информационного общества». (27-28 февраля 2024 г. Москва,* МТУСИ (сс. 219–221). МТУСИ.

Тургель, И. Д., & Чернова, О. А. (2024). Открытые библиографические базы данных: В поисках альтернативы Scopus и Web of Science. *Экономика науки*, 10(3), 34–51. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-34-51

Федоров, А. О. (2024). Библиотека будущего: Как искусственный интеллект трансформирует доступ к знаниям. *IT-News*, 6, 18.

Федоров, А. О., & Ананьев, А. В. (2026). *Библиотеки и генеративный ИИ: от первых шагов до продвинутых решений: Практическое пособие*. КноРус.

Шленская, Н. М., & Хорохорина, Г. А. (2021). Систематический обзор и особенности его написания. *Хранение и переработка сельхозсырья*, 1, 8–13. https://doi.org/10.36107/spfp.2021.182

References

Aboelmaged, M., Bani-Melhem, S., Ahmad Al-Hawari, M., & Ahmad, I. (2025). Conversational AI Chatbots in library research: An integrative review and future research agenda. *Journal of Librarianship and Information Science*, 57(2), 331–347. https://doi.org/10.1177/09610006231224440

Aleessawi, N. A. K., & Alzubi, S. F. (2024). The Implications of Artificial Intelligence (AI) on the Quality of Media Content. *Studies in Media and Communication*, 12(4), 41. https://doi.org/10.11114/smc.v12i4.7058

Burger, B., Kanbach, D. K., Kraus, S., Breier, M., & Corvello, V. (2023). On the use of AI-based tools like ChatGPT to support management research. *European Journal of Innovation Management*, 26(7), 233–241. https://doi.org/10.1108/EJIM-02-2023-0156

Clark, J., Glasziou, P., Del Mar, C., Bannach-Brown, A., Stehlik, P., & Scott, A. M. (2020). A full systematic review was completed in 2 weeks using automation tools: A case study. *Journal of Clinical Epidemiology*, *121*, 81–90. https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2020.01.008

Dergaa, I., Chamari, K., Zmijewski, P., & Ben Saad, H. (2023). From human writing to artificial intelligence generated text: Examining the prospects and potential threats of ChatGPT in academic writing. *Biology of Sport*, 40(2), 615–622. https://doi.org/10.5114/biolsport.2023.125623

Fabiano, N., Gupta, A., Bhambra, N., Luu, B., Wong, S., Maaz, M., Fiedorowicz, J. G., Smith, A. L., & Solmi, M. (2024). How to optimize the systematic review process using AI tools. *JCPP Advances*, 4(2), e12234. https://doi.org/10.1002/jcv2.12234

Fedorov, A. O. (2024). The Library of the Future: How Artificial Intelligence Is Transforming Access to Knowledge. *IT-News*, 6, 18. (In Russian).

Fedorov, A. O., & Ananev, A. V. (2026). *Libraries and Generative AI: From First Steps to Advanced Solutions: A Practical Guide*. KnoRus. (In Russian).

Ghorashi, N., Ismail, A., Ghosh, P., Sidawy, A., & Javan, R. (2023). AI-Powered Chatbots in Medical Education: Potential Applications and Implications. *Cureus*. https://doi.org/10.7759/cureus.43271

Khalifa, M., & Albadawy, M. (2024). Using artificial intelligence in academic writing and research: An essential productivity tool. *Computer Methods and Programs in Biomedicine Update*, 5, 100145. https://doi.org/10.1016/j.cmpbup.2024.100145

Kittler, H. (2024). Will AI revolutionize literature reviews? *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*, 38(12), 2213–2214. https://doi.org/10.1111/jdv.20354

Kulakova, E. N., Nastausheva, T. L., & Kondratjeva, I. V. (2021). Scoping Review Methodology: History, Theory and Practice. *Current Pediatrics*, 20(3), 210–222. https://doi.org/10.15690/vsp.v20i3/2271 (In Russian).

Kuznechenko, I. M. (2024). Risks of Decision-Making Organization and Implementation Based on Big Data Analytics and Artificial Intelligence. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 104, 162–180. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104-2024-162-180 (In Russian).

Malysheva, A. V., Kosyakov, D. V., & Guskov, A. E. (2022). Methodology for selecting publications for scientific reviews. *Scientific and Technical Libraries*, 11, 56–81. https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-11-56-81

Marshall, I. J., & Wallace, B. C. (2019). Toward systematic review automation: A practical guide to using machine learning tools in research synthesis. *Systematic Reviews*, 8(1), 163, s13643-019-1074–1079. https://doi.org/10.1186/s13643-019-1074-9

Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., Altman, D. G., & the PRISMA Group*. (2009). Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement. *Annals of Internal Medicine*, 151(4), 264–269. https://doi.org/10.7326/0003-4819-151-4-200908180-00135

Moiseeva, N. A. (2024). Chatbots as a trend in library service digitalization. *Scientific and Technical Libraries*, 12, 120–138. https://doi.org/10.33186/1027-3689-2024-12-120-138 (In Russian).

Neznamov, A. V. (2024). *White Book of ethics in artificial intelligence*. Nova Creative Group. https://ethics.a-ai.ru/white-book (In Russian).

Olgina, I. G. (2023). Methodology of Network Analysis of Scientific Publications. *Russian Digital Libraries Journal*, 26(5), 646–672. https://doi.org/10.26907/1562-5419-2023-26-5-646-672 (In Russian).

Qamar, Y., Agrawal, R. K., Samad, T. A., & Chiappetta Jabbour, C. J. (2021). When technology meets people: The interplay of artificial intelligence and human resource management. *Journal of Enterprise Information Management*, 34(5), 1339–1370. https://doi.org/10.1108/JEIM-11-2020-0436

Raitskaya, L. K., & Tikhonova, E. V. (2020). An Overview of Reviews as a Trend Maker in the Field. *Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 29(3), 37–57. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-37-57 (In Russian).

Sergeev, A. A., Chukarin, A. V., Naletov, A. D., & Prokofiev, N. A. (2024). Modern approaches to automating the process of evaluating AI solutions. In *Information Society Technologies. Proceedings of the 18th International Scientific and Technical Conference "Information Society Technologies." (February 27-28, 2024, Moscow, MTUSI)* (pp. 219–221). MTUSI. (In Russian).

Shlenskaya, N. M., & Khorokhorina, G. A. (2021). Systematic Review and Features of Writing. *Storage and Processing of Farm Products*, 1, 8–13. https://doi.org/10.36107/spfp.2021.182 (In Russian).

Ting, H., Memon, M. A., Thurasamy, R., & Cheah, J.-H. (2025). Snowball Sampling: A Review and Guidelines for Survey Research. *Asian Journal of Business Research*, 15(1), 1–15. https://doi.org/10.14707/ajbr.250186

Turgel, I. D., & Chernova, O. A. (2024). Open bibliographic databases: In search of an alternative to Scopus and the Web of Science. *Economics of Science*, 10(3), 34–51. https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-3-34-51 (In Russian).

Wohlin, C. (2014). Guidelines for snowballing in systematic literature studies and a replication in software engineering. *Proceedings of the 18th International Conference on Evaluation and Assessment in Software Engineering*, 1–10. https://doi.org/10.1145/2601248.2601268

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Miscellanea | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.710

The Image of the Future in the Official and Scientific-Expert Discourses of the Caspian Region Countries

Anna P. Romanova (a), & Maria M. Fedorova (b)

(a) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia.
Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

(b) Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; State Academic University for Humanities. Moscow, Russia. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

Received: 31 July 2025 | Revised: 25 October 2025 | Accepted: 10 November 2025

Abstract

The modern Caspian region represents a unique intersection of global, national, and civilizational trajectories, where the formation of ideas about the future becomes not only a strategic but also a cultural and identification process. The problem raised in this study is the lack of a systematic analysis of how images of the future, reflecting value-based, technological, and integration orientations, are constructed in the national research discourses of the Caspian states (Russia, Kazakhstan, Azerbaijan, Turkmenistan, and Iran). Despite the existence of a significant number of works on the geopolitics and economics of the region, the phenomenon of the "image of the future" as a tool of societal and cultural self-identification remains fragmentary. As part of this study, the authors conducted a comprehensive comparative analysis of official and scientific-expert discourses about the future in the countries of the Caspian region in order to identify their structural models and assess their role in the formation of strategic guidelines, political and cultural identity, and regional interaction among the states of the macroregion.

This article identifies three interrelated models that allow for a comprehensive analysis of discourse on the future in the countries of the Caspian macroregion: a technological model, focused on innovation and modernization; a civilizational-identity model, emphasizing cultural and spiritual self-preservation; and an integration model, aimed at strengthening regional and intercivilizational ties. Their interrelationship creates a special type of "conservative-modernization future," in which development is viewed through the prism of value continuity and strategic autonomy. The study's findings emphasize that analyzing discourses on the future allows us to understand the mechanisms of reproducing power, identity, and strategic thinking in the region. The article is intended for researchers in the fields of political science, sociology, cultural studies, and international relations, as well as for specialists dealing with issues of regional forecasting and strategic planning.

Keywords

Image of the Future; Models; Caspian Region; Russia; Kazakhstan; Turkmenistan; Iran; Azerbaijan; Modernization; Integration

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Разное | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.710

Образ будущего в официальных и научно-экспертных дискурсах стран Каспийского региона

Романова Анна Петровна (a), Федорова Мария Михайловна (b)

(a) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия. Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

(b) Институт философии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, Россия. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

Рукопись получена: 31 июля 2025 | Пересмотрена: 25 октября 2025 | Принята: 10 ноября 2025

Аннотация

Современный Каспийский регион представляет собой уникальное пространство пересечения глобальных, национальных и цивилизационных траекторий, где формирование представлений о будущем становится не только стратегическим, но и культурно-идентификационным процессом. Проблема, поднимаемая в данном исследовании, заключается в отсутствии системного анализа того, каким образом в национальных исследовательских дискурсах прикаспийских государств (России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана) конструируются образы будущего, отражающие их ценностные, технологические и интеграционные ориентиры. Несмотря на наличие значительного числа работ по геополитике и экономике региона, феномен «образа будущего» как инструмента социетальной и культурной самоидентификации до сих пор изучен фрагментарно. В рамках данного исследования авторами был проведен проведен комплексный сравнительный анализ официальных и научно-экспертных дискурсов о будущем в странах Каспийского региона с целью выявления их структурных моделей и оценки их роли в формировании стратегических ориентиров, политико-культурной идентичности и регионального взаимодействия государств макрорегиона. В статье выделены три взаимосвязанные модели, позволяющие комплексно анализировать дискурс о будущем в странах прикаспийского макрорегиона: технологическая, ориентированная на инновации и модернизацию; цивилизационно-идентификационная, акцентирующая культурное и духовное самосохранение; и интеграционная, направленная на укрепление региональных и межцивилизационных связей. Их соотношение формирует особый тип «консервативно-модернизационного будущего», где развитие рассматривается через призму ценностной преемственности и стратегической автономии. Выводы исследования подчеркивают подчеркивают, что анализ дискурсов о будущем позволяет понять механизмы воспроизводства власти, идентичности и стратегического мышления в регионе. Статья рассчитана на исследователей в области политологии, социологии, культурологии и международных отношений, а также на специалистов, занимающихся вопросами регионального прогнозирования и стратегического планирования.

Ключевые слова

образ будущего; модели; Каспийский регион; Россия; Казахстан; Туркменистан; Иран; Азербайджан; модернизация; интеграция

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

В начале XXI века Каспийский регион стал одним из ключевых пространств пересечения глобальных, национальных и цивилизационных векторов развития. В условиях энергетического перехода, усиливающейся геополитической конкуренции и культурной переидентификации государств постсоветского пространства формируются новые концепты будущего, задающие рамки стратегического мышления. Прикаспийские государства — Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран — демонстрируют не только экономическую и политическую взаимозависимость, но и схожие механизмы дискурсивного производства представлений о будущем.

Данная тема приобретает значимость по нескольким причинам. Во-первых, это смена парадигмы стратегического планирования в регионе. Если в 1990-е и 2000-е годы преобладала риторика «ресурсной модернизации» и укрепления национальных экономик, то в 2020-е акцент сместился на «устойчивое развитие», «зелёный переход» и «цифровую интеграцию». Например, Казахстан в «Стратегии-2050» связывает будущее страны с инновационной экономикой и устойчивыми транспортными коридорами[1]; Азербайджан формирует образ «энергетического моста между Востоком и Западом»[2]; Россия в концепции внешней политики 2023 года обозначает Каспий как «зону устойчивого взаимодействия» и «ключ к евразийской стабильности»[3].

Во-вторых, усиливается влияние дискурсивных практик на формирование стратегий развития. Образ будущего перестал быть исключительно предметом государственной риторики и становится исследовательской категорией — объектом анализа в рамках философии, политологии, социологии, культурологии и региональных исследований (Великая (ред.), 2023; Иванова и др., 2024).

В-третьих, актуальность обусловлена дефицитом междисциплинарного подхода. Несмотря на наличие большого числа публикаций по геополитике, энергетике и экологии Каспия, комплексные исследования, анализирующие именно национальные исследовательские дискурсы о будущем, практически отсутствуют. Это создаёт научный вакуум между политическим прогнозированием и культурно-идентификационным анализом.

Основная проблема заключается в отсутствии системного осмысления того, как страны Каспийского региона конструируют свои образы будущего в рамках собственных исследовательских и экспертных полей. На уровне государственной риторики присутствуют устойчивые идеологемы — «регион сотрудничества», «энергетический хаб», «экологическая ответственность». Однако в национальных исследовательских дискурсах эти представления обретают различные смысловые модификации. Это формирует необходимость

1 AIF 2023. https://astanainternationalforum.org/en/archive2023?t=program_2023
2 Center of Analysis of International Relations. https://aircenter.az/en
3 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

проведения сравнительного анализа исследовательских нарративов о будущем в пяти странах региона, выявления их ключевых тем, структурных различий и совпадений. Такой анализ позволит определить, какая из моделей будущего доминирует в том или ином государстве:

- технологическая (ориентированная на инновации и инфраструктуру);
- цивилизационно-идентификационная (ориентированная на культурную самобытность);
- интеграционная (ориентированная на кооперацию в рамках региона и Евразийского пространства).

Таким образом, в рамках этого исследования авторами был проведен проведён комплексный сравнительный анализ исследовательских дискурсов о будущем в странах Каспийского региона с целью выявления их структурных моделей и оценки их роли в формировании стратегических ориентиров, политико-культурной идентичности и регионального взаимодействия государств макрорегиона.

Методология исследования

Методология опирается на дискурсивный анализ (Foucault, 1972; Алиева, 2024) в сочетании с элементами качественного контент-анализа. Исследование предполагает выборку текстов из официальных стратегий (например, “Kazakhstan-2050”, “Vision 2040 Azerbaijan”, “Iran Vision 2025”), академических журналов (“Central Asia and the Caucasus”, “Iranian Journal of Regional Studies”, «Вестник Каспийского научного центра»), а также аналитических платформ (Caspian Policy Center, East-West Institute, Eurasian Development Institute). Для межстранового сравнения используется методологический подход сравнительных региональных исследований (comparative area studies), позволяющий сопоставить дискурсивные структуры по ключевым тематическим кластерам: энергетика, экология, культура, идентичность, интеграция. Также в данном исследовании применяется концепция «дискурсивного конструирования будущего» (discursive futures construction) из социологии знания (Miller, 2018), согласно которой будущее рассматривается не как предзаданная категория, а как продукт коллективных когнитивных практик.

Эмпирическую базу составляют — национальные стратегии и концепции развития, исследования ведущих университетов и аналитических центров, публикации региональных журналов и сборников конференций, отражающие эволюцию дискурса будущего с 2000-х по 2025 год. Материалы были подвергнуты качественному анализу по смысловым категориям (ценности, цели, угрозы, идеалы, перспективы), что позволило выделить и типологизировать национальные модели будущего.

Типологические модели будущего: кейс Каспийского региона

Аналитическая типология образов будущего позволяет разложить сложный конструкт «будущее» на эмпирически различимые модели, раскрывающие ведущие силы, ценностные ориентиры и институциональные практики, формирующие представления населения и элит. Для Каспийского региона, где переплетаются энергоресурсная геополитика, постсоветская трансформация, мусульманская культурная традиция (в Иране и частично в Туркменистане и Азербайджане), сильные государственные стратегии развития и гео-правовой институционализм (Абдуллаев, 2021), логичным представляется выделить три основные модели формирования будущего — технологическую, цивилизационно-идентификационную и интеграционную, которые позволят сравнить доминирующие нарративы и государственные программы в пяти прикаспийских странах.

Выбор данных моделей для анализа образов будущего стран Каспийского региона обусловлен не произвольным теоретическим предпочтением, а необходимостью комплексного анализа многомерной структуры национальных представлений о будущем. Эти модели позволяют рассматривать будущее не как линейную проекцию модернизационных программ, а как сложную систему смыслов, где экономико-технологические, культурно-ценностные и внешнеполитические измерения взаимно детерминируют друг друга. В современной теории социальных и политических прогнозов (Inayatullah, 2008; Wendt, 2015; Таджиходжаев, 2021) утверждается, что любые коллективные представления о будущем формируются на пересечении трёх ключевых осей — развития, идентичности и взаимодействия. Именно они задают структуру образа будущего: ось технологического прогресса определяет темпы и формы трансформации материальных оснований общества; ось идентичности обеспечивает символическую непрерывность и легитимность этих изменений; ось интеграции задаёт контекст внешних связей, в рамках которого формируется пространство возможного.

Каспийский регион является своеобразной «лабораторией» для подобного анализа, поскольку представляет собой не просто географическое пространство, но и зону пересечения различных цивилизационных, экономических и политических миров — постсоветского, исламского, тюркского и западно-глобалистского. В этих условиях национальные стратегии будущего неизбежно строятся на трёх взаимосвязанных основаниях: технологическом (как инструмент выживания и конкурентоспособности), идентификационном (как механизм символического самоопределения) и интеграционном (как способ выстраивания отношений с внешним миром при сохранении автономии). Таким образом, выбор указанных моделей отражает внутреннюю логику самого региона: именно здесь в концентрированной форме проявляется напряжение между стремлением к модернизации, потребностью

в сохранении культурной преемственности и необходимостью участия в региональных и глобальных процессах.

Технологическая модель представляет собой универсальную ось современного государственного планирования, отражающую веру в возможность достижения устойчивого будущего посредством науки, инноваций и цифровизации. Для всех пяти стран Каспийского бассейна — России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана — характерно стремление к конструированию образа будущего через идею технологического суверенитета и «экономики знаний». Государственные стратегии («Наука и будущее России», 2024; “Digital Kazakhstan”, 2017; “Iran Vision 2025”; «Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана до 2030 года») формируют представление о будущем как о рационально управляемом процессе модернизации. Однако технологический дискурс не является нейтральным: он всегда вписан в политико-культурные контексты, где «инновации» нередко служат инструментом укрепления власти и легитимации существующего порядка.

Цивилизационно-идентификационная модель отражает другую сторону региональной динамики — стремление соединить модернизацию с сохранением культурной самобытности. В странах Каспийского региона будущее конструируется не как отказ от традиции, а как её продолжение в новых формах. В случае с Ираном — это проявляется в идее исламской цивилизации как источника собственного пути развития; в Казахстане — в концепции «Мәңгілік Ел»; в Туркменистане — в доктрине «вечного нейтралитета»; в Азербайджане — в идее синтеза тюркского и светского начал; в России — в концепте «суверенной цивилизации». Таким образом, идентификационная ось образа будущего служит не столько инструментом поиска новых смыслов, сколько механизмом ограничения допустимых трансформаций: модернизация возможна лишь в тех пределах, которые не нарушают ценностную преемственность.

Интеграционная модель фиксирует тот факт, что будущее стран Каспийского региона невозможно мыслить вне логики взаимозависимости. Региональные акторы вынуждены соотносить свои сценарии с системами экономических и политических связей, формируемых в рамках ЕАЭС, ШОС, ОЭС, БРИКС и других форматов. Однако интеграция здесь носит избирательный и прагматичный характер: страны стремятся участвовать в международных проектах (энергетических, транспортных, инфраструктурных), не утрачивая контроля над внутренним развитием. В результате возникает особый тип интеграционного будущего — «вовлечённого нейтралитета», где участие в региональных сетях не означает готовности к политическому сближению. Эта модель позволяет увидеть, что для государств Каспия интеграция — инструмент обеспечения устойчивости и самосохранения в условиях глобальной турбулентности.

Таким образом, совокупность трёх моделей образует системную рамку анализа, способную охватить все основные уровни конструирования будущего — от технологического и экономического до культурно-символического и геополитического. Их выбор не только теоретически оправдан, но и эмпирически обоснован: именно эти направления последовательно фиксируются в государственных стратегиях, официальных доктринах и национальных программах всех стран Каспийского региона. В технологическом измерении страны стремятся к автономному развитию и цифровой модернизации; в идентификационном — к укреплению историко-культурных оснований суверенитета; в интеграционном — к выстраиванию гибкой системы региональных связей, минимизирующей внешние риски.

Эта триада позволяет не просто описывать образы будущего, но и анализировать механизмы их легитимации и воспроизводства. Она демонстрирует, что для государств Каспия будущее — не только цель, но и средство поддержания социально-политического равновесия. В совокупности эти модели формируют особый тип регионального будущего — консервативно-модернизационный, где развитие и сохранение, открытость и замкнутость, автономия и взаимозависимость не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Российская Федерация

Формирование образа будущего России в исследовательских и экспертных дискурсах последних лет определяется столкновением трёх ключевых моделей: технологической, цивилизационно-идентификационной и интеграционной. Эти модели не существуют изолированно — они взаимно переплетены и отражают разные уровни стратегического планирования страны: от прагматической мобилизации ресурсов до символического самоопределения в мировом контексте.

Технологическая модель образа будущего России основывается на идее инновационного суверенитета и ускоренного технологического рывка как главного условия национальной конкурентоспособности. Эта логика формируется в документах стратегического планирования («Стратегия научно-технологического развития РФ до 2035 г.», «Цифровая экономика», «Национальный проект “Наука и университеты”»), а также в дискурсе научно-технологических центров — прежде всего ВШЭ, Сколтеха и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Исследования показывают, что технологический нарратив выполняет двойную функцию: он одновременно служит инструментом экономической мобилизации и средством идеологического самоутверждения. По данным Института экономики РАН, именно технологический прогресс сегодня становится центральным элементом политического языка модернизации, подменяя прежние категории «реформ» и «инноваций» (Ахапкин (ред.), 2022).

В рамках этой модели Россия стремится представить себя как «технологическую цивилизацию», способную конкурировать не столько рынками, сколько идеями — в первую очередь в сферах ИИ, биотехнологий, оборонных систем, нейронауки и новых материалов. Однако при всей масштабности риторики наблюдается структурный разрыв между идеалом технологического суверенитета и фактическим дефицитом инфраструктуры, кадров и инвестиций. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2023), доля России в глобальных НИОКР остаётся ниже 1,2 %, что ставит под сомнение возможность технологического лидерства без глубокой реформы научно-образовательного сектора[1].

Тем не менее технологическая модель имеет значительный мобилизационный потенциал. Она апеллирует к идее «будущего как проекта», объединяющего нацию вокруг задачи научно-технического прорыва и цифрового суверенитета. В этом смысле она служит инструментом «позитивного планирования», компенсирующего структурные кризисы экономики и демографии.

Параллельно технологическому нарративу формируется и усиливается цивилизационно-идентификационная модель, акцентирующая культурную, духовную и историческую уникальность России. Она выстраивает будущее не как движение к «универсальной модерности», а как укрепление самобытного цивилизационного кода — православия, коллективизма, социальной солидарности и «особой исторической миссии».

Эта модель наиболее активно артикулируется в аналитических текстах, связанных с Российским институтом стратегических исследований (РИСИ) (Энтин, 2021), Советом по межнациональным отношениям[2], а также в концепции «Русского мира» (Кривопусков, 2016). В дискурсивном плане она противопоставляет Россию Западу не только как геополитическому противнику, но и как альтернативному типу цивилизационного развития, основанному на традиционных ценностях и устойчивых социальных формах. Исследования ИМЭМО РАН показывают, что эта модель не сводится к культурному изоляционизму. Напротив, она предлагает видение будущего как цивилизационного самоутверждения, где Россия играет роль «центра притяжения» для других стран постсоветского и евразийского пространства. В этом смысле образ будущего строится вокруг понятий «сохранения», «преемственности» и «духовной устойчивости», а не инноваций ради инноваций (Мачавариани & Кобринская (ред.), 2022; Dynkin et al., 2023).

Символический капитал этой модели особенно проявляется в контексте идеологической переориентации общества: в образовательных стандартах, культурной политике и медиа-дискурсе акцент всё чаще смещается на темы семьи, религии, социальной справедливости и патриотизма. Например, иссле-

1 Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года (2024, сентябрь 17). *ИСИЭЗ* https://issek.hse.ru/news/963240693.html

2 Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям. https://sovetnational.ru/sovet/

дования ВЦИОМ (2024) фиксируют рост значимости ценностей «традиции» и «служения» в молодежных представлениях о будущем[1].

Тем не менее эта модель сталкивается с риском консервативной замкнутости, при которой ориентация на идентичность начинает подменять проектное мышление. Будущее в этом случае рискует восприниматься не как горизонт созидания, а как восстановление утраченного порядка.

Третья — интеграционная модель — связывает образ будущего России с ролью системного координатора в макрорегиональных и глобальных процессах. Она базируется на идее евразийского вектора, рассматривающего Россию не как изолированный центр, а как узловой элемент многоуровневых союзов и интеграционных платформ — от ЕАЭС и БРИКС до стратегического партнёрства с Китаем и Ираном (Серегина, 2025). Некоторые исследователи полагают, что интеграционная модель предполагает новую архитектуру международного взаимодействия, где Россия выступает посредником между различными цивилизационными ареалами — мусульманским, китайским, западно-европейским и постсоветским. Это придаёт её образу будущего характер «моста цивилизаций», а не только «форпоста противостояния» (Огнева, 2024; Ван Цунюэ, 2025).

Эта модель имеет важное значение для внутренней легитимации: она позволяет включать в стратегический горизонт идею созидаемого будущего, в котором Россия не просто защищается, а созидает альтернативные форматы мирового устройства. В официальных документах (Концепция внешней политики РФ, 2023) эта логика выражена в категории «многоцентричного мира», где Россия видится центром одного из мировых полюсов[2].

Однако ключевая проблема интеграционной модели заключается в её зависимости от внешних факторов — динамики международных санкций, роли Китая, а также способности России конвертировать политическое влияние в экономические и гуманитарные формы сотрудничества. Пока этот баланс остаётся неустойчивым: усиливая геополитическую интеграцию, Россия сталкивается с ограничениями своей внутренней модернизации.

Анализ показывает, что три модели — технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная — образуют динамическую триаду современного российского видения будущего. Их соотношение меняется в зависимости от политического контекста и международной конъюнктуры. В кризисные периоды (например, после 2022 г.) усиливается идентификационная модель, апеллирующая к ценностям традиции и национальной сплочённости. В фазах стратегического планирования (нацпроекты, научные программы) на первый план выходит технологическая модель, конструирующая будущее через язык прогресса и инноваций. В дипломатической и

1 Образ будущего: оценки россиян (2024, февраль 29). ВЦИОМ. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan

2 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

геоэкономической риторике доминирует интеграционная модель, легитимирующая внешнеполитический курс на Восток и глобальную альтернативность. Несмотря на различия, все три модели объединяет представление о необходимости суверенного будущего, свободного от внешней зависимости и основанного на внутренних ресурсах и смыслах.

Можно сказать, что современный российский образ будущего представляет собой синтез трёх моделей. Технологическая модель обеспечивает инструментарий модернизации и символику прогресса; цивилизационно-идентификационная — культурное и моральное наполнение; интеграционная — международное измерение и стратегическую масштабность. Однако внутренние противоречия между ними остаются значительными. Россия пока не выработала единую парадигму будущего, способную соединить технологический модернизационный импульс с глубинной цивилизационной самоидентификацией и устойчивой системой внешних связей. В этом смысле национальный дискурс о будущем — это не зафиксированная концепция, а поле напряжённой конкуренции смыслов: между прагматизмом и идеологией, модернизацией и традицией, локальным и глобальным. Именно в этой многослойности и противоречивости проявляется, на наш взгляд, специфика российского пути — страны, стремящейся одновременно создать будущее и сохранить прошлое, быть технологическим игроком и цивилизационным центром, интегрироваться и оставаться автономной.

Исламская Республика Иран

Вопрос о будущем Ирана занимает особое место в современном научном дискурсе, поскольку пересечение факторов модернизации, религиозной и национальной идентичностей, а также международной изоляции создаёт уникальное поле для анализа коллективных представлений о будущем. Современные иранские исследователи (Sariolghalam, 2018; Nikooye et. al., 2021; Mohammadian & Haji-Yousefi, 2022) подчёркивают, что «образ будущего» в Иране структурируется не только через экономические ожидания, но и через идеологические, моральные и геополитические нарративы.

Технологическая модель является доминирующей в иранских государственных стратегиях будущего. Согласно “Iran Vision 2025”[1] и более поздней “National Development Plan (2021–2026)”[2], страна стремится стать «региональным технологическим лидером» через развитие нанотехнологий, биоинженерии, информационно-коммуникационных систем, ядерной энергетики и космических исследований[3]. Эта модель выстраивает нарратив будущего вокруг идеи технологического суверенитета — способности Ирана

1 Iran Vision 2025. https://www.mcls.gov.ir/en/irv
2 Iran’s Seventh National Development Plan: Limitations and Challenges (2023, June 22). Rasanah. https://rasanah-iiis.org/english/monitoring-and-translation/reports/irans-seventh-national-development-plan-limitations-and-challenges/
3 Ministry of Science, Research and Technology. https://www.msrt.ir/en

опираться на собственные ресурсы и научные кадры в условиях санкций и внешнего давления. Различные иранские исследователи сходятся во мнении, что образ будущего в Иране тесно связан с понятием «национальной устойчивости» — это не просто инновации ради прогресса, а инструмент поддержания независимости и символ политического достоинства (Taheri Demneh, 2019; Kousari & Hadavand, 2023; Panahi & Ghasemi, 2024).

С одной стороны, развитие науки и технологий в Иране воспринимается как механизм включения в мировой рынок знаний, а с другой — как оборонительная стратегия против технологического доминирования Запада. Такая двойственность придаёт особое значение сектору военных технологий, космическим программам и кибербезопасности. Согласно данным Иранского космического агентства, запуск спутников “Noor-3” и “Pars-1” интерпретируется в иранских СМИ как проявление будущего, где страна способна конкурировать с крупными державами без внешней поддержки[1].

Однако исследователи из Университета Шарифа указывают на существенную проблему: большинство высокотехнологичных проектов сосредоточено в Тегеране и Исфахане, тогда как периферийные регионы остаются вне инновационной экосистемы. Возникает феномен «инновационного неравенства», что может препятствовать формированию единого образа будущего, объединяющего все социальные группы (Yazdi et. al., 2024).

Вторая модель — цивилизационно-идентификационная — интерпретирует будущее Ирана как продолжение его историко-культурной миссии. В иранских научных исследованиях, начиная с трудов Али Шариати (Shariati, 1980) и до современных философов, таких как А.К. Соруш[2], будущее страны не мыслится без обращения к культурной памяти и религиозной идентичности.

Ключевое понятие — «новая исламская цивилизация», одна из идеологических концепций современной Исламской Республики Иран, выдвинутых Верховным лидером Сейедом Али Хаменеи вместе с идеей «исламского цивилизационного строительства». Данная доктрина отражает новый уровень задач иранского руководства и является заявкой на интеллектуальное лидерство Ирана в исламском мире. Руководство Ирана видит в этой доктрине концептуальные основы для макростратегии развития страны на многие десятилетия вперёд. Она описывает будущее как «восстановление исламского стиля жизни на новой технологической основе», где религия и наука не противопоставлены, а синтезированы. Иранские социологи утверждают, что этот концепт интегрирует национальные и исламские элементы идентичности, превращая их в основу «цивилизационного проекта будущего» (Alizadh & Ghaffari, 2024).

Однако внутри иранского общества присутствует напряжение между традиционалистским и модернистским пониманием будущего. Согласно

1 Iranian Space Agency. https://www.isa.ir/
2 Soroush A.K. What is Islamic Philosophy? http://drsoroush.com/en/what-is-islamic-philosophy/

опросу Института социологических исследований Университета Тегерана, около 48 % молодых респондентов считают, что «Иран должен идти путём культурного обновления с сохранением духовных ценностей», тогда как 32 % выступают за «светский, прагматичный путь модернизации». Это указывает на раскол внутри ценностного поля будущего (Kalateh Sadati & Razavi, 2024). По мнению группы исследователей под руководством Ш.Н. Абдулмахди, «цивилизационный образ будущего» в Иране выполняет функцию идеологического цемента, соединяя коллективную память, религиозную идентичность и политическую стратегию выживания. Однако чрезмерная сакрализация этого образа способна затормозить общественную открытость и блокировать инновационные импульсы, если они не вписываются в традиционные рамки (Abdulmahdi et.al., 2023). Тем не менее эта модель выстраивает альтернативу западноцентричным нарративам прогресса, предлагая особую цивилизационную траекторию, основанную на идеях духовного совершенствования, социальной справедливости и культурной идентичности.

Третья модель — интеграционная — рассматривает будущее Ирана через призму его взаимодействия с внешним миром, региональных союзов и новых международных конфигураций. Если технологическая модель акцентирует внимание на автономии, а цивилизационная — внутреннюю идентичность, то интеграционная сосредоточена на взаимозависимости и стратегической взаимодополняемости.

Современные иранские исследования фиксируют рост интереса к концепции «восточного многополярного будущего» (Sayadi & Sanaei, 2019; Sazmand & Goudarzi, 2022). В этом контексте образ будущего страны связан с укреплением связей в рамках ШОС, БРИКС и Евразийского экономического союза. Вступление Ирана в ШОС (2022) и БРИКС (2024) интерпретируется как переход к постсанкционной модели интеграции, где геоэкономические и культурные альянсы заменяют утраченные связи с Западом.

По мнению иранского аналитика М. Маранди, именно формирование сети стратегических партнёрств позволяет Ирану «сохранить субъектность в глобальном переходе от однополярности к многополярности»[1]. Это отражено в правительственном документе “Iran’s Regional Integration Strategy 2030”, где особое внимание уделяется не только торговле и энергетике, но и культурной дипломатии, академическим обменам, развитию транзитных коридоров[2].

1 How to Build Strategic Partnerships in Iran’s Business Landscape (2025, July 30). Ahmad Mirabi. https://drmirabi.ir/en/iran-business-partnership-strategy/#:~:text=In%20Iran%2C%20strategic%20partnerships%20are%20not%20just,relational%20trust%2C%20cultural%20compatibility%2C%20and%20long%2Dterm%20engagement

2 Iran 2030 – Analyzing Possible Futures: Between Roots and Dreams. Sekeh News. https://sekeh.news/%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%DB%B2%DB%B0%DB%B3%DB%B0-%D8%AA%D8%AD%D9%84%DB%8C%D9%84%DB%8C-%D8%A7%D8%B2-%DB%8C%DA%A9-%D8%A2%DB%8C%D9%86%D8%AF%D9%87-%D9%85%D9%85%DA%A9%D9%86-%D9%85%DB%8C/

Интеграционная модель опирается на прагматизм: будущее здесь мыслится как совместное бытие, а не как изоляция. Однако она сталкивается с дилеммой между идеологическим суверенитетом и необходимостью гибкости. Иранские политологи отмечают, что интеграция возможна лишь при условии выработки «гибридной дипломатии», сочетающей исламскую идентичность с рациональным прагматизмом (Sarbazi, Abazari & Montazeri, 2023). В социальном плане интеграционная перспектива открывает новые горизонты для иранской молодежи и научного сообщества: это участие в международных программах, онлайн-платформах, транснациональных стартапах. Это помогает им рассматривать будущее не только через призму нации, но и через идею регионального сообщества.

Таким образом, интеграционная модель формирует образ будущего, где Иран — не изолированное государство, а мост между Азией, Европой и исламским миром, соединяющий традиции и инновации. Образ будущего Ирана представляет собой многослойный конструкт, в котором взаимодействуют стремление к технологической модернизации, сохранение цивилизационной идентичности и поиск интеграционного равновесия в многополярном мире. В отличие от западных моделей, иранское представление о будущем «остается нормативным и миссионерским: оно не только описывает желаемое состояние, но и оправдывает стратегический путь страны как культурно-моральную миссию» (Sarbazi, Abazari & Montazeri, 2023).

Республика Казахстан

Казахстан занимает особое место в каспийской системе — не только как крупнейшее по территории государство Центральной Азии, но и как инициатор долгосрочного стратегического проектирования будущего. Государственные концепции «Казахстан — 2050»[1] (2012), «Цифровой Казахстан»[2] (2017) и «Национальный проект устойчивого развития»[3] (2021) формируют многослойное представление о будущем, в котором технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная парадигмы переплетены между собой. Согласно А. Сатпаеву, в современном Казахстане «будущее мыслится как процесс управляемой модернизации при сохранении социокультурного ядра» (2021). Это отличает казахстанскую модель от моделей соседних стран — она опирается на идею модернизации без радикального разрыва с традицией.

1 Стратегия «Казахстан-2050». Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/strategiya-kazahstan-2050

2 Цифрлық Қазақстан. Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан. https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/activities/14764

3 Об утверждении национального проекта "Устойчивый экономический рост, направленный на повышение благосостояния казахстанцев" (2021, октябрь 12). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000730

Технологическая модель в Казахстане базируется на идее «инновационного государства», где развитие технологий служит инструментом повышения конкурентоспособности и устойчивости. Программа «Цифровой Казахстан» (2017–2025 гг.) направлена на формирование цифровой экономики, расширение электронных услуг и внедрение искусственного интеллекта в управленческие процессы[1]. Согласно данным Всемирного банка, цифровизация уже обеспечивает около 4,5 % ВВП страны, при этом ежегодный рост цифровых сервисов превышает 15 %[2]. Однако технологическое будущее Казахстана не ограничивается экономикой. Оно трактуется как элемент национального развития и социального баланса. Группа исследователей под руководством Ф.Г. Альжановой подчёркивает, что цифровая модернизация в Казахстане — это «механизм выравнивания региональных неравенств», способный снизить зависимость периферии от ресурсных центров (Альжанова, Нурланова & Днишев, 2020).

Особое внимание уделяется зеленым технологиям: Концепция перехода к «зелёной экономике» (2013) предполагает, что к 2050 году не менее 50 % энергии будет производиться из возобновляемых источников[3]. Казахстан активно сотрудничает с ПРООН и Всемирным банком в проектах по снижению углеродного следа. По данным ООН, страна входит в пятёрку лидеров СНГ по внедрению устойчивых энергетических технологий[4]. Таким образом, технологическая модель будущего Казахстана не редуцируется к инновациям, а представляет собой стратегию адаптации к глобальным вызовам — энергетическим, климатическим, демографическим.

Цивилизационно-идентификационная модель будущего Казахстана строится вокруг концепта «Мәңгілік Ел» («Вечная страна»), впервые представленного Н. Назарбаевым в 2014 году. Этот идеологический конструкт задаёт не просто историческую преемственность, но и нормативное направление развития: укрепление казахстанской гражданской идентичности, основанной на полиэтничности и культурном синтезе[5]. По мнению исследователя

1 Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». Официальный сайт Президента Республики Казахстан. https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-

2 UNESCO Strengthens Futures Literacy and Foresight Capacities in Kazakhstan's Higher Education Sector (2025, May 15). UNESCO. https://www.unesco.org/en/articles/unesco-strengthens-futures-literacy-and-foresight-capacities-kazakhstans-higher-education-sector

3 О Концепции по переходу Республики Казахстан к "зеленой экономике" (2013, май 30). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577

4 Развитие энергетического сектора Казахстана (2024, январь 5). Всемирный банк Казахстана. https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2024/01/05/empowering-the-future-of-kazakhstans-energy-sector

5 О проекте Указа Президента Республики Казахстан «Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства» (2015, декабрь 18). Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001012

М.Ш. Кабазиева, «казахстанская идентичность проектируется как надэтническая конструкция, где казахская культура играет роль ядра, но не доминирующего фактора» (Кабазиев, 2022). Это отличает Казахстан от многих постсоветских стран, где этнический национализм стал реакцией на модернизацию. В казахстанском дискурсе модернизация, напротив, рассматривается как продолжение исторической памяти (Ключарева & Корусенко, 2023).

Научно-образовательные инициативы («Рухани жаңғыру», «100 новых лиц Казахстана», языковая реформа) направлены на символическую модернизацию — переосмысление традиций в контексте XXI века. Эти программы выполняют не только культурную, но и социальную функцию — они легитимируют модернизационные процессы, снижая риск ценностного конфликта между поколениями. Цивилизационно-идентификационная модель Казахстана отличается от иранской (где будущее мыслится через исламский цивилизационный опыт) и от российской (ориентированной на неоевразийство). В казахстанском случае наблюдается инклюзивная модель будущего, ориентированная на интеграцию разных этносов и культурных кодов в единую гражданскую общность.

Интеграционная модель будущего Казахстана проявляется в его внешнеполитической и экономической стратегии. С конца 2010-х годов Казахстан позиционирует себя как транзитно-интеграционный узел Евразии. Участие в проектах «Один пояс — один путь», Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и ШОС создает уникальную многоуровневую платформу взаимодействия с Россией, Китаем, Ираном и странами Запада (Таршилова, 2018; Искаков & Кегенбеков, 2021; Ли и др., 2024). Эксперты Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) отмечают, что интеграционная модель Казахстана не сводится к экономическому прагматизму, а выражает стремление к региональной субъектности: «Казахстан пытается быть не объектом, а архитектором региональных сценариев будущего»[1].

В то же время интеграционная модель сталкивается с рядом вызовов. Среди них — ограниченная институциональная глубина ЕАЭС (Пилипенко, 2022), зависимость от внешних центров силы (Москвы, Пекина) (Хунцзян, 2023), а также необходимость балансирования между геополитическими интересами (Мамедов, 2024). В докладе Международного института стратегических исследований (IISS) подчёркивается, что Казахстан «вынужден совмещать несовместимое: интеграцию в мировую экономику и сохранение стратегического суверенитета»[2]. Экологическое и климатическое измерение интеграции также выходит на первый план. Проблемы Каспийского моря — обмеление, загрязнение, трансграничное регулирование — становятся основой для новых форм

1 Устойчивое развитие регионов Казахстана обсудили в Шымкенте на площадке КИСИ (2025, октябрь 2025). КИСИ. https://kisi.kz/ru/ustojchivoe-razvitie-regionov-kazahstana-obsudili-v-shymkente-na-ploshhadke-kisi-gps/

2 Central Asia Emerging from the Shadow (2025, January). IISS. https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-01/central-asia-emerging-from-the-shadows.pdf

региональной кооперации. Казахстан участвует в Каспийской экологической программе и инициирует совместные проекты по восстановлению экосистем[1].

Несмотря на высокий уровень стратегического анализа, казахстанская модель будущего содержит внутренние противоречия. Во-первых, наблюдается рассогласование между дискурсом модернизации и реальной институциональной динамикой. По данным Transparency International, в 2024 году Казахстан занял 88-е место по индексу восприятия коррупции[2], что указывает на ограниченность управленческой модернизации. Во-вторых, региональные диспропорции сохраняются: урбанизированный Юго-Восток развивается значительно быстрее, чем аграрные регионы Запада и Севера. Это создаёт разрыв между «инновационными центрами» и «традиционными периферияими» (Аралбаева & Берикболова, 2025). В-третьих, существует социальный риск цифрового неравенства — неравный доступ к цифровым ресурсам усиливает стратификацию по уровню образования и дохода. Тем не менее казахстанская модель остаётся одной из наиболее сбалансированных в Каспийском регионе. В ней технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная составляющие не конкурируют, а формируют единую систему, где каждый элемент усиливает другой. В-четвёртых, на наш взгляд, наиболее значимым противоречием инклюзивной модели будущего Республики Казахстан является расхождение между нормативно-декларативным дискурсом и институциональной реализацией государственной политики.

На уровне официальной риторики Казахстан последовательно позиционирует свою модель нациестроительства как гражданскую и инклюзивную, основанную на принципах равенства этносов, межэтнической гармонии и надэтнической гражданской идентичности («казахстанская нация»). Эти установки закреплены в конституционных нормах, деятельности Ассамблеи народа Казахстана и программных документах в сфере межэтнических отношений. Однако в практическом измерении наблюдается структурный сдвиг в сторону этнонациональной модели, реализуемый через политику казахизации. Она выражается в приоритетизации казахского языка в публичной сфере, образовании и государственном управлении, символическом переосмыслении исторического нарратива, а также в кадровых и культурных практиках, усиливающих доминирование титульного этноса. Формально эти меры обосновываются задачами деколонизации и восстановления исторической справедливости, однако фактически они трансформируют баланс между гражданской и этнической компонентами нациестроительства (Черничкин, 2022; Казиев, Могунова & Старченко, 2024).

Ключевое противоречие заключается в том, что инклюзивная модель предполагает нейтральность государства по отношению к этничности,

1 Казахстанские экологи объединились для борьбы с экокризисом Каспийского моря (2024 декабрь 13). Качественный Казахстан. https://www.standard.kz/ru/post/2024_12_kazaxstanskie-ekologi-obieedinilis-dlia-borby-s-ekokrizisom-kaspiiskogo-moria-198

2 Corruption Perceptions Index. Transparency International. https://www.transparency.org/en/cpi/2024

тогда как политика казахизации институционализирует асимметричное положение этнокультурных групп. Это порождает латентную маргинализацию русскоязычного и иных нетитульных сообществ, снижает уровень символического участия в формировании общенациональной идентичности и усиливает разрыв между декларируемым гражданским равенством и реальными социально-политическими практиками (Колбачева, 2019; Семенец, 2024).

В результате казахстанская модель нациестроительства приобретает гибридный характер, сочетая элементы гражданского инклюзивизма с этнокультурной гегемонией титульной нации, что формирует внутреннее напряжение и ограничивает потенциал долгосрочной межэтнической консолидации.

Азербайджанская Республика

В постсоветский период Азербайджан сформировал уникальный тип стратегии будущего, где национальная идентичность, геополитическая прагматика и технологическая модернизация образуют синтетическую конструкцию. В отличие от России, где будущее часто артикулируется как «восстановление великодержавного статуса», или Казахстана, где акцент делается на модернизации общества через обновление институтов, азербайджанский дискурс сочетает идею национальной консолидации с проектом инновационно-инфраструктурного рывка.

Формирование образа будущего в Азербайджане во многом связано с последствиями затяжного конфликта в Нагорном Карабахе, укреплением вертикали власти и поиском новой легитимации развития через «образ сильного и современного государства». Таким образом, будущее становится не столько утопической категорией, сколько инструментом государственной мобилизации, задающим рамку для политических, экономических и культурных реформ.

Современный азербайджанский дискурс будущего тесно связан с нарративом национальной победы, суверенитета и консолидации. После 2020 года формируется идеологема «нового Азербайджана» — государства, способного не только отстоять территориальную целостность, но и выстроить устойчивую модель развития на основе технологической независимости и культурного единства (Ergun, 2022). Как отмечается в аналитической статье «Идеологический щит Азербайджана: Путь к национальной консолидации», идеологическая составляющая будущего сегодня приобретает институциональный характер: речь идёт о формировании «ценностного иммунитета», который должен обеспечить суверенитет страны в условиях глобальных трансформаций[1]. Таким образом, концепт будущего становится мобилизующим мифом, объединя-

1 Идеологический щит Азербайджана: Путь к национальной консолидации (2024, сентябрь 25). BakuNetwork. https://www.bakunetwork.org/ru/news/analytics/13077

ющим население вокруг целей единства и независимости, но при этом оставляющим пространство для технико-экономических инноваций.

В последние годы всё более заметным становится стремление Азербайджана перейти от модели «сырьевого государства» к экономике знаний. Исследование “Azerbaijan 2030: A Vision of the Future” прямо указывает на необходимость «научного пробуждения», без которого «страна рискует навсегда остаться зависимой от нефтяных доходов»[1]. Технологическая модель будущего в азербайджанском контексте реализуется через несколько ключевых направлений:

- развитие инновационных зон и технопарков, включая Alat Free Economic Zone, ориентированную на привлечение инвестиций в высокие технологии[2];
- стимулирование цифровой трансформации государственного сектора, о чём свидетельствуют стратегии «Цифровой Азербайджан»[3] и проекты Цифрового правительства[4];
- поддержка участия страны в глобальных проектах прогнозирования будущего, таких как Azerbaijan Future Studies Society — национальный узел The Millennium Project, участвующий в разработке сценариев долгосрочного развития[5].

В последние годы Азербайджан активно развивает сектор информационных технологий и искусственного интеллекта. Принята Стратегия искусственного интеллекта на 2025–2028 годы, которая предусматривает создание инфраструктуры для развития ИТ-сектора, подготовку кадров и привлечение инвестиций[6]. Кроме того, страна укрепляет кибербезопасность, рассматривая её как важный элемент национального суверенитета.

Тем не менее в технологическом векторе сохраняются системные барьеры — инерция нефтяной экономики, слабая научная инфраструктура и зависимость от импортных технологий. В этом смысле модернизационная риторика пока не сопровождается радикальными институциональными реформами, что создаёт разрыв между дискурсом будущего и реальной структурой настоящего.

Параллельно с технологической формируется цивилизационно-идентификационная модель будущего — как возвращение к национальной самобыт-

1 Azerbaijan 2030: A Vision of the Future (2020, August 16). Baku Research Institute. https://bakuresearchinstitute.org/en/azerbaijan-2030-a-vision-of-the-future/
2 AFEZ. https://afez.az/
3 Азербайджан и цифровизация: цели определены (2024, сентябрь 13). Интернет-портал СНГ. https://e-cis.info/news/566/121056/
4 Цифровое правительство. https://mincom.gov.az/ru/deiatelnost/cifrovoe-pravitelstvo
5 Azerbaijan Future Studies Society (AFSS). https://futurestudies.az/
6 Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об утверждении «Стратегии искусственного интеллекта Азербайджанской Республики на 2025–2028 годы» (2025 март 19). Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. https://president.az/ru/articles/view/68364

ности и укрепление тюркской солидарности. Символическая рамка «единства языка, мысли, действия» активно артикулируется на форумах и в медиа, например в рамках дискуссионной площадки “Unity in language, thought, action: Future of Turkic world”[1]. В данном случае будущее мыслится не столько как радикальное «новое», сколько как укоренённое развитие — возвращение к собственным культурным основаниям, которые должны стать ресурсом устойчивости в глобальной нестабильности (Мамедзаде, 2024). Такая позиция формирует своеобразный цивилизационно-идентификационный консерватизм, который сочетает модернизацию с идеей культурного самосохранения. И если технологическая модель направлена в будущее, то идентификационная обращена к прошлому как источнику легитимности.

В рамках интеграционной модели Азербайджан предстает как узловая страна, соединяющая Восток и Запад, Север и Юг и стремящаяся извлечь стратегические преимущества из своего транзитного положения. Исследование Ф. Гулиева показывает, что президентская риторика всё чаще строится вокруг понятий «Средний коридор», «Шёлковый путь» и «энергетический хаб», которые задают координаты геоэкономического будущего (Guliyev, 2024).

Азербайджан (как и Казахстан) придерживается политики многовекторности, стремясь поддерживать сбалансированные отношения с различными мировыми центрами силы. Страна активно участвует в международных организациях, таких как ООН, ШОС, а также в региональных инициативах, включая платформу «3+3», которая объединяет Азербайджан, Армению, Грузию, Россию, Турцию и Иран. Однако интеграционное позиционирование несёт двойной риск: оно делает Азербайджан частью глобальных цепочек, но и усиливает зависимость от внешних политических центров. Стратегия устойчивого будущего требует, чтобы интеграция не подменяла собой внутреннюю модернизацию — иначе транзитный статус превратится в форму новой зависимости.

Синтез трёх направлений формирует гибридный тип образа будущего, характерный для Азербайджана: технологическая модель создаёт инфраструктуру будущего, цивилизационно-идентификационная задаёт смысл и ценностный стержень, а интеграционная открывает геополитические и экономические горизонты. Но между ними существует и напряжение. Технологическая открытость требует гибкости и включённости в глобальные сети, тогда как идентичностная модель настаивает на культурном суверенитете. Интеграционная модель, в свою очередь, соединяет эти две линии, но при этом зависит от конъюнктуры внешних акторов — Турции, России, Китая, ЕС.

Современный азербайджанский образ будущего — это попытка объединить три разных логики развития: модернизационную, идентификационную и интеграционную. В отличие от Казахстана или Ирана, Азербайджан строит

1 Azerbaijan's Baku hosts panel discussion "Unity in language, thought, action: Future of Turkic world" (2025, May 3). 30 Trend News Agency. https://www.trend.az/azerbaijan/politics/4039358.html

прагматично-символическую модель, где экономическая трансформация, культурное самосознание и геополитический расчёт действуют как единый механизм. Главный вызов состоит в необходимости согласовать модернизационные цели с идеологией культурного суверенитета и избежать ситуации, когда традиция превращается в инструмент консервации. В этом смысле будущий успех Азербайджана будет зависеть не только от экономических реформ, но и от способности общества к критическому переосмыслению собственной идентичности — как ресурса, а не догмы.

Туркменистан

Образ будущего Туркменистана формируется в контексте сохранения принципа постоянного нейтралитета, культурной самобытности и централизации власти. Эта модель «управляемой модернизации» сочетает технологические и социально-экономические цели с нормативными ограничениями, определяя рамки возможных изменений.

Технологическая модель в туркменском дискурсе формулируется через государственные программы развития науки, инженерии и цифровой инфраструктуры. Министерство иностранных дел и профильные ведомства декларируют приоритет в повышении эффективности научных исследований и их направлении на нужды экономики, включая энергетику и агросектор. Это отражено в документах о развитии науки и технологий[1], а также в Государственной программе 2021–2025 гг., направленной на укрепление прикладных направлений — химических технологий, цифрового образования, телекоммуникаций[2].

Ключевая логика данной модели заключается в диверсификации экономики за счёт технологического прогресса и повышения человеческого капитала. Государственные программы развития науки подчёркивают необходимость перехода от сырьевой зависимости к экономике знаний. Однако исследования UNECE и UNDP (2022) отмечают ограниченность инновационной инфраструктуры и слабую интеграцию научных центров в международные сети. Это создаёт риск появления «локализованных инновационных островков» — отдельных успешных институтов, не обеспечивающих общенационального технологического эффекта[3]. Таким образом, технологическая

1 Президент Туркменистана подписал документы о создании Фонда развития наук и финансовой поддержке науки (2019 июнь 12). Türkmenistanyň Döwlet habarlar agentligi. https://tdh.gov.tm/tk/post/18398/prezident-turkmenistana-podpisal-dokumenty-o-sozdanii-fonda-razvitiya-nauk-i-finansovoi-podderzhke-nauki; Президент Туркменистана утвердил Стратегию развития науки на 2024–2052 годы (2024, сентябрь 26). Nebit-Gaz. https://www.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/11999/prezident-turkmenistana-utverdil-strategiyu-razvitiya-nauki-na-20242052-gody

2 Утверждена Госпрограмма комплексного развития химической науки и технологий на 2021-2025 годы (2020 октябрь 16). Туркменистан. Золотой век. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/36679/utverzhdena-gosprogramma-kompleksnogo-razvitiya-khimicheskoi-nauki-i-tekhnologii-na-2021-2025-gody

3 Annual Report on Evaluation 2022 (2023, May). UNDP. https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-02/undp-are-2022.pdf; UNDP and UNECE Support the Development of Renewable Energy in Turkmenistan (2025, September 5). News Central Asia. https://www.newscentralasia.net/2025/09/05/undp-and-

модель формирует стратегический ориентир на модернизацию, но её реализация зависит от готовности к институциональным реформам и расширению международного сотрудничества в научно-технической сфере.

Одной из центральных составляющих туркменского образа будущего является идеология постоянного нейтралитета, признанная ООН в 1995 году. В официальной риторике нейтралитет рассматривается не только как внешнеполитический принцип, но и как фундамент национальной идентичности — гарантия стабильности, независимости и внутреннего согласия. Он символически закреплён в Конституции, государственных праздниках и публичных выступлениях президента, где нейтралитет трактуется как форма цивилизационного выбора (Овезсахедов и др., 2025).

Цивилизационно-идентификационная модель соединяет идею культурного наследия с проектом социального благополучия. Национальная программа социально-экономического развития до 2030 года определяет приоритеты «устойчивого благополучия» и «государства для народа», подчёркивая преемственность традиций и модернизации[1]. В иерархии смыслов духовное и национальное превосходят экономическое, что придаёт туркменскому образу будущего нормативный характер — изменения допустимы лишь постольку, поскольку не нарушают культурно-политический баланс. По мнению исследователя Ч. Салливана, этот подход позволяет поддерживать социальное единство, но затрудняет деятельность зарубежных культурных проектов и фондов. Туркменистан представляет себя в Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций как образцовое нейтральное государство, и это даёт действующему режиму свободу действий в геополитике (Sullivan, 2020).

Интеграционная модель описывает будущее Туркменистана как процесс включения в региональные и глобальные сети при сохранении нейтралитета. Основой здесь служит геоэкономический потенциал транзитного государства, соединяющего Каспийский регион, Центральную Азию и Ближний Восток. Внешнеэкономическая стратегия Туркменистана до 2030 г.[2] и проекты Министерства транспорта[3] ориентированы на развитие транспортных коридоров — Транскаспийского маршрута, коридора «Север–Юг», железнодорожных веток в сторону Афганистана и Ирана. Эти инициативы позиционируются как ключевой элемент формирования «экономической идентичности» Турк-

unece-support-the-development-of-renewable-energy-in-turkmenistan/

1 Годовой отчет ООН 2022 Туркменистан (2023, март). Организация объединенных наций. Туркменистан. https://turkmenistan.un.org/sites/default/files/2023-05/UN_AnnualReport_2022_RU.pdf

2 Экономическая стратегия Туркменистана: национальная модель устойчивого развития (2021, сентябрь 22). Туркменистан сегодня. https://tdh.gov.tm/index.php/ru/post/28727/ekonomicheskaya-strategiya-turkmenistana-nacionalnaya-model-ustojchivogo-razvitiya

3 В Туркменистане озвучены планы по развитию сферы транспорта на 2025 год (2025, январь 4). Arzuw News. https://arzuw.news/v-turkmenistane-ozvucheny-plany-po-razvitiju-sfery-transporta-na-2025-god

менистана — государства, которое связывает разные регионы без вовлечения в политические альянсы[1].

Согласно отчётам UNESCAP (2024)[2] и Asian Development Bank (2023)[3], туркменская политика транспортной интеграции рассматривается как инструмент постэнергетической диверсификации. Развитие логистики и цифровых платформ открывает возможности для привлечения иностранных инвестиций и расширения экспорта услуг. Однако Э. Джагитян указывает на структурные риски: слабое нормативное сопряжение с соседними странами, ограниченность доступа к международным рынкам капитала и политическая настороженность к внешним партнёрам (Джагитян, 2013).

Интеграционная модель требует гибкости, сочетания прагматизма и символического дистанцирования. Туркменистан стремится развивать внешние связи без утраты политического контроля, используя формат нейтралитета как инструмент избирательного участия в проектах ШОС, БРИКС или ОЭС. Это позволяет формировать будущее как сеть взаимных выгод, где страна сохраняет автономию, но участвует в региональной взаимозависимости.

Сопоставление трёх моделей позволяет выделить ключевые особенности туркменского образа будущего: нормативная устойчивость — будущие ориентиры задаются сверху и легитимируются через идеи нейтралитета и культурной преемственности; технологическая модернизация без либерализации — инновации служат инструментом управляемого развития, а не политического обновления; избирательная интеграция — участие в региональных проектах сочетается с сохранением идеологической и политической автономии. Оптимальный сценарий видится как баланс трёх траекторий: технологического обновления, культурной преемственности и прагматической открытости внешнему миру. Однако этот баланс остаётся хрупким: технологические и интеграционные процессы требуют институциональной гибкости и большей вовлечённости общества, чего туркменская политическая система пока избегает.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о том, что в Каспийском регионе формируется особая когнитивно-дискурсивная зона, где конструирование образов будущего выступает не просто инструментом стратегического планирования, но и механизмом воспроизводства

1 Президент Туркменистана утвердил Программу социально-экономического развития страны на 2023 год (2023, февраль 14). Nebit-Gaz. https://www.oilgas.gov.tm/en/posts/habarlar/6866/the-president-of-turkmenistan-approved-the-program-of-social-and-economic-development-of-the-country-for-2023

2 Towards a National Strategy in advancing cross-border paperless trade in Turkmenistan (2024, May 20-21). ESCAP. https://www.unescap.org/events/2024/towards-national-strategy-advancing-cross-border-paperless-trade-turkmenistan

3 Turkmenistan. https://www.adb.org/sites/default/files/publication/863591/tkm-ado-april-2023.pdf

идентичности, власти и социетальной устойчивости. Анализ показал, что исследовательские и экспертные поля в пяти прикаспийских государствах — России, Казахстане, Азербайджане, Туркменистане и Иране — вырабатывают различные формы символического образа будущего, в которых «будущее» становится категорией не предсказания, а проектирования и легитимации.

В основу национальных нарративов заложена триада — технологическая, цивилизационно-идентификационная и интеграционная модели. Их взаимодействие демонстрирует переход от линейных модернизационных сценариев к гибридным формам проектирования будущего, в которых инновация соотносится с традицией, а развитие — с сохранением культурного кода. В этом контексте образ будущего выполняет функцию медиатора между прагматической рациональностью и символическим порядком. Каждая из моделей несёт собственную траекторию регионального самоопределения: технологическая — формирует прагматический горизонт модернизации, цивилизационно-идентификационная — закрепляет нормативные рамки культурной легитимности, интеграционная — создает архитектуру региональной взаимозависимости и многоуровневого взаимодействия.

Прогностический анализ позволяет выделить несколько вероятных тенденций развития. В ближайшие десятилетия ожидается укрепление технологического дискурса как доминирующего механизма национальной консолидации и экономической мобилизации. Его усиление будет сопровождаться формированием новой парадигмы технологического суверенитета — не только как экономической, но и как ценностно-политической категории. Одновременно будет происходить реинтерпретация идентитарных нарративов, направленная на поиск баланса между культурным консерватизмом и социальной адаптивностью. Особенно это актуально для государств, где традиционные символические структуры выступают барьером для инноваций (Иран, Туркменистан).

В интеграционном измерении вероятен переход к прагматическому многополяризму — модели, в которой государства Каспия будут стремиться не к институциональному объединению, а к формированию гибких сетевых связей, основанных на совместном управлении рисками и ресурсами. Формирующийся контур евразийской многополярности предполагает, что Каспийский макрорегион станет пространством стратегической стыковки цивилизаций, где будущее определяется не вертикальными союзами, а горизонтальными партнёрствами.

Таким образом, Каспийское пространство трансформируется в лабораторию регионального будущего, где взаимодействуют различные темпоральные логики — модернизационная, идентификационная и интеграционная. Этот синтез порождает особый тип социального времени — «замедленную модернизацию», основанную на управляемом развитии и контролируемом изменении.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением дискурсивно-прогностического анализа, включающего когнитивное моделирование сценариев будущего и сравнительное изучение стратегических нарративов на уровне академических и медийных полей. Это позволит не только реконструировать структуру региональных представлений о будущем, но и оценить, каким образом они трансформируют реальные политические и институциональные практики. В более широком контексте исследование подчеркивает необходимость перехода от линейных концепций развития к эпистемологии будущего, где прогнозирование рассматривается как форма культурного действия, а знание — как фактор формирования возможных миров. Каспийский регион в этом смысле становится не периферией глобальных процессов, а их когнитивным ядром, производящим новые модели понимания социального времени, модернизации и идентичности.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Романова Анна Петровна – обоснование концепции исследования (формулирование идеи, исследовательских целей и задач), разработка методологии исследования, проведение сравнительного анализа.

Федорова Мария Михайловна – обобщение результатов исследования; формулировка выводов, редактирование текста рукописи, написание заключения

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Все авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00301-П «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00301-P "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security."

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не использовались при написании текста рукописи.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Abdulmahdi, S. N., Kourosh, A., Hassan, A., & Alireza, S. N. (2023). The Future Perspective of Islam and Iran and its Evolutionary Stages based on the Islamic Style. *Islamic Life Style*, 7(2), 40–48.

Alizadh, M., & Ghaffari, S. A. (2024). Al-Ghazali's Perspective on the Interrelation of Science and Religion. *The Quran and Science*, 18(34), 111–142. https://doi.org/10.22034/qve.2024.9420

Dynkin, A. A., Baranovsky, V. G., Kobrinskaya, I. Y., & Machavariani, G. I. (2023). Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast. *Analys and Forecasting. IMEMO Journal*, 1, 13–26. https://doi.org/10.20542/afij-2023-1-13-26

Ergun, A. (2022). Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813–830. https://doi.org/10.1017/nps.2020.81

Foucault, M. (1972). *The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language*. Pantheon.

Guliyev, F. (2024). Presidential Discourses on Regionalism in Azerbaijan: Turkic Solidarity and the Silk Road. *Nationalities Papers*, 1–21. https://doi.org/10.1017/nps.2024.42

Inayatullah, S. (2008). Six Pillars: Futures Thinking for Transforming. *Foresight*, 10(1), 4–21. https://doi.org/10.1108/14636680810855991

Kalateh Sadati, A., & Razavi, A. (2024). Exploring Religiosity among the Educated Generation of the 70s in Yazd City: A Qualitative Study. *Strategic Research on Social Problems*, 13(3), 27–50. https://doi.org/10.22108/srspi.2024.141378.1994

Kousari, S., & Hadavand, M. (2023). Using Supportive Scenarios for Policy Making Based on Futures Studies. *Journal of Science and Technology Policy*, 16(2), 19–39. https://doi.org/10.22034/jstp.2023.11290.1640

Miller, R. (Ed.). (2018). *Transforming the Future: Anticipation in the 21st Century*. Taylor & Francis. https://doi.org/10.4324/9781351048002

Mohammadian, M., & Haji-Yousefi, A. M. (2022). The Analysis of Iran's Foreign Policy from a Sociohistorical Perspective. *Social Evolution & History*, 21(2). https://doi.org/10.30884/seh/2022.02.04

Nikooye, M., Darvishi, F., Fazli, S., & Keshavarz Tork, E. (2021). Providing an Integrated Strategic Foresight Evaluation Process Model at National Level with an Interpretive Structural Modeling Approach. *Journal of Iran Futures Studies*, 5(2), 1–33. https://doi.org/10.30479/jfs.2021.14119.1234

Panahi, F., & Ghasemi, M. H. (2024). Designing A Policy Laboratory Process with A Strategic Foresight Approach. *Journal of Science and Technology Policy*, 17(1), 19–38. https://doi.org/10.22034/jstp.2024.11590.1748

Sarbazi, M., Abazari, M., & Montazeri, B. (2023). Islamic Identity and Technology as Soft Power: Formulating Iran's Regional Influence in the Middle East. *Contemporary Political Studies*, 14(1), 205-226.

Sariolghalam, M. (2018). *Prospects for Change in Iranian Foreign Policy*. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569

Sayadi, H., & Sanaei, A. (2019). The Place of Looking at the East Discourse in Changing Iran's Foreign Policy Approach by Emphasizing on the Geopolitical Genome of Russia. *Central Eurasia Studies*, 12(1), 115–135. https://doi.org/10.22059/jcep.2019.252470.449751

Sazmand, B., & Goudarzi, M. (2022). A Comparative Analysis of China's Position in Ahmadinejad and Rouhani look East Policy. *Central Eurasia Studies*, 15(1), 127–155. https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338889.450060

Shariati, A. (1980). *Marxism and other Western Fallacies: An Islamic Critique*. Mizan Press.

Sullivan, C. J. (2020). Neutrality in Perpetuity: Foreign Policy Continuity in Turkmenistan. *Asian Affairs*, 51(4), 779–794. https://doi.org/10.1080/03068374.2020.1826753

Taheri Demneh, M. (2019). Futuristic Research in the Roots of Images of the Future. *Strategic Studies of Public Policy (Strategic Studies of Globalization Journal)*, 8(29), 45–65.

Wendt, A. (2015). *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163

Yazdi, N., Fateh-rad, M., Kadkhodapour, J., & Tahmasbi, S. (2024). Spatial Analysis of the Concentration of Knowledge-Based Firms in Iran. *Spatial Planning*, 14(4), 27–52. https://doi.org/10.22108/sppl.2024.138926.1742

Абдуллаев, И. И. (2021). Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: государственное и муниципальное управление*, 8(1), 80–88. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88

Алиев, Р. Т. (2024). За гранью юзабилити: Критический анализ исследований интерфейса. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493

Альжанова, Ф. Г., Нурланова, Н. К., & Днишев, Ф. М. (2020). Оценка уровня и приоритетные направления модернизации регионов Казахстана. *Проблемы развития территории*, 1, 124–141. https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.9

Аралбаева, Г. Г., & Берикболова, У. Д. (2025). Модель выравнивания межрегиональных диспропорций в социально-экономическом развитии Республики Казахстан. *Прогрессивная экономика*, 4, 34–48. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_34

Ахапкин, Н. Ю. (Ред.). (2022). *Экономическая и технологическая модернизация России: Уроки истории и современные вызовы*. ИЭ РАН.

Ван, Ц. (2025). Инициатива «один пояс, один путь» в контексте двустороннего российско-китайского сотрудничества. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 3, 52–72.

Великая, Н. М. (Ред.). (2023). *Образ будущего в призме социологических измерений*. Мир Науки.

Джагитян, Э. (2013). *Финансовые рынки Центральной Азии: Свет в середине туннеля*. Российский совет по международным делам. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finansovye-rynki-tsentralnoy-azii-svet-v-seredine-tunnelya/?sphrase_id=144713371

Иванова, Н. Д., Карулин, А. А., Комаров, М. В., Летняков, Д. Э., Ложкин, Е. А., Нестеров, Г. Э., Подольский, В. А., Рожкова, З. И., Федорова, М. М., & Шарова, В. Л. (2024). *Образ будущего в политической философии XX-XXI веков*. Центр гуманитарных инициатив.

Искаков, Г. А., & Кегенбеков, Ж. К. (2021). Роль Республики Казахстан в проекте «Один пояс – один путь». *Научные проблемы водного транспорта*, 67, 94–101. https://doi.org/10.37890/jwt.vi67.198

Кабазиев, М. Ш. (2022). Формирование национальной идентичности Республики Казахстан: Особенности и противоречия. *Современная Европа*, 7, 221–231. https://doi.org/10.31857/S020170832207018X

Казиев, С. Ш., Могунова, М. В., & Старченко, Р. А. (2024). Этничность и опасности группового доверия в постсоветском Казахстане. *Этнография*, 23(1), 237–259. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-237-259

Ключарева, В. В., & Корусенко, С. Н. (2023). Модернизация исторической памяти и национальной идентичности в Республике Казахстан: Средства формирования и трансляции. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 3, 193–204. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-17

Колбачаева, Ж. Е. (2019). Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*, 6(4), 398–408. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408

Кривопусков, В. В. (2016). Концепт «Русский мир»: Принципы и возможности методологических подходов. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 1, 111–119.

Ли, Ф., Сагитова, В. Р., Галиуллин, М. З., & Кадыров, Р. Р. (2024). Перспективность развития ШОС для стран-участниц. *Российские исследования*, 5(2), 88–99.

Мамедзаде, И. (2024). *Перспективы нашей идентичности*. Азербайджанская академия наук. https://philosophy.edu.az/index.php?newsid=2476

Мамедов, А. В. (2024). Внешняя политика Казахстана: Уточняя приоритеты. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(1), 121–130. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130

Мачавариани, Г. И., & Кобринская, И. Я. (Ред.). (2022). *Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. ИМЭМО РАН.

Овезсахедов, Г. О., Нургелдиев, А. Х., Чарыева, О. М., & Гурбандурдыева, Г. О. (2025). Нейтралитет как основа государственной политики и национального самосознания Туркменистана. *Символ науки*, 5–2, 148–149.

Огнева, В. В. (2024). Десятилетие, меняющее мир, и модель политического развития России. *Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: в поиске новой модели социально-экономического и политического развития России. Сборник статей и материалов XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, 11–19.

Пилипенко, И. В. (2022). Узловые проблемы и направления совершенствования институтов Евразийского экономического союза. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 234(2), 220–239. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-234-2-220-239

Сатпаев, А. (2021). *Политика модернизации в Казахстане: Риски и перспективы*. KISI.

Семенец, Е. В. (2024). Политика идентичности в Республике Казахстан: Культурно-символический аспект. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, 17, 90–98.

Серегина, А. А. (2025). *Приоритеты внешней политики России в сфере энергетики в условиях западных односторонних ограничений* [Диссертация доктора политических наук]. МГИМО.

Таджиходжаев, Т. (2021). Политическое прогнозирование как основной этап политического анализа. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 1(10), 314-319.

Таршилова, Л. С. (2018). Участие Казахстана в интеграционных процессах Евразийского экономического союза. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, 1–1, 251-255.

Хунцзян, Ч. (2023). Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях. *Известия Восточного института*, 57, 147–155. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155

Черничкин, Д. А. (2022). Языковая политика Республики Казахстан как механизм конструирования новой национальной идентичности. *Южно-российский журнал социальных наук*, 23(2), 106–128. https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-106-128

Энтин, М. Л. (2021). *Современные вызовы международному праву и национальным интересам России*. РИСИ. https://riss.ru/analitica/sovremennyye-vyzovy-mezhdunarodnomu-pravu-i-natsionalnym-interesam-rossii/?sphrase_id=270667

References

Abdullaev, I. I. (2021). The Caspian Region in the Conditions of New Geopolitical Challenges and New Tasks of Public Administration. *RUDN Journal of Public Administration*, 8(1), 80–88. https://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88 (In Russian).

Abdulmahdi, S. N., Kourosh, A., Hassan, A., & Alireza, S. N. (2023). The Future Perspective of Islam and Iran and its Evolutionary Stages based on the Islamic Style. *Islamic Life Style*, 7(2), 40–48.

Akhapkin, N. Yu. (Ed.). (2022). *Economic and Technological Modernization of Russia: Lessons from History and Contemporary Challenges*. Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.. (In Russian).

Aliev, R. T. (2024). Beyond Usability: A Critical Analysis of Interface Research. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 223–259. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.493 (In Russian).

Alizadh, M., & Ghaffari, S. A. (2024). Al-Ghazali's Perspective on the Interrelation of Science and Religion. *The Quran and Science*, 18(34), 111–142. https://doi.org/10.22034/qve.2024.9420

Alzhanova, F. G., Nurlanova, N. K., & Dnishev, F. M. (2020). Assessment of Level and Priority Guidelines of Kazakhstan Regions' Modernization. *Problems of Territory's Development*, 1, 124–141. https://doi.org/10.15838/ptd.2020.1.105.9 (In Russian).

Aralbaeva, G. G., & Berikbolova, U. D. (2025). A Model for Equalizing Interregional Disparities in the Socio-Economic Development of the Republic of Kazakhstan. *Progressive Economics* , 4, 34–48. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_4_34 (In Russian).

Chernichkin, B. Ф. (2022). Language Policy of the Republic of Kazakhstan as a Mechanism for the Construction of a New National Identity. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 23(2), 106–128. https://doi.org/10.31429/26190567-23-2-106-128 (In Russian).

Dynkin, A. A., Baranovsky, V. G., Kobrinskaya, I. Y., & Machavariani, G. I. (2023). Russia and the World: 2023 IMEMO Forecast. *Analys and Forecasting. IMEMO Journal*, 1, 13–26. https://doi.org/10.20542/afij-2023-1-13-26

Entin, M. L. (2021). *Contemporary challenges to international law and Russia's national interests.* RISI. https://riss.ru/analitica/sovremennyye-vyzovy-mezhdunarodnomu-pravu-i-natsionalnym-interesam-rossii/?sphrase_id=270667 (In Russian).

Ergun, A. (2022). Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. *Nationalities Papers*, 50(4), 813–830. https://doi.org/10.1017/nps.2020.81

Foucault, M. (1972). *The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language*. Pantheon.

Guliyev, F. (2024). Presidential Discourses on Regionalism in Azerbaijan: Turkic Solidarity and the Silk Road. *Nationalities Papers*, 1–21. https://doi.org/10.1017/nps.2024.42

Hongjiang, Zh. (2023). Prospects for Kazakhstan-China relations in the new geopolitical realities. *Oriental Institute Journal*, 57, 147–155. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/147-155 (In Russian).

Inayatullah, S. (2008). Six Pillars: Futures Thinking for Transforming. *Foresight*, 10(1), 4–21. https://doi.org/10.1108/14636680810855991

Iskakov, G. A., & Kegenbekov, Zh. K. (2021). Role of Kazakhstan in a Belt and Road Initiative Project. *Russian Journal of Water Transport*, 67, 94–101. https://doi.org/10.37890/jwt.vi67.198 (In Russian).

Ivanova, N. D., Karulin, A. A., Komarov, M. V., Letnyakov, D. E., Lozhkin, E. A., Nesterov, G. E., Podolsky, V. A., Rozhkova, Z. I., Fedorova, M. M., & Sharova, V. L. (2024). *The Image of the Future in Political Philosophy of the 20th and 21st Centuries*. Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian).

Jagitian, E. (2013). Financial Markets in Central Asia: Light at the End of the Tunnel. *Russian International Affairs Council*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finansovye-rynki-tsentralnoy-azii-svet-v-seredine-tunnelya/?sphrase_id=144713371 (In Russian).

Kabaziev, M. Sh. (2022). Formation of the National Identity of the Republic of Kazakhstan: Peculiarities and Contradictions. *Contemporary Europe*, 7, 221–231. https://doi.org/10.31857/S020170832207018X (In Russian).

Kalateh Sadati, A., & Razavi, A. (2024). Exploring Religiosity among the Educated Generation of the 70s in Yazd City: A Qualitative Study. *Strategic Research on Social Problems*, 13(3), 27–50. https://doi.org/10.22108/srspi.2024.141378.1994

Kaziev, S. Sh., Mogunova, M. V., & Starchenko, R. A. (2024). Ethnicity and Dangers of Group Trust in Post-Soviet Kazakhstan. *Etnografia*, 23(1), 237–259. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2024-1(23)-237-259 (In Russian).

Klyuchareva, V. V., & Korusenko, S. N. (2023). Modernisation of the historical memory and national identity in the Republic of Kazakhstan: a means of the formation and translation. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 3, 193–204. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-62-3-17 (In Russian).

Kolbachayeva, J. Y. (2019). Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan.. *Post-Soviet Issues*, 6(4), 398–408. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408 (In Russian).

Kousari, S., & Hadavand, M. (2023). Using Supportive Scenarios for Policy Making Based on Futures Studies. *Journal of Science and Technology Policy*, 16(2), 19–39. https://doi.org/10.22034/jstp.2023.11290.1640

Krivopuskov, V. V. (2016). Concept "The Russian World": Principles and Possibilities of Methodological Approaches. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, 1, 111–119. (In Russian).

Li, F., Sagitova, V. R., Galiullin, M. Z., & Kadyrov, R. R. (2024). Prospects of SCO Development for the Participating Countries. *Journal of Russian Studies*, 5(2), 88–99. (In Russian).

Machavariani, G. I., & Kobrinskaya, I. Ya. (Eds.). (2022). *Russia and the world: 2023. Economy and foreign policy. Annual forecast*. IMEMO RAS. (In Russian).

Mamedov, A. V. (2024). Kazakhstan's Foreign Policy: Adjusting the Priorities. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 121–130. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130 (In Russian).

Mammadzade, I. (2024). *Prospects for Our Identity*. Azerbaijan Academy of Sciences. https://philosophy.edu.az/index.php?newsid=2476 (In Russian).

Miller, R. (Ed.). (2018). *Transforming the Future: Anticipation in the 21st Century*. Taylor & Francis. https://doi.org/10.4324/9781351048002

Mohammadian, M., & Haji-Yousefi, A. M. (2022). The Analysis of Iran's Foreign Policy from a Sociohistorical Perspective. *Social Evolution & History*, 21(2). https://doi.org/10.30884/seh/2022.02.04

Nikooye, M., Darvishi, F., Fazli, S., & Keshavarz Tork, E. (2021). Providing an Integrated Strategic Foresight Evaluation Process Model at National Level with an Interpretive Structural Modeling Approach. *Journal of Iran Futures Studies*, 5(2), 1–33. https://doi.org/10.30479/jfs.2021.14119.1234

Ogneva, V. V. (2024). A decade that changed the world and the model of political development in Russia. *Traditions and innovations in state and municipal administration: in search of a new model of socio-economic and political development in Russia. Collection of articles and materials from the 18th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*, 11–19. (In Russian).

Ovezsakedov, G. O., Nurgeldiev, A. Kh., Charyeva, O. M., & Gurbandurdyeva, G. O. (2025). Neutrality as the basis of state policy and national identity in Turkmenistan. *Symbol of Science*, 5–2, 148-149. (In Russian).

Panahi, F., & Ghasemi, M. H. (2024). Designing A Policy Laboratory Process with A Strategic Foresight Approach. *Journal of Science and Technology Policy*, 17(1), 19–38. https://doi.org/10.22034/jstp.2024.11590.1748

Pilipenko, I. V. (2022). Key Problems and Directions for Enhancementof the Institutions of the Eurasian Economic Union. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 234(2), 220–239. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-234-2-220-239 (In Russian).

Sarbazi, M., Abazari, M., & Montazeri, B. (2023). Islamic Identity and Technology as Soft Power: Formulating Iran's Regional Influence in the Middle East. *Contemporary Political Studies*, 14(1), 205-226.

Sariolghalam, M. (2018). *Prospects for Change in Iranian Foreign Policy*. Carnegie Endowment for International Peace; Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/2018/02/20/prospects-for-change-in-iranian-foreign-policy-pub-75569

Satpaev, A. (2021). *Modernization Policy in Kazakhstan: Risks and Prospects*. KISI. (In Russian).

Sayadi, H., & Sanaei, A. (2019). The Place of Looking at the East Discourse in Changing Iran's Foreign Policy Approach by Emphasizing on the Geopolitical Genome of Russia. *Central Eurasia Studies*, 12(1), 115–135. https://doi.org/10.22059/jcep.2019.252470.449751

Sazmand, B., & Goudarzi, M. (2022). A Comparative Analysis of China's Position in Ahmadinejad and Rouhani look East Policy. *Central Eurasia Studies*, 15(1), 127–155. https://doi.org/10.22059/jcep.2022.338889.450060

Semenets, E. V. (2024). Identity politics in the Republic of Kazakhstan: Cultural and symbolic aspects. *The Russian political process in a regional context: history, theory, practice*, 17, 90–98. (In Russian).

Seregina, A. A. (2025). *Priorities of Russia's Foreign Policy in the Energy Sector under Western Unilateral Restrictions* [Doctoral Dissertation in Political Science]. MGIMO University. (In Russian).

Shariati, A. (1980). *Marxism and other Western Fallacies: An Islamic Critique*. Mizan Press.

Sullivan, C. J. (2020). Neutrality in Perpetuity: Foreign Policy Continuity in Turkmenistan. *Asian Affairs*, 51(4), 779–794. https://doi.org/10.1080/03068374.2020.1826753

Taheri Demneh, M. (2019). Futuristic Research in the Roots of Images of the Future. *Strategic Studies of Public Policy (Strategic Studies of Globalization Journal)*, 8(29), 45–65.

Tajikhodzhaev, T. (2021). Political Forecasting as the Main Stage of Political Analysis. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 1(10), 314–319. (In Russian).

Tarshylova, L. S. (2018). Kazakhstan's participation in the integration processes of the Eurasian Economic Union. *The Great Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 1–1, 251–255. (In Russian).

Velikaya, N. M. (Ed.). (2023). *The Image of the Future Through the Prism of Sociological Measurements.* World of Science. (In Russian).

Wang, C. (2025). The "One Belt, One Road" Initiative in the Context of Bilateral Russian-Chinese Cooperation. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, 3, 52–72. (In Russian).

Wendt, A. (2015). *Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163

Yazdi, N., Fateh-rad, M., Kadkhodapour, J., & Tahmasbi, S. (2024). Spatial Analysis of the Concentration of Knowledge-Based Firms in Iran. *Spatial Planning*, 14(4), 27–52. https://doi.org/10.22108/sppl.2024.138926.1742

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Miscellanea | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.667

Manchukuo and the Japanese Colonial Model in the Assessments of the US Press in 1932

Sergei O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia.
Email: s.buranok[at]pgsga.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8307-9428

Received: 20 June 2025 | Revised: 31 August 2025 | Accepted: 12 September 2025

Abstract

A study of the reaction of American journalists and international observers to the appearance of Manchukuo will allow for a more accurate and in-depth understanding of the attitude of the Republican and Democratic periodicals of the United States to the confrontation between China and Japan; to violations of the Washington Treaties, the Briand–Kellogg Pact, and the principles of the "open door" policy; to the territorial expansion of the Japanese Empire on the continent; and to the crisis of the Washington System of International Relations. Republican and Democratic publications in the United States presented several versions of the assessment of the situation in China in 1932. The journalists' main attention was focused on the issues of security, political stability, and the preservation of the "open door" policy. The "open door" policy was recognized by US journalists as more important than preserving the territorial integrity of China. The article is intended for historians and for specialists in the history of media and propaganda.

Keywords

USA; Japanese Empire; Colonialism; Periodicals; Manchuria; Open Door Policy; Imperialism; China; Propaganda; International Relations

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Разное | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.667

Маньчжоу-го и японская модель колониального порядка в оценках периодической печати США 1932 г.

Буранок Сергей Олегович

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия.
Email: s.buranok[at]pgsga.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8307-9428

Рукопись получена: 20 июня 2025 | Пересмотрена: 31 августа 2025 | Принята: 12 сентября 2025

Аннотация

Изучение реакции американских журналистов и международных обозревателей на появление Маньчжоу-го позволит более точно и глубоко понять отношение республиканской и демократической периодической печати США к противостоянию Китая и Японии, а также к нарушениям Вашингтонских договоров, пакта Бриана–Келлога и принципов «политики открытых дверей», к территориальному расширению Японской империи на континенте и кризису Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Республиканские и демократические издания США представили несколько вариантов оценок ситуации в Китае в 1932 г. Основное внимание журналистов было сосредоточено на проблемах безопасности, политической стабильности и сохранения политики «открытых дверей». Политика «открытых дверей» была признана американскими журналистами более важной, чем сохранение территориальной целостности Китая. Статья рассчитана на историков, специалистов по истории медиа и пропаганды.

Ключевые слова

США; Японская империя; колониализм; периодическая печать; Маньчжурия; политика «открытых дверей»; империализм; Китай; пропаганда; международные отношения

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Введение

Изучение реакции американской периодической печати на ключевые этапы формирования японской колониальной системы важно для более точного понимания эволюции не только образа Японии в США, но и специфики восприятия кризисов Версальско-Вашингтонской системы. Публикации газет США о Маньчжоу-го показывают, какие изменения и в какие периоды претерпели американские оценки Маньчжурского кризиса, какие модели решения данного кризиса были предложены и какие прогнозы развития международных отношений давали журналисты.

Маньчжурия в 1932 г. становится одним из главных объектов внимания журналистов США в Азии. Согласно подсчётам, произведённым по материалам Библиотеки Конгресса (проект “Chronicling America”), данная территория упоминается в течение исследуемого года в американских газетах 3902 раза. Особенно часто — в изданиях штата Нью-Йорк: 1350 раз за 1932 г. Газеты округа Колумбия упоминают Маньчжурию в своих выпусках 978 раз; Калифорнии — 389 раз, Иллинойса — 461 раз.

Указанные территории продемонстрировали следующие показатели: в среднем более одного упоминания Маньчжурии в день в течение всего 1932 г., что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, Нью-Йорк и округ Колумбия являлись в начале 1930-х гг. «центрами американской информационной жизни; в них издавались газеты: “New York Herald Tribune”, “New York Daily News”, “New York World-Telegram”, “Wall Street Journal”, “The Washington Times-Herald”, “The New York Times”, “The Washington Post”» (Буранок, 2025). В штате Иллинойс выходила одна из важнейших газет изоляционистов — “Chicago Tribune”. В Калифорнии в начале 1930-х гг. годов издавались “Los Angeles Times”, “Imperial Valley Press”, “Los Angeles Herald-Express”. Это крупные ежедневные газеты, специализировавшиеся на освещении не только проблем внутриполитической жизни США, но и международных вопросов. С началом военного вторжения Японии в Китай в сентябре 1931 г. года два издания (“Chicago Tribune” и “The New York Times”) превратились в ведущие информационные каналы, каждый день сообщавшие американскому обществу о ходе боевых действий в Маньчжурии.

Во-вторых, в Нью-Йорке, Вашингтоне и особенно в Калифорнии к началу 1930-х гг. сформировалась крупная японская диаспора. Журналисты и редакторы указанных территорий с повышенным вниманием рассматривали любые агрессивные шаги Японии. Издания данных штатов намного чаще других сообщали читателям о проблемах в международной ситуации на Дальнем Востоке.

В-третьих, в «Калифорнии, Иллинойсе, Нью-Йорке и округе Колумбия были развиты традиции международной журналистики и освещения проблем мироустройства, отношения с колониями и империями, самоопределения для малых народов» (Буранок, 2025). Поэтому, Маньчжурия была чрезвычайно

любопытным объектом для американских внешнеполитических обозревателей. Причем, если Калифорния в большей степени характеризовалась демократическими газетами, которые поддерживали интернационалистский курс, то Иллинойс был центром республиканского общественного мнения; издания Нью-Йорка и столичного Вашингтона в 1932 г. представляли как демократов, так и республиканце.

Материалы периодической печати США за 1932 г. выбраны как предмет исследования, поскольку в феврале–марте этого года «Маньчжурский инцидент» вошел в решающую стадию: произошел переход от боевых действий к прекращению огня и урегулированию конфликта путём создания в северо-восточном Китае нового государства — Маньчжоу-го. Цель исследования — изучить американские оценки кризиса в Маньчжурии периода 1932 г. Для этого необходимо проанализировать материалы республиканской и демократической периодической печати США.

Методология

В методологическом плане проблема анализа оценок Маньчжурии неразрывно связана и с вопросом о формировании образа Китая в целом, и с вопросом об оценке японской колониальной империи. В отличие от изучения международных образов «Другого», в случае с Маньчжурией необходим более разноплановый исследовательский фокус: предметом анализа выступают и «воображаемая география», и «воображаемая война» со своим специфическим набором образов врагов и союзников, побед и поражений, причин войны и последствий. При изучении «воображаемой войны» большое значение приобретает роль исторического прошлого при формировании оценок причин войны. В случае с Китаем и Маньчжурией прошлое выступало важным элементом системы доказательств и у республиканцев, и у демократов.

В данной статье основной фокус внимания сосредоточен на республиканских и демократических периодических изданиях США, которые в начале 1932 г. скорректировали свои позиции относительно «маньчжурского кризиса» несколько раз. Сравнительно-исторический анализ поможет выявить как общие моменты данных оценок, свойственные американской периодической печати независимо от партийной направленности, так и уникальные, характерные либо для республиканских, либо для демократических газет. В качестве основного материала для исследования были отобраны публикации о Маньчжурии (начала 1932 г.), размещенные в крупных газетах США разных партийных взглядов “The Washington Post”, “The Washington Tribune”, “Chicago Tribune”, “Evening Star”, “The New York Times”. Кроме того, были использованы газеты малых и средних городов США, где встречались не только перепечатки статей (особенно из газет Вашингтона и Нью-Йорка), но и собственные, уникальные мнения и оценки происходящих в Китае событий (издания

"Henderson Daily Dispatch", "Imperial Valley Press", "The Glens Falls Times" и др.). Сравнительно-исторический анализ публикаций разных (по партийной принадлежности, по географии, по охвату читательской аудитории) газет позволяет более точно реконструировать процесс формирования и эволюции оценок Маньчжурии и японской колониальной модели в США в 1932 г.

Историография

В изучении формирования американской прессой образа Маньчжурии 1932 г. сложилось несколько направлений. Первое направление — труды по формированию в США образа Китая в контексте международных проблем и кризисов в межвоенный период (Dallek, 1979; Cole, 1983). Историки данного направления доказывают, что с сентября 1931 г. (Маньчжурский инцидент) — американские политики и пресса увидели в Китае (точнее, в гоминьдановском правительстве) союзника против Японии. Роберт Далек объяснял осторожное отношение Ф. Рузельта (причем, с 1932 г.) к внешней политике, японской агрессии в Китае, концом колониализма, трансформациями Китая особенностями общественного мнения и «скрытой подготовкой к военному времени» (Dallek, 1979, p. 529). Уэйн Коул показывает сильное влияние изоляционистов Среднего Запада на внешнюю политику, информационную ситуацию и оценки международных кризисов (Cole, 1983, p. 28-30). Таким образом, в рамках первого направления Китай и Маньчжурия представлялись историкам важным фактором в развитии японо-американского конфликта на Тихом океане. Историки данного направления несколько односторонне оценивали роль периодической печати, критикуя изоляционистов без детального анализа публикаций и демократических, и республиканских журналистов.

Второе направление. Работы об «оценке Китая американскими журналистами и общественными деятелями в контексте истории колониализма и деколонизации» (Cole, 1983). Китай начала 1930-х гг. многими участниками «колониальной дискуссии» в США оценивался в качестве одного из объектов внимания империй, особенно Великобритании и Японии (Sand, 2014, p. 273–275; Booth, 2017, p. 61–98; Cooper, 2005). Фредерик Купер выступал против того, чтобы представлять XIX и XX века как неизбежное движение от империи к национальному государству. Купер помещает национализм в гораздо более широкий диапазон имперских представлений, отношений между правителями и управляемыми, вплоть до XX века. При таком подходе Китай был лишь одним из примеров межимперского передела территорий.

Третье направление. Анализ общественного мнения США относительно исторических процессов в Маньчжурии и Китае (Jespersen, 1996; Neils, 1990; Cook et al., 2014). В работах Патриции Нилс и Кристофера Джесперсена был проанализирован образ Китая в первой половине XX в. Маньчжурия, согласно данным работам, воспринималась как часть Китая даже после создания Маньчжоу-го. Более того, Джесперсен пишет, что в американском представ-

лении, подпитываемом различными политическими, экономическими и религиозными интересами, Китай был не столько географическим образованием, сколько символом американских надежд и страхов. Одним из наиболее важных последствий стала идеализация Китая и демонизация Японии (Jespersen, 1996, p. 3-10). Анализ периодической печати США за 1932 г. показывает, что ситуация с «идеализацией и демонизацией» была намного сложнее. Без изучения публикаций демократических и республиканских журналистов очень трудно установить особенности американских представлений о Китае. Книга Патриции Нилс посвящена роли медиамагната Генри Люса в формировании образа Китая, где ключевой была фигура Чан Кайши, сопротивляющегося и японцам, и коммунистам. Нилс очень детально изучила публикации трёх журналов Генри Люса. Но это только один (и довольно узкий) спектр мнений американских медиа о Китае в начале 1930-х гг.

Наиболее активно историю создания Маньчжоу-го (и реакцию общественности различных стран) рассматривал из отечественных историков В.Э. Молодяков. В его книгах вопрос о Маньчжурии изучается в контексте, прежде всего, отношений Японии с Российской империей и Советским Союзом (Молодяков, 2005; 2006; Куланов & Молодяков, 2007; Молодяков, 2023). Кроме того, В.Э. Молодяков проанализировал восприятие «Маньчжурского инцидента» во Франции (2018, с. 204-220). Труды В.Г. Дацышена посвящены истории военных конфликтов на территории Маньчжурии в первой половине XX в. (2023; 2021, с. 271 – 290). Роль русских иммигрантов в конфликтах в Северо-Восточном Китае описана М.В. Кротовой (2021). Непосредственно реакция периодической печати зарубежных стран была исследована Е.Н. Наземцевой (2022, с. 186-204) и П.Н. Дудиной (2024, с. 65-94).

Видно, что исторических работ об особенностях восприятия японской колониальной системы американскими журналистами (на примере Маньчжоу-го) достаточно мало. Обозначенные исследовательские рамки трудов не касаются публикаций в прессе США о Маньчжурии. А без этого остаются нераскрытыми важнейшие вопросы об отношении американских медиа к японской агрессии, японскому империализму, Китаю, национализму, политике «открытых дверей». Анализ периодической печати завершающего периода «китайского кризиса» покажет не только борьбу мнений республиканских и демократических изданий по вышеуказанным вопросам, но и трансформацию взглядов и позиций изоляционистских и интернационалистских газет в отношении Китая, Маньчжурии и японского колониализма.

«Китайский кризис» в начале 1932 г. в оценках американских журналистов

В эволюции американских оценок Маньчжоу-го как японской модели колониального порядка в 1932 г. прослеживаются три этапа. Первый этап – это конец января – первая половина февраля 1932 г., когда в периодической

печати США шло активное обсуждение финального периода японо-китайской войны и самых различных вариантов мирного урегулирования. Второй этап – вторая половина февраля 1932 г. – обсуждение возможного перемирия и будущего Маньчжурии. Третий этап – начало марта 1932 г. – непосредственная реакция республиканских и демократических газет Соединённых Штатов на создание нового государства – Маньчжоу-го.

На первом этапе (январь – первая половина февраля 1932 г.) и республиканские, и демократические газеты США были в первую очередь сконцентрированы на описании боевых действий как в Маньчжурии, так и в Шанхае. Причем именно Шанхай становился точкой сближения позиций демократов и республиканцев в контексте осуждения и Японии, и Китая. Газета “The New York Times” приводит в январе 1932 г. цитату госсекретаря Г. Стимсона:

> «Угроза войны, неважно, где она может возникнуть, вызывает глубокую озабоченность у всего мира, и по этой причине американское правительство – как и другие – было вынуждено обратить внимание обоих участников спора на серьезную опасность, сопровождающую сложившуюся ситуацию»[1].

Тезис о равной ответственности Китая и Японии за начало конфликта восходит к публикациям периодической печати США второй половины сентября 1931 г.[2]

Первые упоминания о возможном скором решении «Маньчжурского инцидента» появились в американских газетах в феврале 1932 г. “New York Times” сообщала 13 февраля:

> «Китай желает разрешить конфликт с Японией «в рамках компетенции заинтересованных стран и в согласовании с принципами, гарантирующими сохранение миропорядка и суверенитета, независимости и территориально-административной целостности Китая. Правительство Китая обвиняет Японию в намерении аннексировать Маньчжурию и желании найти причину для полного захвата Китая»[3].

Другая газета штата Нью-Йорк “The Journal-News” комментировала в этот же день события китайского кризиса: «Япония планировала захватить Маньчжурию еще со времен русско-японской войны. Это нарушение политики открытых дверей»[4]. А нью-йоркское демократическое издание “The Glens Falls Times” со ссылкой на Лондон писало о наличии «секретного соглашения между Россией и Японией о разделе Маньчжурии и Монголии»[5]. Эту же тему развивала газета “La opinion”, издававшаяся в Лос-Анджелесе на французском языке: «Русские войска уже в Маньчжурии»[6]. Калифорнийская “Imperial Valley Press” опубликовала довольно значительный очерк по истории «русских интересов в Маньчжурии» с выводом о том, что борьба с белоэмигрантами на севере Китая может стать предлогом для «советского вторжения».

1 The New York Times. 1932. January 28, p. 15.
2 The Washington Post. 1931. September 21, p. 2; San Francisco Examiner. 1931. September 22, p. 1.
3 The New York Times. 1932. February 13, p. 3.
4 The Journal-News. 1932. February 13, p. 2.
5 The Glens Falls Times. 1932. February 13, p. 1.
6 La opinion. 1932. February 13, p. 1.

В данном материале о Маньчжурии “New York Times” подробно приводила заявление китайского правительства, что

> «атака и оккупация Маньчжурии является продуманным действием Японии. Она же отвергла все усилия, направленные на восстановление миропорядка в Китае. Это повторно подчёркивает обвинения Японии в том, что она нарушала условия международного урегулирования своими действиями и совершила военные преступления. Китай желает разрешения нынешней ситуации с привлечением великих держав и с учётом принципов, гарантирующих мир во всём мире, а также суверенитет, независимость и территориально-административную целостность Китая»[1].

В демократических газетах хорошо прослеживаются указания на колониальный характер японских действий в Китае. Причём это показано не просто как имперские амбиции Японии, а как длительный исторический план, противоречащий американским принципам выстраивания отношений в Китае (особенно политике «открытых дверей»). Видно, что в первый день обсуждения возможного урегулирования конфликта в Маньчжурии демократические газеты Калифорнии и Нью-Йорка рассматривали ситуацию с трёх позиций: 1) Япония выступает только за силовое решение проблемы. Термины «аннексия», «оккупация», «захват» используются в анализируемых статьях о Китае. Важно, что такое решение выводится журналистами из исторического контекста начала XX века. 2) Вмешательство других великих держав в маньчжурский кризис. И здесь репортёры строго поляризируют характер данного вмешательства: Китай призывает к масштабной международной конференции, которая должна подтвердить целостность страны, а Япония – ищет «секретных союзников», способных обеспечить раздел и Маньчжурии, и Монголии. 3) США в процитированных статьях не выступают лишь сторонним наблюдателем конфликта: «полный захват Китая», игнорирование «международных договоров», «нарушение политики открытых дверей», «военные преступления» – всё это демонстрирует американской аудитории, что происходящее в Китае – проблема не только китайцев и японцев, а намного более существенный кризис, способный подорвать как интересы США в регионе (политика открытых дверей), так и нарушить «мир во всём мире».

Республиканские периодические издания в феврале 1932 г. обсуждали тему Маньчжурии менее интенсивно. В вашингтонской газете “Evening Star” была опубликована большая статья «Россия и Япония», в которой прослеживаются истоки современного конфликта с 1894 – 1895 гг. – японо-китайской войны, но главным инициатором старых и новых кризисов называют Россию: «Япония всегда рассматривала как угрозу частичное владение Россией Китайско-Восточной железной дорогой и развитие российского влияния»[2]. Общий вывод статьи был прямо противоположным чем в демократических газетах, работавших с теми же материалами над данным сюжетом:

1 The New York Times. 1932. February 13, p. 3.
2 Evening Star. 1932. February 13, p. 4.

«Если и было в действительности современное соглашение между Россией и Японией, то его реализация и вероятность использования советских войск в Маньчжурии, похоже, явно предотвращена»[1].

“The Washington Times” в этот день подчеркивает, что все публикуемые «20-летние планы Японии о захвате Маньчжурии» основываются только на словах нанкинского правительства. Китай не будет присутствовать на мирной конференции с Японией, если не будут присутствовать представители нейтральных держав»[2]. Республиканская газета “Pittsburgh Post-Gazette” прямо называет все новости о «советско-японском пакте» – слухами[3]. Материалы республиканских изданий показывают, что их редакторы и журналисты отнеслись с большей осторожностью, чем демократические газеты, к новостям о поисках Японской империей новых союзников. Более того, данные издания прямо указывают на существенные (причем, в длительной исторической ретроспективе) противоречия между Россией (СССР) и Японией на Дальнем Востоке. И самое важное – в республиканских газетах практически отсутствует американский контекст или интерес в отношении этого конфликта. Следовательно, здесь изоляционистская позиция проявилась достаточно рельефно. Общим моментом позиции демократических и республиканских газет являлось стремление обосновать свой взгляд на кризис с помощью исторических примеров и связывания проблем внутренней и внешней безопасности на территории Маньчжурии в единую систему.

На следующий день, 14 февраля, изоляционисты изложили своё видение китайского кризиса наиболее комплексно. Газета “Evening Star” опубликовала крупную статью известного чикагского журналиста-международника, обладателя первой в истории США Пулитцеровской премии 1929 г., Пола Скотта Маурера о событиях в Маньчжурии, где были отмечены следующие тезисы:

Во-первых, Китай сам попросил Лигу наций «немедленно созвать ассамблею», но «никто не верит, что Лига может действительно урегулировать конфликт. Это беспокоит малые государства. Они чувствуют, что крупные державы не смогли понять, что на карту поставлен не просто мир на Дальнем Востоке, но вся мировая организация мира и даже ближайшее будущее Европы»[4]. Убеждённость в неспособности Лиги наций решить японо-китайский конфликт была свойственна республиканским журналистам еще с осени 1931 г. Эту же мысль развивали и художники-карикатуристы. Так, Дин Дарлинг, штатный художник “Des Moines Register” (газета банкира и члена Палаты представителей штата Айовы Гарднера Коулза) в карикатуре про Лигу наций изобразил маленького японца с хищной улыбкой, разрывающего документы «Статут Лиги наций» и «Пакт Бриана-Келлога»[5].

1 Evening Star. 1932. February 13, p. 4.
2 The Washington Times. 1932. February 13, p. 4.
3 Pittsburgh Post-Gazette. 1932. February 13, p. 1.
4 Evening Star. 1932. February 14, p. 27.
5 Des Moines Register. 1931. October 22, p. 1.

17 ноября 1931 г. Дарлинг снова обращается к данным образам[1]: японский солдат, обнажив оружие, с смотрит на документ «Международный мирный договор». Первый план композиции занимают тела китайских солдат. В указанных рисунках Лига наций лишается статуса активного члена международных отношений и превращается в формальность, в стопку бумаги, которую легко уничтожить. Журналист П.С. Маурер использует этот же образ бесполезной Лиги, но с более драматическим характером, предсказывая глобальные трагические последствия подобного бездействия.

Во-вторых, П.С. Маурер в “Evening Star” пишет о международном осуждении японской агрессии и необходимости уважать статут Лиги наций, антивоенный пакт Келлога и договор девяти держав. Но в этих традиционных для республиканских авторов словах он находит новый интересный сюжет:

> «Есть надежная информация о том, что британское правительство начинает понимать, что проблемы в этом китайско-японском конфликте выходят далеко за рамки Маньчжурии и Шанхая. Британия знает, что престиж западных держав по всей Азии, включая Индию, находится под серьезной угрозой и что если народы продолжат терять доверие к Лиге, и особенно к великим державам, как они сейчас делают, то разоружение будет невозможным, а ближайшей перспективой станет – международная анархия, основанная исключительно на праве силы»[2].

Американский журналист напрямую связывает японские действия в Маньчжурии и угрозу стабильности мировой колониальной системы, показывая уязвимость безопасности Британской империи в Азии. В этом заключается одна из особенностей республиканского взгляда на японо-китайский конфликт: имперские амбиции Японии и Великобритании поддерживают данный конфликт, как и многие другие колониальные проблемы, а задача Соединенных Штатов – максимально дистанцироваться от вмешательства в дальневосточный кризис. В самом начале февраля 1932 г. близкие идеи визуализировал в карикатурах Д. Дарлинг: Дядя Сэм в панике покидает Китай (над страной поднято знамя «Лихорадка жёлтой войны»), обливаясь «антивоенным гербицидом»[3]. Здесь политика невмешательства в китайские дела представлена лучшим способом защиты от «вируса войны». Художник сформировал образ провала «политики открытых дверей»: США из-за угрозы нового конфликта теряет свои интересы в Китае.

В-третьих, в заключение статьи П.С. Маурер выражает сомнение, что США поддержат какие-либо действия Великобритании по укреплению безопасности в кризисных уголках империи, как и действия Лиги наций, которая «может поддаться британской импульсивности»[4]. Оценка несамостоятельности Лиги наций в принятии решений, влияния Британской империи на международную организацию и решения проблем в пользу колониальных

1 Des Moines Register. 1931. November 17, p. 1.
2 Evening Star. 1932. February 14, p. 27.
3 Des Moines Register. 1932. February 7, p. 1.
4 Evening Star. 1932. February 14, p. 27.

империй были характерны для республиканского внешнеполитического дискурса США еще с 1919 г. Маньчжурский кризис обострил американское межпартийное противостояние, и публикации в “Evening Star”, “Des Moines Register”, “The Washington Times” показывают наличие и старых, и новых аргументов у изоляционистов в пользу невмешательства в китайские дела.

Создание Маньчжоу-го: оценки периодической печати США

Второй этап в развитии информационной ситуации вокруг Маньчжурии начался после 17 февраля и связан со скорым провозглашением нового государства Маньчжоу-го: всё внимание и республиканских, и демократических газет США было обращено к будущему перемирию в Маньчжурии. Об этом написал специальный корреспондент “The New York Times” в Китае Хью Байас и его коллега из “Chicago Tribune” 17 февраля[1]. И если в статьях республиканских журналистов основные акценты остались прежними — Япония нарушила вторжением в Маньчжурию международные договоры, Япония несёт ответственность за убытки американских компаний, но вмешательства США в конфликт не будет, — то позиция демократов существенно изменилась. Х. Байас, бывший в Маньчжурии с самого начала кризиса, писал:

> «Китайские управленцы, оказавшиеся ничем не хуже тех, которых они заменили, гладко и быстро выстроили новую систему государственного управления в Мукдене. Это – свидетельство той хорошей политической работы, которую там на протяжении последних двух месяцев проводила японская армия. Новые принципы звучат следующим образом: должно быть образовано новое маньчжуро-монгольское государство; в Мукдене следует сформировать центральные органы власти; необходимо назначить Высший политический комитет для работы над проектом конституции. Ожидается, что без замедления будет принята декларация о независимости, а вместе с этим объявят о том, что Свободное государство Маньчжурия будет образовано из провинций Гирин, Хэйлунцзян и Чэндэ. Оно разорвёт все отношения с Нанкином и Чжаном Сюэляном и провозгласит признание политики открытых дверей и равных экономических возможностей»[2].

Видно, что “The New York Times” перед непосредственным провозглашением Маньчжоу-го доказывает читателям несколько принципиально важных тезисов, формирующих совершенно иной взгляд на дальневосточный кризис:

Во-первых, подчеркивается, что новое государство в Маньчжурии будет управляться китайцами. Более того, нью-йоркский журналист пишет, что оно уже находится под контролем эффективных «китайских управленцев». Следовательно, один из ключевых тезисов американского информационного пространства с осени 1931 г. (японская попытка аннексии Маньчжурии нарушает Вашингтонские соглашения) снимался: Маньчжурия остается под контролем китайцев.

1 The New York Times. 1932. February 17, p. 9; Chicago Tribune. 1932. February 17, p. 1, 3.
2 The New York Times. 1932. February 17, p. 9.

Во-вторых, Х. Байас прямо отмечает роль японской армии в управлении территорией Маньчжурии, называя это «хорошей политической работой». Значит, в вопросе о выборе приоритетов между контролем Нанкинского правительства (через маршала Чжан Сюэляна) и японскими военными корреспондент “The New York Times” выбирает Японию. Это высшая оценка японской системы управления зависимой территорией, которую можно встретить в американских газетах с сентября 1931 г. Важность такой статьи определяется не только чрезвычайно высоким влиянием, которое газета оказывала на американское общество, но и фигурой самого журналиста. Байас к 1931 г. проработал журналистом в Китае и Японии более 20 лет, сотрудничал с газетой “London Times”, и его репортажи из Маньчжурии перепечатывались многими изданиями в США, Великобритании и Канаде.

В-третьих, принципы нового государства также выглядят любопытными в интерпретации “The New York Times”: это «маньчжуро-монгольское государство» со своей конституцией, которое выгодно отличается от образа Китая, формировавшегося на протяжении 1931 – 1932 гг. Еще более привлекательно для американской аудитории выглядело упоминание политики «открытых дверей» и разрыва с маньчжурским правителем Чжан Сюэляном. В январе 1932 г. в журнале “Foreign Affairs” была опубликована статья Уолтера Мэллори, исполнительного секретаря Китайской международной комиссии по оказанию помощи голодающим, где соблюдение принципа «открытых дверей» было объявлено большим приоритетом, чем территориальная целостность Китая (Mallory, 1932, 220-229). Следовательно, во второй половине февраля 1932 г. демократические газеты США полностью устраивал вариант перехода Маньчжурии под контроль японской армии ради обеспечения порядка и стабильности.

Республиканские периодические издания США в этот же период обращают внимание читателей на скорое решение «китайской проблемы» путём создания независимого государства в Маньчжурии. Газета “Evening Star” в выпуске от 19 февраля демонстративно подчеркивает совместное решение «японских и китайских лидеров о свободной и независимой Маньчжурии»[1]. Издание “The Washington Times” пишет радикальнее:

> «Манчжурия, которая на протяжении десятилетий была целью империалистических амбиций на Дальнем Востоке, сегодня стала независимой территорией. Прокламация, выпущенная лидерами Маньчжурии, установила новое государство, свободное от контроля китайского правительства»[2].

А “The Washington Tribune” относительно сенсационных новостей с Дальнего Востока сообщает:

> «Мы не любим войну, но нам нравятся японцы. Это первая цветная нация, которая отказалась подчиняться приказам европейцев и американцев.

1 Evening star. 1932. February 18, p. 1
2 The Washington Times. 1932. February 18, p. 2.

> Этим актом они открыли новую эпоху; японцы фактически положили конец "белому превосходству", порабощению Индии и Африки, беспрепятственной эксплуатации. Маньчжурия и Шанхай находятся в Азии, рядом с Японией. И у японцев есть более веские причины идти в Маньчжурию, чем у Америки в Мексику и на Гаити»[1].

Можно заключить, что в период 18-19 февраля 1932 г. ведущие республиканские издания США не просто положительно отреагировали на будущее создание Маньчжоу-го, обозначив его как «конституционное государство», «свободное», «независимое от китайских лидеров», конец «империалистических амбиций», но и провозгласив наиболее лестные (наверное, со времён русско-японской войны) оценки японского подхода к колониальной проблеме. "The Washington Tribune" сравнивает действия европейских держав (и США) в Азии с японскими и делает сугубо прояпонский вывод. Следовательно, конец февраля 1932 г. характеризуется в американской периодической печати сближением позиций республиканских и демократических газет в вопросе о Маньчжурии.

Маньчжоу-го как японская колониальная модель

Третий этап в эволюции оценок Маньчжурии наступает 1–2 марта 1932 г., когда американские газеты объявили о создании нового государства – Маньчжоу-го. Республиканские и демократические издания сделали различные акценты, комментируя данную новость. Республиканская газета Северной Каролины "Henderson Daily Dispatch" писала на первой полосе:

> «Япония принимает мирное предложение. Новый маньчжурский режим официально провозглашен в Мукдене. Основание новой независимой Маньчжурской республики было объявлено здесь утром, и новый пятицветный национальный флаг был вывешен везде, чтобы отпраздновать начало нового государства. Официальная инаугурация нового правительства под руководством Генри Пу-И, бывшего мальчика-императора Китая, состоится в Чаньчуне, который был назначен резиденцией нового государства»[2].

Следовательно, основное внимание читателей обращено на два тезиса: на заключение мира и провозглашение нового государства. Редакторы газеты подчеркивают законность создания Маньчжоу-Го, указывая на преемственность власти от маньчжурской империи Цин (через последнего императора Пу-И) и на стремление новой власти к республиканским принципам. "The Washington Times" 1 марта 1932 г. также сообщает о новом государстве: «Сегодня было выпущено официальное заявление о создании Маньчжурии как независимого государства. Новое японское государство было провозглашено в Мукдене, и только японские переводчики присутствовали для перевода китайского текста документа о независимости. Этот документ гласит: «По воле 30 090 000 людей мы настоящим заявляем, что в этот день мы разры-

1 The Washington Tribune. 1932. February 19, p. 8.
2 Henderson Daily Dispatch. 1932. March 1, p. 1

ваем отношения с Китайской Республикой и создаем государство Маньчжоу-го»[1].

Вашингтонская газета с некоторой долей иронии указала на независимое, но «японское государство», тем не менее привела цитату, подчёркивающую именно решение населения Маньчжурии о независимости. Статья показывала американскому обществу, что всё управление в Маньчжоу-го будет сосредоточено у японских властей. Об этом же, но в несколько иной форме, сообщило издание “Evening Star”:

> «Министерство иностранных дел Японии поручило послу Хироте К. в Москве информировать Л. М. Карахана, что сообщения о помощи японцев «белым» русским в Маньчжурии «совершенно не соответствуют действительности». Напротив, послу поручено сказать, что японцы делают все возможное, чтобы ограничить политическую деятельность антисоветских групп»[2].

Следовательно, уже 1–2 марта 1932 г. американская периодическая печать определила, что один из важнейших вопросов – обеспечение внутренней безопасности в Маньчжурии – будет находиться в сфере компетенции японских структур.

Одна из важнейших газет США изоляционистской направленности, “Chicago Tribune”, использовала исторические аргументы для доказательства новой позиции по китайскому кризису:

> «Действия Японии не нарушали ее договорных прав при вторжении в Маньчжурию, заявляет доктор Фредерик Старр, профессор кафедры антропологии Чикагского университета. Маньчжурия никогда не была частью Китая и никогда не была под китайским контролем, озвучил профессор. Маньчжурия и Китай были частями одной империи, когда монголы захватили весь Китай, и еще 260 лет назад, когда маньчжуры захватили Китай. Каждый раз это были маньчжуры во главе, не китайцы. Профессор Старр добавил, что Япония была лишена ее прав на Маньчжурию в 1895 г. Германией, Францией и Россией, но они вернули их себе в 1906 г. после Русско-Японской войны. В 1915 г. японская заинтересованность в регионе усилилась, когда были выдвинуты 21 требование к китайцам»[3].

В данной статье был озвучен один из ключевых тезисов изоляционистов США: если Маньчжурия не часть Китая, то на неё не распространяется действие Вашингтонских соглашений 1922 г. А ссылки профессора Старра на исторический внешний опыт управления Маньчжурией показывали американским читателям, что кризис разрешён классическим для данного региона путем. Более того, “Chicago Tribune” подводит историко-политологическую базу под тезис о традиционных правах Японии на Северо-Восточный Китай.

Республиканские газеты США проводили информационную политику в отношении факта создания Маньчжоу-го, основанную на нескольких основных тезисах: 1) Отделение Маньчжурии от Китая – это единственный

1 The Washington Times. 1932. March 1, p. 1.
2 Evening Star. 1932. March 2, p. 2.
3 Chicago Tribune. 1932. March 1, p. 3.

способ предотвратить расширение кризиса; 2) Новые японские власти обладают необходимым опытом и практиками управления для предотвращения в северном Китае возможных волнений; 3) Переход Маньчжурии под контроль Японии – это приемлемый для США вариант превращения нестабильной, опасной территории, возглавляемой диктатором, в республиканское независимое государство.

Демократическая периодическая печать в первые дни провозглашения Маньчжоу-го сосредоточилась на несколько иных вопросах. Наибольшую активность в освещении китайского кризиса проявила "The New York Times". Только в выпуске за 1 марта 1932 г. маньчжурской теме посвящено три статьи (из них одна на первой полосе). Две из названных статей написали ведущие корреспонденты "New York Times", специализирующиеся на международных делах, Кларенс Страйт и Хью Байас. В данных публикациях заметно большая роль отводится дипломатическим усилиям США:

> «Стимсон поддержал план мира. Японские и китайские посланники в Женеве принимают решение о перемирии в Маньчжурии. Совет Лиги Наций посредством публичного заседания и сообщений в прессе о нем сегодня оказал давление на Китай и еще большее – на Японию, чтобы они приняли план перемирия за круглым столом, чтобы остановить кровопролитие»[1].

В создании Маньчжоу-го журналисты "The New York Times" видели, как и их коллеги из республиканских газет, прекращение военного конфликта, но если республиканцы демонстративно показывали, что это дело исключительно между Китаем и Японией, то демократы делали акцент и на факторе Лиги наций (создание которой поддерживали еще с 1919 г.), и на факторе американского влияния. Совершенно иначе "The New York Times" оценивала и нового лидера Маньчжурии: «Пу И станет диктатором»[2].

Другие демократические газеты США указывали на нерешенные даже после перемирия проблемы. Так, калифорнийская "Imperial Valley Press" привела цитату представителей китайского правительства: «Китайская власть в Нанкине решает все вопросы в Маньчжурии, поскольку Япония вторглась на китайскую территорию и в Маньчжурии, и в Шанхае»[3]. Это показывало американским читателям, что Китайская республика не согласна с независимостью Маньчжурии и продолжает считать данную территорию своей.

В последующие дни проблема безопасности и контроля в Маньчжоу-го станет одной из основных для демократических газет. 5 марта 1932 г. "The New York Times" сообщила, что «в западной Маньчжурии начинается восстание; сторонники генерала Су отказываются подчиняться новому режиму»[4]. Газета "Seward Daily Gateway" (Аляска) напишет, что передислокация японских войск в Маньчжурии была предпринята из-за вспышки массовых восстаний и

1 The New York Times. 1932. March 1, p. 1.
2 The New York Times. 1932. March 3, p. 5.
3 Imperial Valley Press. 1932. March 1, p. 1.
4 New York Times. 1932. March 5, p. 9.

угрозы революции после создания Японией нового государства Маньчжоу-го[1]. Демократическая газета “The Indianapolis Times” в освещении китайского кризиса сделала один из самых неожиданных ходов – привела большое интервью с Львом Троцким, где присоединение Маньчжурии названо частью «колониальной политики Японии по покорению всего Китая» и что «Япония не сможет сделать из Маньчжурии собственной Новой Индии»[2]. Подобные параллели Японии с Британской империей были весьма редкими в американской периодической печати 1932 г. Общий вывод, который сформулирован из интервью Троцкого, касался, прежде всего, отсутствия у японцев необходимого колониального опыта и сильного движения сопротивления внутри Китая. Таким образом, демократы самыми различными методами показывали, что один из главных вопросов китайского кризиса – вопрос о внутренней безопасности, контроле и управлении – не решён и появление нового государства в Азии – не итог кризиса, а только его следующий этап.

Выводы

Анализ американской периодической печати 1932 г. показал, что и республиканские, и демократические газеты пристально следили за боевыми действиями в Азии, за расширением японской империи, за действиями СССР и Великобритании в Китае, за формированием японского колониального порядка. Выделяются три ключевые точки трансформации подходов журналистов США к обозначенным темам: 1) 20-е числа января – 13 – 17 февраля 1932 г.; 2) 17 – 19 февраля 1932 г.; 3) 1 – 3 марта 1932 г.

На каждом из обозначенных временных отрезков позиции республиканской и демократической печати США относительно Маньчжурии менялись.

1. В январе – начале февраля 1932 г. демократические газеты подчеркивали колониальный характер маньчжурского кризиса и использовали историческое прошлое Японии в качестве доказательства имперских амбиций Страны восходящего солнца. Соединенные Штаты выступали в материалах этого периода защитниками китайских интересов, политики «открытых дверей», вашингтонских соглашений. Республиканские издания популяризировали изоляционистский подход к решению кризиса, который заключается в том, что Лига наций воспринималась как несамостоятельная и недееспособная организация, а роль США заключалась в невмешательстве в китайские дела. Изучение материалов американских газет 1932 г. показывает, что эксплуатация исторического прошлого осуществлялась с целью демонстрации читателям советских (русских) интересов в Маньчжурии. Использование страха перед «красной угрозой» и «коммунистической опасностью» давало возмож-

1 Seward Daily Gateway. 1932. March 15, p. 1.
2 The Indianapolis Times. 1932. March 21, p. 2.

ность журналистам в совершенно ином виде представить образ Японии – как гаранта стабильности и порядка в Северном Китае.

2. Вторая половина февраля 1932 г. характеризуется в информационном дискурсе США сближением позиций республиканских и демократических газет в вопросе о будущем Маньчжурии. Республиканские газеты эксплуатировали образ Японии как защитника Азии от хаоса и нестабильности, а новое государство Маньчжоу-го называли японским проектом. В демократических газетах США доказывался тезис, что важнее сохранить действие принципа «открытых дверей» на оставшейся территории Китая, чем бороться с Японией за Маньчжурию. Анализ публикаций показывает складывание совершенно нового для американской периодической печати механизма формирования образа колониализма: история Китая играет роль аргумента для колониального подчинения китайской территории Японии. Проведённый анализ дает основания поставить под сомнение старую историографическую тенденцию (о ней было сказано в начале статьи), согласно которой американское общество симпатизировало Китаю и демонизировало Японию. Именно второй из выделенных периодов развития американских оценок конфликта в Маньчжурии показывает, что ситуация была противоположной: Китай демонизировался как виновник войны, как государство, неспособное управлять и контролировать территорию Маньчжурии.
3. В начале марта 1932 г. демократы скорректировали свою позицию: создание Маньчжоу-го не решило проблемы внутренней безопасности в Северном Китае, японский контроль не ограничится только Маньчжурией, и в ближайшее время последуют попытки перенести его дальше в Китай. В противовес этому республиканские газеты доказывали, что независимость Маньчжурии от Китая – это единственный способ предотвратить расширение кризиса и снизить угрозу войны. На данном этапе в медиаповестке возникает тема «революционной угрозы» в Маньчжурии. В республиканских газетах сохраняется образ не Японии-агрессора, а Японии как сдерживающего фактора революционных, антизападных, просоветских сил в Северном Китае. Журналисты демократических изданий сразу после провозглашения Маньчжоу-го указали на неприемлемые для США варианты развития ситуации – превращение нового государства в диктатуру под властью японских военных.

Изучение американской периодической печати даёт возможность существенно скорректировать сложившиеся в историографии тенденции в оценке американским обществом «маньчжурского кризиса» и впервые показать на конкретных примерах, как шёл процесс эволюции американских оценок «маньчжурского кризиса». Видно, что на каждом из этапов трансформации

данных оценок в 1932 г. взгляды демократических и республиканских журналистов существенно отличались, за исключением небольшого временного отрезка во второй половине февраля 1932 г., когда создание Маньчжоу-го представлялось приемлемым вариантом и для демократов, и для республиканцев. Однако активные действия Японии в начале марта 1932 г. по установлению колониального контроля в Маньчжурии заставляли демократов среди международных обозревателей американских газет перейти к критике японской имперской модели. Практическая значимость исследования заключается в возможности дальнейшего изучения американских оценок японской колониальной модели и важнейших этапов её формирования как до Маньчжурского инцидента, так и после. Перспективным представляется и сравнительный анализ особенностей восприятия общественным мнением США Японской и Британской империй, их методов управления и контроля зависимыми территориями.

Финансирование

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011-П».

“This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Grant No. 22-18-00011-P).”

Список литературы

Booth, A., & Deng, K. (2017). Japanese Colonialism in Comparative Perspective. *Journal of World History*, 28(1), 61–98. https://doi.org/10.1353/jwh.2017.0002

Cole, W. S. (1983). *Roosevelt & the Isolationists, 1932-45*. University of Nebraska Press.

Cook, J. A., Johnson, M. D., Schmalzer, S., & Goldstein, J. (Ред.). (2014). *Visualizing Modern China: Image, History, and Memory, 1750–Present*. Bloomsbury Publishing PLC.

Cooper, F. (2005). *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. University of California Press. https://doi.org/10.1525/9780520938618

Dallek, R. (1979). *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945*. Oxford University Press.

Jespersen, T. C. (1996). *American Images of China, 1931-1949*. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503615939

Mallory, W. H. (1932). The Permanent Conflict in Manchuria. *Foreign Affairs*, 10(2), 220. https://doi.org/10.2307/20030424

Neils, P. (1990). *China Images in the Life and Times of Henry Luce*. Bloomsbury Academic.

Sand, J. (2014). Subaltern Imperialists: The New Historiography of the Japanese Empire. *Past & Present*, 225(1), 273–288. https://doi.org/10.1093/pastj/gtu014

Буранок, С. О. (2025). Палестина в периодической печати США 1918 г.: компьютеризированный анализ исторических текстов. *Историческая информатика*, 2, 11 – 22. https://doi.org/10.7256/2585-7797.2025.2.72395

Дацышен, В. Г. (2021). Советско-японские конфликты на границе Маньчжоу-го накануне войны на Халхин-Голе. В А. С. Железняков & Е. Л. Катасонова (Ред.). *Победа на Халхин-Голе: В поисках исторической истины* (сс. 271–290). Институт востоковедения РАН.

Дацышен, В. Г. (2023). *История русско-китайских отношений. 1917-1949 гг.* Сибирский федеральный университет.

Дудин, П. Н. (2024). Категория «марионеточного» государства маньчжуро-монгольских политий в зарубежном общественно-политическом дискурсе в 1930-1940-е годы. *Владимирцовские чтения VII. Сборник материалов международной научной конференции. Москва*, 2024, 65–94.

Кротова, М. В. (2021). Сохранение «русского дела» в Маньчжурии: Эмигранты и КВЖД. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 12(2). https://doi.org/10.18254/S207987840014159-3

Куланов, А. Е., & Молодяков, В. Э. (2007). *Россия и Япония: Имиджевые войны*. АСТ.

Молодяков, В. Э. (2005). *Россия и Япония: Меч на весах: нейзвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948): историческое исследование*. АСТ.

Молодяков, В. Э. (2006). *Россия и Япония: Рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945)*. АСТ.

Молодяков, В. Э. (2018). Континентальная политика Японии—Взгляд из Франции: Вокруг «Маньчжурского инцидента». *Ежегодник Япония*, 47, 204–220. https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10009

Молодяков, В. Э. (2023). «Японская доктрина Монро»: Корни и плоды. *Россия в глобальной политике*, 21(6), 64–78. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-6-64-78

Наземцева, Е. Н. (2022). Конфликт 1929 г. На КВЖД в освещении зарубежной прессы (по материалам архива внешней политики российской федерации). *Метаморфозы Истории*, 26, 186–204. https://doi.org/10.37490/S230861810023627-9

References

Booth, A., & Deng, K. (2017). Japanese Colonialism in Comparative Perspective. *Journal of World History*, 28(1), 61–98. https://doi.org/10.1353/jwh.2017.0002

Buranok, S. O. (2025). Palestine in the US Periodical Press in 1918: A Computerized Analysis of Historical Texts. *Historical Information Science*, 2, 11 – 22. https://doi.org/10.7256/2585-7797.2025.2.72395

Cole, W. S. (1983). *Roosevelt & the Isolationists, 1932-45*. University of Nebraska Press.

Cook, J. A., Johnson, M. D., Schmalzer, S., & Goldstein, J. (Ред.). (2014). *Visualizing Modern China: Image, History, and Memory, 1750–Present*. Bloomsbury Publishing PLC.

Cooper, F. (2005). *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. University of California Press. https://doi.org/10.1525/9780520938618

Dallek, R. (1979). *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945*. Oxford University Press.

Datsyshen, V. G. (2021). Soviet-Japanese conflicts on the Manchukuo border on the eve of the war at Khalkhin Gol. In A. S. Zheleznyakov & E. L. Katasonova (Eds.), *Victory at Khalkhin Gol: In Search of Historical Truth* (pp. 271–290). Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Datsyshen, V. G. (2023). *History of Russian-Chinese Relations. 1917-1949*. Siberian Federal University. (In Russian).

Dudin, P. N. (2024). The Category of the "Puppet" State of the Manchurian-Mongolian Polities in Foreign Socio-Political Discourse, 1930-1940-s. *Vladimirtsov Readings VII. Collection of materials from an international scientific conference. Moscow*, 2024, 65–94. (In Russian).

Jespersen, T. C. (1996). *American Images of China, 1931-1949*. Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503615939

Krotova, M. V. (2021). Preserving the "Russian cause" in Manchuria: Emigrants and the CER. *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, 12(2). https://doi.org/10.18254/S207987840014159-3 (In Russian).

Kulanov, A. E., & Molodyakov, V. E. (2007). *Russia and Japan: Image Wars*. AST. (In Russian).

Mallory, W. H. (1932). The Permanent Conflict in Manchuria. *Foreign Affairs*, 10(2), 220. https://doi.org/10.2307/20030424

Molodyakov, V. E. (2005). *Russia and Japan: The Sword on the Scales: Unknown and Forgotten Pages of Russian-Japanese Relations (1929-1948): A Historical Study*. AST. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2006). *Russia and Japan: The Tracks Are Buzzing. The Railway Junction of Russian-Japanese Relations (1891-1945)*. AST. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2018). Japan's Continental Policy—A View from France: Around the "Manchurian Incident". *Yearbook Japan*, 47, 204–220. https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10009 (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2023). "The Japanese Monroe Doctrine": Roots and Fruits. *Russia in Global Politics*, 21(6), 64–78. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-6-64-78 (In Russian).

Nazemtseva, E. N. (2022). The 1929 Conflict on the China-Eastern Railway in the Coverage of the Foreign Press (based on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). *Metamorphoses of History*, 26, 186–204. https://doi.org/10.37490/S230861810023627-9 (In Russian).

Neils, P. (1990). *China Images in the Life and Times of Henry Luce*. Bloomsbury Academic.

Sand, J. (2014). Subaltern Imperialists: The New Historiography of the Japanese Empire. *Past & Present*, 225(1), 273–288. https://doi.org/10.1093/pastj/gtu014

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Critics & Reviews | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.691

Confucius as the "Bronze Bell" of the Screen: A Philosophical Media Image between Ideology and Memory

Dmitriy A. Belyaev

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan; Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University). Lipetsk, Russia. Email: dm.a.belyaev[at]gmail.com
ORCID https://orcid.org/0000-0002-8062-1039

Received: 18 September 2025 | Accepted: 17 October 2025

Abstract

This article is a review of David H. Fleming's book *The Cinematic Embodiment of Confucius: Chinese Philosophy of Film and Effective Screenwriting* (2025). The monograph focuses on an interdisciplinary analysis of two biopics about Confucius from 1940 and 2010, showing within a broad sociocultural context how the image of the Teacher is mobilized by the authorities in times of crisis and becomes an instrument of "soft power". The author combines a careful reading of the cinematic poetics of both films with professional analysis within the framework of media theory, philosophy, and cultural/memory studies. The work introduces and explains the author's categories of xiang-thought, shi-nema, and screen-play, which are used to construct the concept of the political and aesthetic impact of cinema. Finally, the reviewed work fits into the broader decolonial turn that Fleming's media studies are undergoing.

Keywords

Confucius; Chinese Cinema; Philosophy of Cinema; Cultural Memory; Ideology; Philosophy in the Media; Confucianism; China; Philosophical Biopic

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Критика и рецензии | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.691

Конфуций как «Бронзовый колокол» экрана: философский медиаобраз между идеологией и памятью

Беляев Дмитрий Анатольевич

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского; Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Липецк, Россия. Email: dm.a.belyaev[at]gmail.com ORCID https://orcid.org/0000-0002-8062-1039

Рукопись получена: 18 сентября 2025 | Принята: 17 октября 2025

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу Дэвида Х. Флеминга «Кинематографическое воплощение Конфуция: китайская философия кино и эффективный сценарий» (2025). Монография сосредоточена на междисциплинарном анализе двух байопиков о Конфуции 1940 и 2010 гг., показывая в широком социокультурном контексте, как образ Учителя мобилизуется властью в кризисные моменты и становится инструментом «мягкой силы». Автор сочетает внимательное чтение кинопоэтики обеих картин с профессиональной аналитикой в рамках медиатеории, философии и *Cultural/Memory Studies*. В работе вводятся и эксплицируются авторские категории *сян-мышление*, *ши-нема* и *экранная игра*, с помощью которых выстраивается концепция политико-эстетического воздействия кинематографа. Наконец, рецензируемая работа оказывается вписана в более широкий деколониальный поворот, осуществляемый в медиаисследованиях Флеминга.

Ключевые слова

Конфуций; китайское кино; философия кино; культурная память; идеология; философия в медиа; конфуцианство; Китай; философский байопик

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

В 2025 г. вышло в свет оригинальное междисциплинарное исследование Дэвида Х. Флеминга «Кинематографическое изображение Конфуция: китайская философия кино и эффективный сценарий» (*Cinematically Rendering Confucius*: Chinese *Film Philosophy and the Efficacious Screen-Play*), которое, на наш взгляд, заслуживает внимания и, соответственно, включения в отечественный медиадискурс. Но прежде чем переходить к рассмотрению самой монографии, представляется необходимым сказать несколько слов о ее авторе. Тем более что он, к сожалению, не очень хорошо известен в русскоязычном пространстве media studies, хотя и является весьма интересным и авторитетным медиаисследователем.

Дэвид Х. Флеминг получил базовое образование в Шотландии — сначала в 2005 г. закончил Абердинский университет, специализируясь на визуальной культуре, а потом в 2009 г. защитил диссертацию в Сент-Эндрюсском университете (ученая степень — PhD in Film Studies). Далее он работал приглашенным научным сотрудником в Университете Британской Колумбии (Канада) и Стерлингском университете, а, будучи доцентом Ноттингемского университета, Флеминг посетил Китай, что позволило ему непосредственно погрузиться в культуру региона. Он является одним из основателей радикальной деколониальной книжной серии *Screens, Thinking, Worlds* и создателем авторского факультатива «Глобальное кино как/и философия», а также входит в редакционный совет весьма авторитетного журнала *Film-Philosophy*.

Фокус научных интересов Флеминга находится на стыке глобального кинематографа, философии техники, постгуманизма и медиатеории. В числе ключевых публикаций ученого — монография *Unbecoming Cinema: Unsettling Encounters with Ethical Event Films*, где рассматривается этическое измерение кино (Fleming, 2017), а также оригинальная работа (созданная в соавторстве с У. Брауном) *The Squid Cinema from Hell: Kinoteuthis Infernalis and the Emergence of Chthulumedia*. В ней предлагается постгуманистическая оптика метафорической интерпретации медиа в качестве «щупальцевого», головоногого существа, которое обволакивает все человеческое существование (Brown, Fleming, 2020). Наконец, особый интерес для нашей темы представляет книга *Chinese Urban Shi-nema: Cinematicity, Society and Millennial China*, написанная Флемингом совместно с его коллегой из Городского университета Гонконга С. Харрисоном; в ней был введен концепт «ши-нема», описывающий визуально-городскую динамику (то есть вопросы слияния кино и урбанистики) китайской культуры (Fleming, Harrison, 2020). Собственно, новая монография о Конфуции, которая и является объектом нашего рассмотрения, продолжает эти изыскания, развивая идеи о «китайском кинематографическом разуме» и внося вклад в деколонизацию теоретического дискурса о кино.

Итак, монография Флеминга представляет собой первое крупное исследование, посвященное аналитике киновоплощений Конфуция в китайском кинематографе. Автор сосредоточивается на двух художественных фильмах —

исторических биографических драмах о великом мыслителе, снятых с интервалом в семь десятилетий: классической ленте Фэй Му «*Конфуций*» (1940) и современном одноименном эпическом фильме Ху Мэй (2010). Эти две кинобиографии стали первыми экранизациями жизни древнего философа в Китае и, как подчеркивает Флеминг, возникли в ключевые исторические моменты, фактически обрамляя эпоху радикального марксистского эксперимента в КНР (Fleming, 2025, pp. 3-4). Первая картина была создана на фоне Второй мировой войны и борьбы с японской агрессией как часть патриотической кампании, тогда как вторая появилась уже в постмаоистском Китае периода подъема «мягкой силы» и неоконфуцианского возрождения. Автор сравнивает их политико-культурные функции со знаменитой максимой из *Лунь юй* Конфуция: те, кто наверху, прибегают к Учителю как к бронзовому колоколу, когда страна теряет Путь. Иными словами, в трудные для нации времена образ Конфуция вновь и вновь извлекается властью как символический «колокол», призванный объединить общество и вернуть его к утраченным добродетелям.

В целом предметная топика исследования Флеминга обладает большой значимостью для медиакультурологии. Во-первых, фигура Конфуция сегодня представляет собой не только историко-философский интерес, но и выступает инструментом «мягкой силы», реализуемой, в том числе, посредством медиа. Так, «конфуцианский ренессанс», будучи частью современной политики идентичности Китая, в массовой культуре проявляется именно в медиадискурсе. Во-вторых, автор соотносит свой труд с более широкой деколониальной повесткой, стремясь преодолеть узкие рамки европоцентричного киноведения и включить в него богатые традиции восточной мысли. Конфуций, которого по числу последователей называют «величайшим мыслителем в истории человечества», долгое время не признавался на Западе «настоящим» философом — чаще его считали лишь наставником или моралистом. Флеминг подробно раскрывает, как колониальные предубеждения, восходящие еще к эпохе Просвещения, систематически отказывали китайской интеллектуальной традиции в причислении к философскому канону. Его работа служит попыткой восполнить этот пробел: продемонстрировать на примере кинофеномена, что конфуцианская философия может говорить на равных с западной. При этом Флеминг четко указывает на политическое измерение своего исследования: он прямо бросает вызов «возвышенным» претензиям западного теоретического канона и стремится расширить наше понимание искусства, впуская в него «тени» и полутона даосско-конфуцианской мудрости. Автор конструирует предельно «живой», подвижный образ кино, фактически иллюстрируя идею Д. Фремптона о «мыслящем фильме»: «Фильм не просто провоцирует мышление; фильм *мыслит*. Фильм-мышление имманентно самому фильму» (Frampton, 2006, p. 95).

В методологическом плане труд Флеминга опирается на междисциплинарный синтез философии, киноведения и культурологии. Автор исходит

из предпосылки, что кино способно «мыслить» — выражать философские идеи средствами самого аудиовизуального образа. Развивая эту установку, он вводит ряд оригинальных аналитических категорий. Прежде всего, это «*сян-мышление*», то есть образное, знаково-символическое мышление, восходящее к китайской традиции интерпретации *сян* («образов») в классических текстах (Fleming, 2025, pp. 9–10). Другая важная категория — *ши-нема*, термин, отсылающий к понятию *ши* («ситуационная сила, импульс») и обозначающий, по Флемингу, своеобразный динамический потенциал китайского кино, благодаря которому экранные образы приобретают философское влияние (Fleming, 2025, pp. 11–15). Наконец, ключевой концепт — *экранная игра*, намеренно разделенный дефисом. Этим понятием Флеминг описывает политико-эстетический сценарий, разыгрываемый на экране: фильмы о Конфуции предстают как целенаправленные постановки, стратегически *сыгранные* в заданном культурно-идеологическом ключе ради завоевания «умов и сердец» зрителей. Иными словами, *экранная игра* у Флеминга — это кино как пространство медийного политического влияния, где визуальное повествование одновременно артикулирует философские смыслы и выполняет идеологическую функцию (Fleming, 2025, p. 16). Такой подход позволяет исследователю уловить двойственную природу анализируемых фильмов: они выступают и как «философские экраны» (то есть медиа для мыслей), и как инструмент политической риторики, встроенный в социокультурный контекст.

В первой главе книги Флеминг подробно описывает историческое использование образа Конфуция правящими элитами Китая — от канонизации мыслителя как «великого учителя» при империи Хань до современной дипломатии «мягкой силы». В качестве знакового примера он приводит афористичное замечание Лу Сюня о том, что «Конфуций своим возвышением обязан носителям власти», и показывает, что исследуемые им фильмы 1940 и 2010 гг. стали как раз такими случаями «практического применения» образа мудреца для нужд идеологии (Fleming, 2025, p. 4). Автор вводит понятие «великий философский байопик» — особый поджанр исторического кино, сочетающий эпическую биографию с философской притчей, к которому относит обе киноленты о Конфуции. Эти фильмы, по его наблюдениям, совмещают масштабное воспроизведение исторической обстановки с попыткой передать мировоззренческие идеи героя, сближаясь с традицией просветительских «житий великих людей» в западном и китайском искусстве. Оба фильма появились в периоды, когда китайское общество искало моральный ориентир, и тем самым буквально реализуют метафору Конфуция как «бронзового колокола», возвещающего возвращение к утраченной гармонии дао. Кроме того, уже в этой главе заявлена деколониальная перспектива: Флеминг открыто противопоставляет свое исследование «доминирующей евроцентричной биополитике» академической философии и приглашает читателя пройти через

«темно открытую дверь» китайской мудрости навстречу иному способу мыслить о кино (Fleming, 2025, p. 5).

Вторая глава посвящена критическому разбору статуса Конфуция в истории философии. Флеминг показывает, как на протяжении веков европейские мыслители — от просветителей до постмодернистов — отказывали Конфуцию в звании философа как такового. Хрестоматийным для Флеминга выглядит скепсис И. Канта, утверждавшего, что «философия не встречается на всем Востоке» (Littlejohn, 2022, p. 18), а самого Конфуция он считал скорее мудрецом житейской рассудительности и благоразумия. Автор прослеживает смену оценок: от первых попыток европейских миссионеров представить Конфуция мыслителем (и последовавшей за этим травли профессора К. Вольфа, которому в 1721 г. грозила смертная казнь за доклад о китайской этике), до современного движения за «возврат» Китая в философский канон (инициативы Дж. Гарфилда, Б. Ван Нордена и др., на которые ссылается Флеминг). После разбора западных предрассудков глава предлагает иной ракурс: Конфуций предстает как парадигмальный «ханьский» мыслитель, чье учение о социально-нравственном порядке глубоко укоренено в китайской культуре (Fleming, 2025, pp. 50–52). Кратко изложив историю конфуцианской традиции — от древних текстов о Небесном мандате и лояльности правителю до сращения конфуцианства с национализмом в Новое время — Флеминг проводит сравнение между западным и восточным философскими идеалами. Если для европейского Просвещения символом философии стал свет разума и четкость логики, то конфуцианско-даосская мысль, по замечанию французского синолога Ф. Жюльена, ценит сумеречную глубину, мистический опыт и превращения знания (Jullien, 2004, pp. 3–4). Наконец, эта часть книги убедительно обосновывает необходимость «расширить горизонты» философии кино: включение конфуцианской перспективы позволяет, по мысли автора, увидеть «слепые пятна» западных теорий и обогатить понимание этических и эстетических аспектов медиа.

Третья глава переносит фокус на сами медиумы и символы. Здесь Флеминг исследует, как конфуцианское *образное мышление* может быть передано через различные медиа — от искусства и литературы до кинематографа. Автор проводит своеобразную медиа-археологию конфуцианских образов: прослеживает визуальные репрезентации Конфуция на протяжении веков, а также анализирует «материальные средства» передачи мудрости (от бронзовых колоколов — ключевого метафорического образа конфуцианской риторики — до церемониальных практик). Особое внимание уделяется понятию 文 (*вэнь* — «культура, письменность»): конфуцианский идеал культуры письменного слова (классический стиль *вэньянь*) сопоставляется с киноязыком, который тоже может стать носителем этико-эстетических ценностей (Fleming, 2025, p. 90). Флеминг задается вопросом, способно ли пространство кино адекватно воспроизвести конфуцианское *сян*-мышление, то есть передать

интуитивно-этические идеи не через дискурсивные рассуждения, а через сами аудиовизуальные образы (Fleming, 2025, pp. 94–95). Итогом главы становится вывод о наличии в китайском кино особого интеллектуального потенциала: автор говорит о возможности формирования «китайского разума экрана», альтернативного привычным для западной теории подходам (Fleming, 2025, p. 107).

Четвертая глава представляет детальный разбор первого фильма — ленты «*Конфуций*» (1940) режиссера Фэй Му. Флеминг рассматривает эту довоенную картину как тщательно сконструированный пример «философии на экране» в действии. Несмотря на то что фильм создавался в рамках патриотического заказа (т. н. «фильма национальной обороны») во время японской оккупации, режиссер сумел придать ему глубокий философско-нравственный смысл. Конфуций в интерпретации Фэй Му — патриот и гуманист, чьи идеалы гражданской добродетели сталкиваются с жестокой реальностью эпохи раздоров. В ряде сцен мудрец показан эмоционально вовлеченным и даже гневным, когда сталкивается с несправедливостью, что разбивает стереотип о бесстрастном учителе и подчеркивает живое человеческое измерение его образа. Флеминг подмечает кинематографические приемы, через которые передаются идеи Конфуция. Например, в фильме фигурирует сцена игры в го как метафора стратегической мудрости правителя, своего рода «шифр» философских идей. Также анализируются эпизоды с церемониальными поклонами и стрельбой из лука — древними ритуалами *ли*, которые визуально транслируют конфуцианский принцип гармонии и меры (попадание стрелы в цель как аллегория нравственного попадания в «золотую середину») (Fleming, 2025, pp. 134–136). В итоге Фэй Му, по оценке Флеминга, «интуитивно» выразил на экране конфуцианское учение о человечности (*жэнь*) и долге (*и*) — его фильм стал наглядной кинематографической проповедью философии *жэньдао* («пути гуманности») (Fleming, 2025, p. 146). Одновременно автор напоминает, что патриотическая направленность ленты была явно ощутима современникам: эмоциональный пафос фильма, воспевающий любовь к родине и клеймящий захватчиков, очевиден и не случаен. Таким образом, Фэй Му создал двойной текст — и как кинопроизведение с философской глубиной, и как идеологически заряженный призыв к народу, который искал в 1940-е опору в лице великих предков.

В следующей главе анализ переносится на фильм Ху Мэй «*Конфуций*» (2010). Флеминг подробно реконструирует политические и культурные смыслы этой высокобюджетной картины, появившейся в период нового витка официальной пропаганды традиционных ценностей. Он характеризует фильм как двуликого Януса: с одной стороны, это уважительное историческое полотно, старательно воссоздающее облик древнего мудреца, с другой — завуалированная аллюзия на актуальные политические реалии, вписанная в контекст идеологии КПК (Fleming, 2025, p. 154). В образе, созданном попу-

лярным актером Чоу Юнь-Фатом, Конфуций приобретает черты киногероя — учителя-стратега, который не только наставляет учеников, но и участвует в судьбоносных событиях. Флеминг вводит для этого образа понятие «*вэньця-цзюньцзы*» — условно «мудрец-рыцарь», то есть сочетание конфуцианского *вэнь* (культурной образованности) с традицией *ся* (героического подвига) (Fleming, 2025, pp. 172-174). Конфуций предстает своего рода «экшен»-философом, чьи мудрые речи сопровождаются кинематографически эффектными сценами (масштабные батальные эпизоды, эмоциональные переживания, динамика повествования). Такая подача, как отмечает автор, явно рассчитана на широкую аудиторию, привыкшую к развлекательным стандартам — не случайно продвижение фильма шло по лекалам блокбастера, с красочными постерами и акцентом на зрелищность. Тем не менее за эффектной формой скрывается отчетливое идеологическое содержание. Фильм Ху Мэй вписывается в русло т. н. «*основной мелодии*» китайского кино — официального патриотического нарратива, санкционированного государством. В частности, Флеминг показывает, что лента продвигает проханьский (этноцентричный) взгляд на историю и тонко апеллирует к идее «гармоничного общества», созвучной доктрине нынешнего китайского руководства. Проще говоря, «*Конфуций*» 2010 года — это не просто биографический эпик, а также идеологический продукт, призванный возвеличить конфуцианские добродетели как основу национального духа, одновременно легитимируя современный политический курс руководства КНР. В терминах автора перед нами еще одна тщательно сконструированная *экранная игра*, где философское наследие оказывается встроено в стратегию «битвы за умы» современного общества (Fleming, 2025, pp. 198-200).

В заключительной шестой главе Флеминг сводит воедино все нити анализа. Он подчеркивает, что оба фильма о Конфуции следует понимать как «аффективные медиатехнологии», с помощью которых власть проецирует желаемый образ прошлого и будущего. Эти кинополотна одновременно оживляют культурную память и переопределяют ее, вписывая в актуальный политический контекст — процесс, который автор называет перенастройкой конфуцианского *воображаемого* (образно-идеологической сферы) на экране. Интересно, что ключевой метафорой здесь снова служит игра: Флеминг сравнивает стратегию создателей фильмов с партией в го или в шахматы, где каждый ход — это идеологическое высказывание, направленное на зрителя (Fleming, 2025, p. 216). Так, в фильме 1940 г., по его мнению, режиссер закодировал через игровую ситуацию новые способы восприятия и мышления (сцена с доской го выступает своеобразным философским шифром). А фильм 2010 г., в свою очередь, представлен как часть «большой игры» — комплексного идеологического спектакля, разыгрываемого на медиасцене для укрепления официальной мифологии. После анализа кинопроизведений Флеминг выходит на более широкий уровень обобщений. В написанном им послесловии

рассматривается феномен символического сближения Конфуция и К. Маркса в современной китайской пропаганде. В частности, автор разбирает недавний пятисерийный агитационный фильм «*Когда Маркс встретил Конфуция*» (2023), в котором «живой» Конфуций вступает в диалог с цифровым образом Маркса — совместно восхваляя политико-философские добродетели, объявленные основой «Мысли Си Цзиньпина». Этот курьезный пример, по мнению Флеминга, подтверждает центральную линию его книги: образ Конфуция остается актуальным медиа-инструментом, пластичным «призраком» прошлого, которого власть способна комбинировать с другими идеологическими конструктами (будь то марксизм или национализм) для конструирования новой мифологии Китая (Fleming, 2025, p. 223).

Можно констатировать, что монография Флеминга является весьма актуальным и эвристически ценным научным исследованием, в котором происходит междисциплинарная встреча современных медиатеорий, истории философии и *Memory Studies*. К ее сильным сторонам относятся оригинальность задумки, широта охвата (от древних текстов и исторических хроник до современных теорий медиа) и смелое сочетание разных дисциплинарных перспектив. Флеминг демонстрирует завидную эрудицию: он одинаково уверенно оперирует категориями европейской и китайской философии (не будучи, что примечательно, профильным специалистом в области философии), анализирует кинематографический язык и считывает политический подтекст. Стиль изложения академически строг и насыщен терминологией, но при этом отличается образностью и метафоричностью — автор не боится играть со словами («ши-нема», «экранная игра» и т. п.). Это придает тексту яркость и дополнительную образность, но одновременно оставляет его в рамках научного дискурса. Возможно, такой стиль потребует от неподготовленного читателя дополнительных усилий: обилие неологизмов и сложных концептов может показаться избыточным. Однако для специалистов это скорее достоинство, свидетельствующее о богатстве исследовательской мысли.

Представляется, что некоторые тезисы книги наверняка вызовут дискуссию. Так, отнесение Конфуция к «настоящим» философам — позиция, противоречащая укоренившимся западным представлениям, — может и сегодня встретить некоторый скепсис (особенно в рамках англо-американской аналитической школы). Однако Флеминг дает убедительное обоснование этой позиции, раскрывая историческую обусловленность прежних предубеждений. Другая потенциально спорная черта — подчеркнутая идеологичность его анализа: автор рассматривает даже классические произведения через призму властных стратегий, что может не совпадать с другими, деполитизированными подходами. Тем не менее подобная критическая оптика вполне оправдана целями исследования, создавая богатое пространство новых интерпретаций и прочтений рассматриваемых медиатекстов. Единственное, чего действительно

не хватает в представленном рассмотрении, — это анализа зрительской рецепции анализируемых фильмов. К сожалению, Флеминг почти не касается того, как были восприняты эти киноленты публикой в свое время, что, на наш взгляд, могло дать интересный материал для их более объемного социокультурного считывания. Но наверное, эта тема выходит за пределы именно философско-теоретического интереса автора.

В целом рецензируемая книга является заметной частью деколониального поворота в киноисследованиях. Флеминг не только предлагает новую интерпретацию конкретных фильмов, но и расширяет методологический инструментарий медиакультурологии, инкорпорируя в нее идеи китайской философии. Наконец, текст исследования красноречиво убеждает в том, что экран способен стать местом встречи различных мудростей — если подойти к нему с должной чуткостью и готовностью «слышать» даже самый тихий звон древнего бронзового колокола.

Заявления автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Проведение исследования и написание статьи — Беляев Д. А.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Список литературы | References

Brown, W., & Fleming, D. H. (2020). *The Squid Cinema From Hell: Kinoteuthis Infernalis and the Emergence of Chthulumedia*. Edinburgh University Press. https://doi.org/10.1515/9781474463744

Fleming, D. H. (2017). *Unbecoming Cinema: Unsettling Encounters With Ethical Event Films*. Intellect Ltd. https://doi.org/10.26530/OAPEN630213

Fleming, D. H. (2025). *Cinematically Rendering Confucius: Chinese Film Philosophy and the Efficacious Screen-Play*. Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-79066-9

Fleming, D. H., & Harrison, S. (2020). *Chinese Urban Shi-nema: Cinematicity, Society and Millennial China*. Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-49675-3

Frampton, D. (2006). *Filmosophy*. Wallflower Press.

Jullien, F. (2004). *Detour and Access: Strategies of Meaning in China and Greece*. MIT Press.

Littlejohn, R. L. (2022). *Chinese Philosophy and Philosophers: An Introduction*. Bloomsbury Academic. https://doi.org/10.5040/9781350177444

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Критика и рецензии | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.701

An Invitation to Reflection about Horror: A Review of Genre Updates

Sophia V. Yakimova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics (HSE University). Moscow, Russia. Email: sophia.yakimova[at]gmail.com
ORCID https://orcid.org/0009-0002-9868-3913

Received: 17 October 2025 | Accepted: 31 October 2025

Abstract

This article reviews A.V. Pavlov's book "Horror Studies: Genre Updates in the 21st Century", which examines the historiography of horror studies in cinema. The author analyzes foreign academic works aimed at a conceptual socio-philosophical analysis of trends, film series, and movies released in recent decades. The book examines franchises ("Saw", "Scream", "The Twilight Zone" series) and recently emerged subgenres (metahorror, posthorror, folk horror) through films focused on socio-political issues as examples. In particular, philosophical trends such as posthumanism, post-modernism, metamodernism, and the cognitive approach are used to represent philosophical ideas of films and series. The main goal of the book is to represent foreign research and to problematize the ethical, social, and narrative aspects of the analyzed movies. Pavlov also mentions video games and literary works in the horror genre in connection with their film adaptations and reinterpretations. The author of the article argues that Pavlov's study is useful and encyclopedically important for Russian-speaking readers interested in the genre.

Keywords

Horror; Horror Studies; Cinema; Historiography; Research; Updates; Politicization

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 2 | ISSN: 2658-7734
Critics & Reviews | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i2.701

Приглашение к размышлению о хорроре: рецензия на обновления жанра

Якимова София Владимировна

Институт философии РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Москва, Россия. Email: sophia.yakimova[at]gmail.com
ORCID https://orcid.org/0009-0002-9868-3913

Рукопись получена: 17 октября 2025 | Принята: 31 октября 2025

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на монографию А. В. Павлова «Исследования хоррора. Обновления жанра в XXI веке», посвященную истории исследования жанра хоррора в кинематографе. Автор разбирает зарубежные труды, целью которых является концептуальный и социально-философский анализ явлений, направлений, серий фильмов и отдельных картин, вышедших в последние несколько десятилетий. В книге рассматриваются франшизы («Пила», «Крик», сериал «Сумеречная зона»), недавно появившиеся субжанры (метахоррор, постхоррор, фолк-хоррор) на примере отдельно взятых картин с уклоном на социально-политическую проблематику. В частности, для репрезентации философских идей фильмов и сериалов используются такие философские течения, как постгуманизм, постмодернизм, метамодернизм, когнитивный подход и др. Основной целью монографии является репрезентация зарубежных исследований, а также проблематизация этических, социальных и нарративных аспектов анализируемых картин. Также Павлов упоминает видеоигры и литературные произведения в жанре хоррор в связи с их киноадаптациями и переосмыслениями. Автор статьи считает, что монография А. В. Павлова является полезной и энциклопедически важной для русскоязычных читателей, интересующихся жанром.

Ключевые слова

хоррор; исследования хоррора; кинематограф; историография; исследования; обновления; политизация

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Современное зарубежное академическое сообщество уже не первое десятилетие активно изучает жанр хоррора и его представителей, посвящая ему исследования, книги и даже книжные серии. К примеру, серия «Исследования хоррора» (“Horror Studies”) Чикагского университета, посвящена рассмотрению хоррора во всех его проявлениях в связи с социальными и культурными тенденциями. Здесь можно встретить исследования истории жанра в классической литературе, комиксах, на телевидении и др., а также изучение религиозных, сверхъестественных и мистических элементов в жанре ужасов и др. Авторы «Лексинтонгских книг об исследовании хоррора» (“Lexington Books Horror Studies”) фокусируют своё внимание на популярности жанра и отдельных его элементов. «Исследования хоррора и чудовищ» (“Horror and Monstrosity Studies Series”) посвящены нетривиальным изменениям и мутациям, связанным с телами и др. Ещё больше текстов можно встретить в тематических выпусках и журналах, посвященных хоррору (“Nightmare. Horror & Dark Fantasy”, “Supernatural Studies” и проч., а также отдельные работы в “Cultural Studies”, “Journal of Popular Culture” и др.).

На русском языке книг и переводов, посвященных исследованию хоррора как жанра, не столь много, как в англоязычном пространстве, но несколько примеров вспомнить всё-таки можно. Стоит отметить книгу «Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов» Дмитрия Комма (2012), где повествование сосредоточено на истории жанра и отдельных его представителях, сборник статей «Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве» (2012), составленный по результатам научной конференции, где представлен анализ понятия «ужасного», или же перевод книги-исследования Дэвида Дж. Скала «Книга ужаса. История хоррора в кино» (2009). Также в 2014 году вышли два выпуска журнала «Логос», посвященных Cinema Studies, где можно найти переводы зарубежных работ о «Зловещих мертвецах» (Уайнсток, 2014), «Пятнице, 13-е» (Хиллс, 2014) и др., а также русскоязычное исследование эксплуатационного кино (Шишкин, 2014), анализ кинокартины «Чужие среди нас» (Дегтярев, 2014) и др. Несмотря на приведенные примеры, дискурс вокруг жанра хоррора только зарождается и не столь распространён в академической среде, поэтому любая попытка привнести нечто новое в это направление исследований в русскоязычном пространстве вызывает пристальное внимание и интерес.

В конце 2024 года прошла презентация новой книги А. В. Павлова «Исследования хоррора. Обновления жанра в XXI веке», которая представляет собой историю изучения жанра в XXI веке. Она посвящена исследователям, ученым и философам, которые в своих работах пишут о хорроре и, в частности, фокусируют внимание на его изменениях, развитии и анализе тенденций преимущественно за последние два десятилетия. Книга состоит из четырех частей, каждая из которых отражает изменения и динамику жанра на протяжении большого периода времени. Несмотря на то что за основу взят XXI век, в части

параграфов можно встретить кинокартины XX века, которые являются отправными точками некоторых дискуссий. Сами исследования Павлов объединяет в следующие части: «История и теория», «Обновления», посвященные продолжению и переосмыслению известных картин и уже «устоявшихся» жанров, «Инновации», в которых рассматриваются новые явления в жанре, и «Политизации», затрагивающие социально-политическое осмысление жанра. Большинство глав посвящены одному исследованию: Павлов выстраивает повествование и рассуждения вокруг работы и показывает, в чём заключаются её преимущества и недостатки, что читатель может почерпнуть из неё и почему она важна для общей дискуссии.

Перед обзором каждой части стоит обозначить важность этой книги в русскоязычном дискурсе и показать главную цель исследования. Сам автор так характеризует её: «... меня прежде всего заботит, что и как говорят современные ученые об ужасе в новом тысячелетии» (2024, с. 11), что и будет прослеживаться на протяжении всего повествования. В отличие от многих книг, посвященных анализу, развитию и разбору жанра, представляющих бóльшую ценность для любителей кинематографа и обывателей, интересующихся ужасами, это исследование, то есть *исследование исследований*, нацелено на пробуждение дискурса вокруг хоррор-фильмов в русскоязычной академической среде. Целью работы видится погружение русскоязычного сообщества в проблематику зарубежных коллег, знакомство с их исследованиями и призыв к академической дискуссии. По этой причине основной фокус внимания уделён недавним ключевым работам в этой области, их структуре, тематике, примерам и ходу рассуждений авторов.

Автор монографии не ставит своей целью описать развитие жанра, поэтому часть исторических моментов упущена. Несмотря на это, в каждой из глав есть небольшое введение, которое позволяет понять суть дискуссии и обозначить ключевые работы (как кинематографические, так и исследовательские), необходимые для понимания контекста. Основная часть книги посвящена академическому обсуждению субжанров и отдельно взятых тематик, поднимаемых в хоррор-фильмах. По этой причине исследование Павлова будет полезно тем читателям, которые хотят погрузиться в этот дискурс, понять, что он из себя представляет и как устроен. «Исследования хоррора...» представляют собой репрезентацию хороших и плохих работ с акцентом на то, почему независимо от их качества, провокационности и ангажированности с ними стоит познакомиться. Важным является и то, что монография позволяет увидеть, как через философско-культурологическую оптику можно посмотреть на столь популярный жанр и в каком ключе возможно развивать своё исследование, разрабатывая новые концепции или применяя уже имеющиеся методы к недавно вышедшим картинам. Большое количество исследовательских оптик и методов, описываемых

автором, позволяет сделать книгу независимой и универсальной для изучения жанра, демонстрируя многообразие подходов.

Огромным преимуществом монографии является обширная «база данных» кинокартин и трудов, посвященных их анализу. Здесь можно встретить описание известных и ключевых серий книг, точечные исследования в виде монографий и статей и их переводы на русский язык. Неподготовленному читателю такой объем информации может показаться излишним или второстепенным, но благодаря такому количеству источников и их краткому изложению удается восполнить пробел в историографии изучения жанра. Монография позволяет не только ознакомиться с иностранной традицией и подходами, но и рассмотреть множество социально-политических проблем, которые зачастую поднимаются в хоррорах. Стоит оговориться, что Павлов зачастую ориентируется на англоязычную традицию исследований, поскольку она составляет бóльшую часть корпуса работ о фильмах ужасов, а также в контексте столь обширного, но в то же время ёмкого исследования оказывается наиболее доступной и служит основой для понимания общего вектора мысли.

Работа опирается на обширный эмпирический материал, который позволяет рассматривать тему не только теоретически, но и с практической точки зрения. Анализ охватывает как популярные фильмы последних лет, так и независимый арт-кинематограф. К массовым фильмам можно отнести ремейк «Нечто» (The Thing, 2011, режиссер — Маттис ван Хейниген мл.), экранизации «Оно» (It, 2017 и 2019, режиссер — Энди Мускетти), адаптации серий игр «Сайлент Хилл», а также оригинальную картину «Хижина в лесу» (The Cabin in the Woods, 2012, режиссер — Дрю Годдард). Среди арт-хорроров последних лет в монографии рассматриваются «Бабадук» (The Babadook, 2014, режиссер — Дженнифер Кент), «Реинкарнация» (Hereditary, 2018, режиссер — Ари Астер), «Солнцестояние» (Midsommar, 2019, режиссер — Ари Астер) и другие. Все они стали культовыми и знаковыми работами своего субжанра или направления, поэтому их рассмотрение позволяет проанализировать не только само произведение, но и общий контекст развития жанра в отдельно взятую «эпоху». О большинстве из них речь пойдёт далее, поскольку они тесно связаны с ключевыми темами, рассматриваемыми в выбранных теоретических источниках.

Как было сказано ранее, монография состоит из четырех частей, которые разбиты на теоретические блоки. В начале книги дается несколько «вводных» частей: введение, прочитав которое читатель сможет понять, насколько для него может быть полезна и интересна эта книга, и первая часть. Первая глава первой части посвящена краткой истории жанра, в рамках которой рассматриваются основные вехи развития ужаса в кинематографе. Она служит своего рода пролегоменами к дальнейшим исследованиям, поскольку здесь намечаются основные поворотные точки в развитии и изменении жанра,

а также демонстрируется отношение к жанру как таковому. К примеру, долгое время хоррор считался «низким» жанром, поскольку он ассоциировался с телесностью и насилием, поэтому ему не уделяли должного внимания, не подозревая о наличии в нём острых социально-политических проблем. Описание различных традиций жанра, а также жанров и субжанров не только дает краткий экскурс в проблематику, позволяя наметить собственный академический интерес, но и показывает сложность поставленной перед автором монографии задачи, вынуждая по меньшей мере в рамках одного исследования сделать выбор в пользу тех или иных проблематик и «направлений».

Вторая глава «Академические исследования жанра» задает тон и показывает ключевую особенность каждой из частей: разбор кейсов и текстов англоязычных исследователей с развернутыми комментариями и сопровождающей их полемикой. Данная глава кратко обозначает, как развивался академический дискурс вокруг хорроров и какие подходы использовались при его анализе. Методы и оптики анализа рассматриваются в отдельно взятых кейсах далее, но уже здесь Павлов отмечает некоторые из них: гендерный и психоаналитический подход, когнитивный, постмодернистский и проч. (2024, с. 42–44).

> В плане развития теории хоррора продолжаются и усиливаются тенденции, возникшие еще в 1970-х годах. Ученые пытаются применить наиболее обсуждаемые теоретико-методологические подходы гуманитарных и социальных наук к исследованиям жанра кино (2024, с. 46).

По мере развития кинематографа выпускаются новые фильмы, к которым нужно применять измененные и переосмысленные подходы в силу развития жанра и его расширения в философском поле, поэтому исследователи обращаются к новым методам изучения. Именно этому посвящена вторая глава, центральной книгой которой является сборник статей ”New Blood: Critical Approaches to Contemporary Horror (Horror Studies)” (Falvey, Hickinbottom, & Wroot, 2020). Она не только демонстрирует актуальные проблемы в хорроре (что важно при столь динамичном изменении жанра в XXI веке), но и пытается переосмыслить структуру жанра и место хоррора в культурной среде.

В 2010-х годах жанр переживает ренессанс (Павлов, 2024, с. 49), поэтому авторы сборника сфокусированы на «новом» этапе развития хоррора. Павлов подчеркивает недавно появившиеся или вновь актуализированные направления и обозначает, в каких произведениях можно с ними более детально познакомиться. К примеру, эссе «Фреймируя хоррор» Дэвида Чёрча о престижном хорроре (Church, 2020, p. 15–33; Павлов, 2024, с. 51), которое легло в основу монографии «Постхоррор» (Church, 2021), а также исследование Мэтта Хиллса и Джессики Балансатеги об изменении хоррора после появления цифровых носителей (Павлов, 2024, с. 52–53). Здесь также можно встретить упоминание наци-хоррора, десктоп-хоррора, сравнение female monster («женского монстра») и the monstrous feminine («монструозно-феминного»)

и др. Сборник статей “New Blood…”, несмотря на отмечаемые автором монографии недочеты, благодаря большому количеству исследований не только создал поле для дискуссии и обозначил актуальные субжанры хоррор-фильмов (постхоррор, феминность, технохоррор (technohorror) и др.), но и показал, как может проводиться изучение и переосмысление жанра. По этой причине Павлов акцентирует на нём своё внимание в надежде на «появление своих исследований жанра» в России (2024, с. 59).

Две описанные главы монографии являются вводными для читателя: в них автор даёт общее представление о проблематике своего исследования и общих тенденциях, появившихся в XXI веке в зарубежном академическом сообществе. Следующие главы хоть и объединены тематически (и последовательно), но, несмотря на это, являются самостоятельными частями в рамках общего рассуждения. Формат монографии — антология — позволяет пропускать фрагменты, которые не являются темой исследования читателя, без потери нити повествования. Сквозная мысль, объединяющая и выстраивающая тексты в единую последовательность, позволяет двигаться от внешних и всем известных форм хоррора (связанных с другими произведениями и находящихся в прямой зависимости от них: ремейки, франшизы, (ре)адаптации) через новые жанры (постхоррор, метахоррор, фолк-хоррор) к конкретным тематикам политического в хоррорах, совмещающих элементы второй и третьей частей. Такое деление позволяет выбирать тематику исходя не только из поджанра и темы, но и из структуры и связи фильма с другими произведениями, так как подход в их анализе может отличаться.

Самой необычной главой является «Хоррор и геймплей». Она входит в первую, «вводную» часть и затрагивает столь нетривиальную, но при этом популярную для хоррора тему, а именно то, как этот жанр представлен в видеоиграх и как они адаптируются для формата кинофильма. Здесь читатель может обнаружить проблемы и вопросы, которые будут подниматься далее: франшизация, сиквелы, (ре)адаптация и переосмысление. В «Хорроре и геймплее» рассматривается серия видеоигр «Сайлент Хилл», вдохновением для которой послужили отдельные произведения кинематографа и которая является переосмыслением образа мистического города, популяризированного Дэвидом Линчем в сериале «Твин Пикс» (Twin Peaks, 1990–1991) (Павлов, 2024, с. 73; Перрон, 2021, с. 92). За основу взята монография Б. Перрона «Silent Hill. Навстречу ужасу. Игры и теория страха» (2021), в которой автор анализирует не только сами игры, но и их теоретическую основу. Сложность структуры и нарратива этого исследования, как отмечает Павлов, заключается в том, что Перрон достаточно часто сравнивает кинематограф и видеоигры, утверждая, что они являются принципиально разными, но при этом не приводит достаточной доказательной базы для этого тезиса и не встраивает введенные им понятия в собственную систему (2024, с. 76–77, 82–84). Тем самым в этой главе поднимаются вопросы о принципиальных отличиях видеоигр от других

жанров и особенностях описания хоррора в иностранных и русскоязычных исследованиях.

В первой части Павлов с опорой на зарубежных исследователей анализирует и сравнивает такие понятия, как «хоррор», «триллер» и «террор». Если первые два представляют собой устоявшиеся жанры, граница между которыми периодически вызывает сомнение (2024, с. 35), то «террор» как жанр и направление — нечто новое для русскоязычной аудитории. Приведенные автором монографии точки зрения Перрона, Радклиффа, Кавалларо и других исследователей, а также собственная концептуализация понятия (2024, с. 80-83) очерчивают рамки «хоррора» и поднимают вопрос о целях и задачах жанра. *Какие эмоции он стремится вызвать и чем принципиально отличается от схожих направлений?* Разносторонность представленных позиций касательно этих двух (из огромного множества) вопросов позволяет назвать хоррор зонтичным термином, вбирающим в себя разные картины. В этом случае поле исследований и эмпирический материал каждый из авторов волен выбирать самостоятельно в зависимости от собственной оптики и подхода к жанру.

Во второй части автор фокусируется на «обновлениях» не столько жанра, сколько форм и структур отдельных кинофильмов. Каждое из представленных исследований (независимо, чему оно посвящено: ремейку, франшизе или (ре)адаптации) старается не только произвести эмпирический анализ данных, но и концептуализировать его, предлагая иной подход к пониманию феноменов кинематографа.

К примеру, говоря о ремейках, автор монографии «Реанимированные: Современные ремейки американского хоррора» (“Reanimated: The Contemporary American Horror Remake”) Лаура Ми (Mee, 2022) «делает что-то прямо противоположное предшествующим авторам — выдает ремейкам большой кредит доверия, полагая, что они занимают важнейшее место в жанре» (Павлов, 2024, с. 102). Акцент на этой монографии и такой точке зрения позволяет переосмыслить статус ремейков в истории кино и показать концептуальную значимость такой формы кинематографа. Ключевым примером в этой главе можно назвать картину «Нечто» (The Thing, 2011, режиссер — Маттис ван Хейниген мл.), которая является «секретным приквелом», «оммажем» или одновременно приквелом, сиквелом, ремейком и ребутом, что подчеркивает необычность этой картины (Павлов, 2024, с. 106-107). Такая амбивалентность репрезентации уже известного сюжета ставит вопрос о роли ремейков, их структуре и отличии от других форм кинематографа, что и пытается проследить в этой части «Исследований хоррора...» автор. Выбор в качестве ключевой работы монографии Лауры Ми позволяет «освежить» взгляд на ремейки, возвращая в дискурс и репрезентируя их как заслуживающие внимания картины, чему в том числе способствует Павлов.

Феномен франшизации также неразрывно связан с жанром хоррор, как и ремейки (2024, с. 111). Такую тенденцию можно проследить во множестве серий фильмов: «Крик», «Кошмар на улице Вязов», «Пятница, 13-е», «Хэллоуин», «Хостел», вышеупомянутый «Сайлент Хилл», а также «Ужасающий», «Х» (режиссер — Ти Уэст), «Тихое место» и др. Эта часть, вероятно, одна из самых эмпирически насыщенных при условии, что монография «Хоррор-франшизы в кинематографе», рассматриваемая здесь, за авторством Марка Маккена и Уильяма Проктора (McKenna & Proctor, 2021), не является сборником статей разных исследователей. Эта книга также, как и предыдущая, вступает в полемику с другими точками зрения, реабилитируя франшизы как таковые. Рассматривая феномены «макдонализации», «ошибки шаблона», а также «реакционных фантазий», Маккен и Проктор так же, как и Лаура Ми концептуально проблематизируют и переосмысляют франшизы как таковые. Цель рассуждений и комментариев Павлова в этом контексте заключается в обращении к статусу не-оригинальных картин, их взаимосвязи между собой и роли в общем поле кинематографа. Неоднозначность в прочтении и восприятии такого рода фильмов позволяет охарактеризовать их как «сложную дискурсивную категорию» (Павлов, 2024, с. 116), требующую особого внимания.

Для того чтобы повторно не обращаться к видеоиграм как примеру первоисточника, в главе «(Ре)адаптация» автор обращается к экранизациям литературных произведений, а если быть точнее, романов Стивена Кинга. В частности, в ней рассматривается исследование «Оно. Главы первая и вторая» (“It. Chapters One and Two”) Алиссы Бергер (Burger, 2023), опубликованное в ещё одной известной серии, посвященной хоррорам, «Адвокаты дьявола» (“Devil’s Advocates”). Тематика этой главы отличается от других, так как она с первых страниц фокусирует своё внимание на творчестве Кинга, а не на феномене адаптаций вообще, из-за чего она выбивается из общего повествования. Стивен Кинг является хоть и неочевидным, но удачным примером по той причине, что экранизации его романов продолжают выпускаться (недавно вышедшие «Обезьяна» (The Monkey, 2025, режиссер — Оз Перкинс) и «Бегущий человек» (The Running Man, режиссер — Эдгар Райт)), а список исследований пополняется до сих пор (Павлов, 2024, с. 134).

Двигаясь дальше по тексту, читатель будет всё больше замечать внимательное отношение автора к деталям при написании книги: в монографии упоминаются всё новые исследования, источники и статьи, которые расширяют поле изучения жанра и вступают в полемику между собой внутри текста. К примеру, анализ термина impure (дословно — нечистый), который приобретает совершенно другое значение в русскоязычном переводе: нечестивый, связанный с религией. В результате этого во время перевода появляется искажение концепции, предложенной Кэроллом и Перроном (2024, с. 79). Это позволяет продемонстрировать все тонкости и сложности работы с нерусскоязычными текстами (здесь в принципе идёт речь о работах, которые напи-

саны на языке, недоступном для читателя) и ошибки, допускаемые при адаптации текстов. Обширный эмпирический материал — от забытых и старых фильмов до современных сериалов — служит удачной репрезентацией — предложенных в монографии проблем и явлений, описываемых зарубежными исследователями жанра.

Следующая глава посвящена инновациям, своеобразным переосмыслениям жанра, которые ставят в центр внимания набор клише и визуальных образов, характерных для направления. В них можно встретить элементы других субжанров, но сами по себе они объединяются либо атмосферой, либо типом затрагиваемых проблем, либо способом повествования и воздействия на зрителя. Одной из таких категорий является «постхоррор», который до сих пор не имеет конвенционально принятого значения и зачастую ассоциируется с волной арт-хорроров, появившихся в 2010-х годах (2024, с. 171). В работе Дэвида Чёрча с аналогичным названием (Church, 2021) рассматриваются картины, традиционно относящиеся к жанру, в попытке исследовать тенденцию, вызвавшую столько внимания со стороны учёных, критиков и зрителей. Павлов на примере рассматриваемой монографии признает дискурсивный характер употребляемого термина, описывает историю его появления и акцентирует внимание не только на научных работах, но и на журналистских и любительских статьях, расширяя собственное исследование и понимание «направления».

Другой термин, актуальный в современном киносообществе, — метахоррор. Он представляет собой интеграцию элементов кино в канву повествования хоррора, исследующую сам кинематограф в кинематографе. В этом контексте сравнение метахоррора с теориями постмодерна (Павлов, 2024, с. 185) представляется наиболее удачным за счет схожести первого и второго в рефлексивности и аллюзивности. Примером, рассмотренным в этой главе, является картина «Хижина в лесу» (The Cabin in the Woods, 2012, режиссер — Дрю Годдард), которой посвящена монография Сюзанны Корд (Kord, 2021). Амбивалентное отношение к фильму только вызывает интерес со стороны исследователей, а репутация «самой кричащей, интертекстуальной и самореферентной хоррор-пародии» (Павлов, 2024, с. 193–194) подтверждает это. Связано это с множеством фильмов-референсов, на которые ссылается картина: начиная от классики жанра — «Крик», заканчивая менее известными «Забавными играми». Корд смещает акцент с этой части фильма на его философско-культурную составляющую и выстраивает свою монографию вокруг чувства вины, которое возникает при просмотре фильмов ужасов в противовес страху, что является спорным и неконвенциональным тезисом. Павлов, задаваясь вопросом о целях и причинах просмотра хорроров, подчеркивает и раскрывает важность монографии и дискуссии, начатой Корд в своём исследовании (2024, с. 207–208). Благодаря этому проясняется вопрос о метанарративе в произведениях, которые кажутся простым набором отсылок.

Следующая глава затрагивает отчасти субжанр, отчасти метажанр «фолк-хоррор» (2024, с. 209), исследования которого в последнее время развиваются настолько динамично, что охарактеризовать его становится крайне затруднительно, а описания варьируются от исследователя к исследователю. Фолк-хоррор представляет интерес как жанр, специализирующийся на времени и месте действия, а не на сюжетных тропах или персонажах определённого типа. Термин был предложен в 1970 году, после чего был популяризирован в 2010 году (2024, с. 212) и описывал ряд уже снятых и выпущенных картин. По этой причине Павлов указывает, что «жанровые определения фолк-хоррора по сути являются ретроспективными, по крайней мере в своих истоках» (2024, с. 213). Остановиться на одной трактовке направления не представляется возможным в ситуации активной дискуссии по сей день (как и в случае с постхоррором), поэтому автор монографии концентрирует своё внимание на подходах, предложенных зарубежными исследователями, стараясь очертить границы явления.

Направления хоррора не исчерпываются этими тремя категориями. Павлов в первой главе своего исследования также называет следующие субжанры:

> слэшер, или сплэттер (splatter), фильмы о монстрах (monster movies), кино о вампирах (vampire movies), фильмы о зомби, телесный хоррор, эко-хоррор (eco-horror), готика (gothic), сверхъестественный хоррор, или мистика (supernatural horror), постхоррор, найденная пленка (found footage), пыточное порно (torture porn), фолк-хоррор (folk horror) и т. д. Всем этим субжанрам ныне посвящены отдельные научные исследования (2024, с. 19).

Представленные в этой части монографии субжанры характеризуются как новые для этого тысячелетия (2024, с. 14), несмотря на то что фолк-хоррор в большей части относится к прошлому, логику автора проследить можно. Три представленных субжанра являются олицетворением постмодернистских идей. В этом контексте что постхоррор, что метахоррор, что фолк-хоррор становятся «знаком знака» (Рубцов, 2011, с. 37), отсылающим не столько к реальным образам, сколько к уже существующим в культуре явлениям, переосмысляя и дополняя их. Показанное на экране, хоть и является переосмыслением и деконструкцией устоявшихся законов жанра, но все равно, следуя логике постмодерна (Афанасов, 2019, с. 256), апеллирует к конвенциональным представлениям о фильмах ужасов, кинематографе и обществе в целом.

Если предыдущая часть представляет собой некоторую историографию отдельных субжанров, явлений и тенденций, то последняя часть монографии переходит к одной из оптик анализа кинематографа: социально-политической. Хоррор — один из жанров кинематографа, который работает с вытесненными страхами и проблемами общества (Чубаров, 2014). По этой причине темы социума не только наиболее ярко могут быть представлены в жанре, но и вызывают особый интерес у исследователей. Интерпретации хоррора как социально-политического явления появляются на заре 1970-х годов, позволяя

сравнивать хоррор с политикой американских властей (Павлов, 2024, с. 238). Позже хорроры будут нести ярко выраженный реакционный характер, связанный с отдельными событиями, к примеру, американской культуры и общества: событиями в жизни американской культуры и общества, такими как 11 сентября 2001 года (2024, с. 240), избрание Дональда Трампа на пост президента США (2024, с. 251) и др. Одним из произведений, ярко отражающих период его руководства, является серия фильмов «Судная ночь», хоть и не все фильмы были сняты в этот период.

Четвертая часть сосредоточена не только на вышеупомянутой серии фильмов, но и на сериале «Сумеречная зона» и его перезапуске 2002-2003 годов. Если оригинал фокусирует своё внимание на анализе американского общества 1950-х годов и проблемах расизма (2024, с. 274), то более поздняя версия сосредоточена на социальной критике и страхе перед террористической угрозой (2024, с. 285). Сериал вызвал крайне негативную реакцию. Произошло это, как отмечает Павлов, по причине несоответствия предложенной социальной критики духу сериала (2024, с. 290–291): в попытке угнаться за социальным комментарием Джордан Пил, автор перезапуска, примитизирует историю, упрощая конфликты и очерняя одну из сторон противостояния. Таким образом, можно увидеть, что, по мнению автора монографии, социально-политическая проблематика должна вписываться в общий нарратив истории, уместно расставляя акценты и давая почву для рассуждений, а не агрессивно настаивать на той или иной точке зрения.

В последней главе анализируется образ зомби и его переосмысление в современной культуре в рамках постгуманизма (2024, с. 302). Благодаря этой философской оптике зомби становится не столько монстром, сколько постчеловеком, по-разному проявляющим свои «человеческие» черты. В этой оптике субъекта (т.е. зомби) конституирует окружающая среда, посредством которой представления о нём могут противопоставляться внутреннему миру (Медникова, 2024, с. 57–58), что характерно для такого типа фильмов. Последняя часть сосредоточена на теме и содержании фильмов ужасов, а также на трактовке представляемых там событий. Тип исследований, представленных здесь, использует киноматериал как некоторый художественный способ представления реальности с упором на проблемы и темы, поднимаемые в нём. Соединяя современные подходы к анализу культуры, социума и человека, автор монографии репрезентирует субжанры и направления через философскую оптику, предлагая не культурологический, а концептуально-философский анализ с уклоном на социальную и культурную теорию, подчеркивающий влияние отдельно взятых картин на социум и кинематограф, в частности.

Подводя итог, стоит сказать, что книга А. В. Павлова «Исследования хоррора. Обновления жанра в XXI веке» успешно справляется с двумя поставленными задачами. Во-первых, она даёт краткую, но полную историографию жанра в современности. Некоторые темы намеренно не затрагиваются автором

в этой монографии и остаются для будущих исследований: например, национальный хоррор, новые субжанры (найденная плёнка, пыточное порно и далее), хоррор-сериалы и прочие тематики (2024, с. 315–321). Ряд проведенных и уже опубликованных исследований (2025a; 2025b; 2025c) говорит об ориентации автора на классические франшизы и их социально-культурную направленность: роль и значение категории «ценность» в контексте фильмов ужасов. Выборочный характер жанров и направлений в этой монографии может показаться как недостатком исследования, не позволяющим рассмотреть хоррор наиболее полно, так и преимуществом, позволяющим сосредоточиться на отдельно взятых направлениях, мыслях и идеях.

Монография «Исследования хоррора...» выполняет и вторую задачу: порождает важные вопросы об изменениях жанра, побуждает интерес к его изучению и указывает вектор дальнейших научных изысканий. Эта цель кажется наиболее важной и актуальной, так как исследование даёт основу для рассуждений, оставляя многие политические, социальные и этические вопросы без ответа, тем самым порождая новые вопросы вокруг жанра в России. Насколько бурную реакцию в русскоязычном академическом сообществе вызвала и вызовет эта монография, покажет время, но благодаря формату, количеству представленных материалов и вдумчивому подходу А. В. Павлова она приносит новое в наш дискурс, оживляя его и запуская уже неостановимый процесс.

Заявления автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлены и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Проведение исследования, концептуализация и написание статьи — Якимова С.В.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства:

Отсутствуют.

Список литературы

Burger, A. (2023). *It: Chapters One and Two*. Liverpool University Press. https://doi.org/10.3828/liverpool/9781802077155.001.0001

Church, D. (2020). Apprehension engines: The new independent "Prestige Horror." In E. Falvey, J. Hickinbottom, & J. Wroot (Eds.), *New blood: Critical approaches to contemporary horror* (pp. 15–33). University of Wales Press. https://doi.org/10.2307/jj.14491594.7

Church, D. (2021). *Post-Horror: Art, Genre and Cultural Elevation*. Edinburgh University Press. https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474475884.001.0001

Falvey, E., Wroot, J., & Hickinbottom, J. (Eds.). (2020). *New Blood: Critical Approaches to Contemporary Horror*. University of Wales Press. https://doi.org/10.2307/jj.14491594

Kord, S. (2021). *The Cabin in the Woods*. Liverpool University Press.

McKenna, M., & Proctor, W. (2021). Introduction: The death and resurrection show: Horror franchise cinema and the romanticization of cult. In M. McKenna & W. Proctor (Eds.), *Horror Franchise Cinema* (pp. 1–14). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429060830-101

Mee, L. (2022). *Reanimated: The Contemporary American Horror Remake*. Edinburgh University Press. https://doi.org/10.1515/9781474440660

Афанасов, Н. Б. (2019). В поисках утраченной современности. *Социологическое обозрение*, 18(1), 256–265. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-256-265

Дегтярев, Е. О. (2014). Социальная критика Джона Карпентера: Конспирология в «Чужих среди нас». *Логос*, 5, 141–162.

Денисенко, С. В., & Мотеюнайте, И. В. (Ред.). (2015). *Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве: Сборник статей*. Издательство Марины Батасовой.

Комм, Д. Е. (2012). *Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов*. БХВ-Петербург.

Медникова, А. А. (2024). Экологическая субъективность в философии постгуманизма. *Человек*, 35(1), 56–64. https://doi.org/10.31857/S0236200724010046

Павлов, А. В. (2024). *Исследования хоррора: Обновления жанра в XXI веке*. АСТ.

Павлов, А. В. (2025a). «Заклятие»: Невидимый страх, теология хоррора и традиционные ценности. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(1), 251–265. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i1.615

Павлов, А. В. (2025b). «Кладбище домашних животных» как культурная ценность. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(3), 307–318. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.675

Павлов, А. В. (2025c). «Чужие» и традиционные ценности: Рецензия на книгу Кристины Массачези о социально-философских интерпретациях «Чужих» Джеймса Кэмерона. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 373–383. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-2-373-383

Перрон, Б. (2021). *Silent Hill. Навстречу ужасу: Игры и теория страха* (М. В. Бочаров, Пер.). Эксмо; Бомбора.

Рубцов, А. В. (2011). Архитектоника постмодерна: Время. *Вопросы философии*, 10, 37–47.

Скал, Д. Дж. (2009). *Книга ужаса: История хоррора в кино* (А. М. Старченкова, Пер.). Амфора.

Уайнсток, Д. (2014). Постмодернизм с Сэмом Рэйми, или Как я научился не волноваться насчет теории и полюбил «Зловещих мертвецов». *Логос*, 5, 51–78.

Хиллс, М. (2014). По ту сторону паракинематографа: «Пятница, 13-е» как Иное трэша и легитимной кинокультуры. *Логос*, 5, 27–50.

Чубаров, И. М. (2014). Исключенные: Логики социальной стигматизации в массовом кинематографе. *Логос*, 5, 97–130.

Шишкин, Н. Э. (2014). Очень краткая история эксплуатационного кино в России. *Логос*, 6, 123–134.

References

Afanasov, N. B. (2019). In Search of Lost Modernity. *Sotsiologicheskoe Obozrenie / Russian Sociological Review*, 18(1), 256–265. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-256-265 (In Russian).

Burger, A. (2023). *It: Chapters One and Two*. Liverpool University Press. https://doi.org/10.3828/liverpool/9781802077155.001.0001

Chubarov, I. M. (2014). The Excluded: Logic of Social Stigmatization in Popular Cinema. *Logos*, 5, 97-130. (In Russian).

Church, D. (2020). Apprehension engines: The new independent “Prestige Horror.” In E. Falvey, J. Hickinbottom, & J. Wroot (Eds.), *New blood: Critical approaches to contemporary horror* (pp. 15–33). University of Wales Press. https://doi.org/10.2307/jj.14491594.7

Church, D. (2021). *Post-Horror: Art, Genre and Cultural Elevation*. Edinburgh University Press. https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474475884.001.0001

Comm, D. E. (2012). *Formulas of Fear: Introduction to the History and Theory of the Horror Film*. BHV-Petersburg. (In Russian).

Degtyarev, E. O. (2014). John Carpenter’s Social Critique: Conspiracy in They Live. *Logos*, 5, 141–162. (In Russian).

Denisenko, S. V., & Moteyunaite, I. V. (Eds.). (2015). *All Fears of the World: Horror in Literature and Art: Collection of Articles*. Marina Batasova Publishing . (In Russian).

Falvey, E., Wroot, J., & Hickinbottom, J. (Eds.). (2020). *New Blood: Critical Approaches to Contemporary Horror*. University of Wales Press. https://doi.org/10.2307/jj.14491594

Hills, M. (2014). Para-Paracinema: The Friday the 13th Film Series as Other to Trash and Legitimate Film Cultures (A. A. Pisarev, Trans.). *Logos*, 5, 27–50. (In Russian).

Kord, S. (2021). *The Cabin in the Woods*. Liverpool University Press.

McKenna, M., & Proctor, W. (2021). Introduction: The death and resurrection show: Horror franchise cinema and the romanticization of cult. In M. McKenna & W. Proctor (Eds.), *Horror Franchise Cinema* (pp. 1–14). Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429060830-101

Mednikova, A. A. (2024). Ecological Subjectivity in the Philosophy of Posthumanism. *Čelovek*, 35(1), 56-64. https://doi.org/10.31857/S0236200724010046 (In Russian).

Mee, L. (2022). *Reanimated: The Contemporary American Horror Remake*. Edinburgh University Press. https://doi.org/10.1515/9781474440660

Pavlov, A. V. (2024). *Horror Studies: Genre Updates in the 21st Century*. AST Publishing. (In Russian).

Pavlov, A. V. (2025a). "The Conjuring": Invisible Fear, Theology of Horror, and Traditional Values. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(1), 251–265. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i1.615 (In Russian).

Pavlov, A. V. (2025b). "Pet Sematary" as Cultural Value. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 7(3), 307–318. https://doi.org/10.46539/gmd.v7i3.675 (In Russian).

Pavlov, A. V. (2025c). "Aliens" and Traditional Values. A Review of Cristina Massaccesi's Book on Socio-philosophical Interpretations of James Cameron's "Aliens". *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 9(2), 373–383. https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-2-373-383 (In Russian).

Perron, B. (2021). *Silent Hill: Facing Horror—Games and the Theory of Fear* (M. V. Bocharov, Trans.). Eksmo; Bombora. (In Russian).

Rubtsov, A. V. (2011). Architectonics of postmodernism: Time. *Voprosy Filosofii*, 10, 37–47. (In Russian).

Shishkin, N. (2014). Exploitation Cinema within the Limits of the Internet. *Logos*, 6, 123–134. (In Russian).

Skal, D. J. (2009). *The Horror Book: A History of Horror in Cinema* (A. M. Starchenkova, Trans.). Amphora. (In Russian).

Weinstock, D. (2014). Postmodernism with Sam Raimi (or How I Learned to Stop Worrying About Theory and Love Evil Dead) (S. T. Astafyeva, Trans.). *Logos*, 5, 51–78. (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75215 since 07 march 2019

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 57, Granovskiy per. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414038

Editor-in-Chief: Rastyam T. Aliev, PhD

In case you have any questions about co-operation please write an email the following address: admin@galacticamedia.com or galacticamedia@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

Galactica Media: Journal of Media Studies. ISSN: 2658-7734

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор: к.и.н. Растям Туктарович Алиев

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по email: admin@galacticamedia.com или galacticamedia@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

Галактика медиа: журнал медиа исследований. ISSN: 2658-7734